ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

А. Н. Аѳанасьевъ.

РУССКІЕ САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

1769—1774 годовъ.

Эпизодъ изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка.

Изд. 2-ое.

КАЗАНЬ.
Издательство «Молодыя Силы».

Типографія Казанскаго Губернскаго Отдѣла по Просвѣщенію.

I.

Блистательное царствованіе императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. Успѣхи общественной жизни отразились и на серьёзномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи. Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патріотизма—вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени.

Ограничиваясь періодическими изданіями 1769—1774 годовъ, замѣтимъ, что главнымъ характеристическимъ выраженіемъ журналовъ избраннаго нами времени была *сатира*; этимъ они болѣе или менѣе отличаются отъ журналовъ предъидущаго и послѣдующаго времени. Конечно, еще въ „Трудолюбивой Пчелѣ" Сумарокова (1759 г.) замѣчается стихія сатирическая; но здѣсь она далеко не получила той многосторонности, какую встрѣчаемъ въ послѣдующихъ журналахъ, обзоръ которыхъ рѣшаемся представить въ этомъ сочиненіи. Справедливѣе сказать, что Сумароковъ вообще своими сочиненіями, а не одною „Трудолюбивою Пчелою", положилъ основаніе той остроумной и бойкой сатирѣ, которою такъ удачно и мастерски воспользовались послѣ періодическія изданія. Время съ 1769 по 1775-й годъ въ исторіи нашей литературы—время сатиры попреимуществу, сатиры, строго-обличающей пороки и затрогивающей темныя стороны вседневной жизни. Сатира эта состоитъ въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала Великая Екатерина: она бросала на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранила для насъ много богатыхъ и любопытныхъ свидѣ-

тельствъ о внутренней жизни нашего общества, о разнообразныхъ условіяхъ его быта, о духѣ современныхъ той эпохѣ убѣжденій и взглядовъ. Вотъ почему лучшіе сатирическіе журналы даннаго времени отличаются такою же яркою изобразительностью и такимъ же живымъ интересомъ, какими была проникнута самая общественная жизнь семидесятыхъ годовъ; въ нихъ заключены превосходные матеріалы для комическаго и драматическаго воспроизведенія нравовъ прошлаго (XVIII) столѣтія. Рядомъ съ этими обличительными статьями появлялись и листы, наполненные различными разсужденіями, стихами и разсказами, писанными, какъ выражались тогда, для одного *увеселенія*, то есть для простаго удовлетворенія эстетическихъ потребностей современнаго общества. Періодическія изданія Рубана даже вовсе ограничивались такою скромною цѣлью; только къ статьямъ, писаннымъ для увеселенія, они присоединяли историческіе матеріалы; а въ журналѣ: „Полезное съ Пріятнымъ“ печатались, сверхъ сатирическихъ писемъ, теоретическія разсужденія о воспитаніи и житейскомъ обхожденіи [1]).

Такое значеніе періодическихъ изданій 1769—1774 годовъ было главною причиною, почему мы рѣшились обратить на нихъ вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что изданія эти въ настоящее время весьма рѣдки, а нѣкоторыя и вовсе недоступны [2]). Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что вообще мы очень мало знакомы съ старинными журналами, хотя безъ этого знакомства исторія литературы рѣшительно-невозможна.

1769-ый годъ былъ особенно-счастливъ на журналы, которыхъ выходило тогда восемь. Съ начала года Козицкій вздумалъ издавать еженедѣльникъ, подъ названіемъ „Всякой Всячины“, а Чулковъ—еженедѣльникъ „И то и сё“; вслѣдъ затѣмъ появились: съ 21-го февраля „Ни то ни сё“ Рубана,

---

[1] Сатирическое направленіе продолжалось и послѣ въ разныхъ журналахъ. См. мою замѣтку въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ 1856 г. № 55: „Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго вѣка“.

[2]) Это и побудило меня самые рѣдкіе изъ этихъ журналовъ перепечатать вновь: *Кошелекъ, Пустомелю* и *Поденьшину* (въ Москвѣ, 1858 г., въ 16 д. л., въ типограф. С. Селивановскаго). А. Аѳ.

Издательство „Молодыя Силы“ печатаетъ снова эти журналы, такъ какъ изданія Аѳанасьева въ настоящее время также почти рѣдки, какъ и самые оригиналы. И. К.

продолжавшееся только по 12-е іюля; съ 1-го марта по 5-е апрѣля выходила „Поденьщина“ Тузова; съ 1-го апрѣля стала выходить „Смѣсь“, съ мая—„Трутень“ Новикова, а съ іюля—„Адская Почта“ Эмина. Кромѣ того, полгода выдаваемо было „Полезное съ Пріятнымъ“. Всѣ эти изданія, согласно тогдашнему обыкновенію, окончились вмѣстѣ съ концомъ года; нѣкоторыя еще раньше. Въ новый 1770 годъ перешли только „Всякая Всячина“ и „Трутень“, которые нѣсколько времени продолжали выдавать статьи, оставшіяся отъ прошлогодняго запаса; первая—подъ названіемъ: „Барышокъ Всякія Всячины“, а второй подъ старымъ именемъ. Названные нами журналы выходили въ Петербургѣ; въ Москвѣ не было тогда періодическихъ изданій. „Извѣстно, говоритъ насмѣшливый „Трутень“, „что почтенная наша старушка-Москва и со своими жителями „во нравахъ весьма непонятна: ей всегда нравилися новыя „моды, и она всегда перенимала ихъ у петербургскихъ жите-„лей... Въ нынѣшнемъ 1769 году лишь показалася въ свѣтъ „Всякая Всячина“ со своимъ племенемъ, то жители нашего „города заключили, что и это—новая мода, и какъ Москва „писателями сихъ мелкихъ сочиненій весьма изобильна, то „надѣялись, что тамъ сіи листки выходить будутъ не десятками, „а сотнями... но всѣ обманулись: въ Москвѣ и по сіе время „ни одного такого изъ типографіи не вышло листочка, да и „печатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ немногіе. Старой, „но весьма разумной нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заклю-„чаетъ, что Москва ко украшенію тѣла служащія моды пере-„нимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва „также, какъ и престарѣлая кокетка, сатиръ на свои нравы „читать не любитъ“ [1]).

Объ издателяхъ [2]) періодическихъ листов 1769-го года извѣстно намъ весьма-мало. Это были люди, по своему времени, болѣе или менѣе образованные и талантливые. Издатель

---

[1]) Стр. 44—45.

[2]) Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей, что слово „издатель“ въ XVIII и началѣ XIX вѣка имѣло нѣсколько иное значеніе, чѣмъ теперь. Словомъ издатель мы означаемъ то лицо, которое даетъ средства на выпускъ книги или журналы, опредѣляя въ большей или меньшей степени направленіе послѣдняго. Въ прежнее время, если

„Всячины“. Григорій Васильевичъ Козицкій, воспитывался въ кіевской академіи, путешествовалъ по Европѣ, а по возвращеніи изъ-за границы (въ 1758 г.) опредѣленъ лекторомъ словесности при санктпетербургской академіи наукъ, впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ обществѣ его знали за человѣка умнаго, знатока тогдашняго тона и свѣта. Новиковъ отзывается о немъ съ большою похвалою: „Сей искусный и ученый мужъ пріобрѣлъ бы не последнее мѣсто между славными россійскими писателями, ежели „бы имѣлъ достаточное время для упражненія въ словесныхъ „наукахъ. Совершенное его искусство во славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и „великое его просвѣщеніе со здравымъ разсудкомъ въ томъ „удостовѣряютъ. Слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ“. Сумароковъ, скупой на похвалы писателямъ, отзывался о Козицкомъ, какъ о талантливомъ сочинителѣ, и въ спорахъ о чистотѣ языка часто ссылался на его авторитетъ. Козицкій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Сумароковымъ; въ последнее время обнародована часть ихъ переписки [1]; онъ участвовалъ въ „Трудолюбивой Пчелѣ“, на листахъ которой напечатано его разсужденіе „О пользѣ миѳологіи“; онъ много переводилъ и, между прочимъ, перевелъ на латинскій языкъ „Наказъ коммиссіи“.

Приступая къ изданію „Всячины“, Козицкій сдѣлалъ такое обращеніе къ публикѣ: „Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится безъ всякого „порядка; иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда бу-

---

хотѣли указать лицо, давшее средства на изданіе, то употребляли выраженіе „иждивеніемъ“ такого-то. Слово же „издатель“ въ то время иногда соотвѣтствовало понятію „авторъ“, по отношенію же къ журналамъ оно употреблялось въ значеніи составитель и болѣе соотвѣтствовало нынѣшнему понятію „редакторъ“. Нѣкоторые журналы XVIII вѣка составлялись сплошь изъ произведеній одного выпускавшаго ихъ въ свѣтъ лица; въ такомъ случаѣ понятіе „издатель“ было равносильно значенію „авторъ“ журнала. Нелишне будетъ замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ „издатель“ былъ и авторомъ существенной части журнала, и что значительная часть журналовъ печаталась иждивеніемъ самихъ издателей. И. К.

[1] „Библ. Записки“, № 14 и 15 (1858); „Отеч. Зап.“ 1858 г., № 2.

„дете смѣяться". При окончаніи года издатель еще яснѣе указалъ на задачу своего журнала: „Я хотѣлъ (говоритъ онъ) показать—первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ „тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу „тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя „ихъ, и третіе—говорить русскимъ о русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ". Образцомъ для „Всячины" послужилъ знаменитый англійскій журналъ, издававшійся въ 1711—2 годахъ Аддисономъ, подъ названіемъ „Зрителя" (The Spectator) и послѣ долгое время пользовавшійся большимъ успѣхомъ. „Въ английскомъ „Смотрителѣ", замѣчаетъ одинъ изъ сотрудниковъ Козицкаго, немало соли, а „Всякая Всячина" на него походитъ"; въ другомъ мѣстѣ находимъ сближеніе „Всячины" съ французскими и англійскими періодическими изданіями: „Зрителемъ", „Новымъ Менторомъ", „Мизантропомъ" и „Пустомелею". Это вліяніе иностранныхъ сатирическихъ изданій на наши журналы мы допускаемъ только въ той мѣрѣ, по скольку оно касается формы и тона статей; а содержаніе наши сатирическіе журналы брали изъ своей собственной жизни. Картины, ими представленныя, и самый языкъ отличаются неподдѣльными чертами народности. Не смотря на желаніе, высказанное Козицкимъ въ спорѣ съ издателемъ „Трутня", чтобъ сатира имѣла побольше мягкости, онъ не щадилъ ничего, что̀ заслуживало насмѣшки, и справедливо замѣтилъ, что потомство произнесетъ надъ нимъ такой судъ: „его разсужденія, не смотря на состарѣвшійся языкъ и темныя „выраженія вѣка, мы довольно разумѣемъ, чтобы видѣть, какія „были забавы и нравы у россійскаго народа". Для наполненія „Всячины" сатирическими описаніями, издатель, по собственному его свидѣтельству, старался имѣть наблюдательные глаза и уши на всѣхъ гульбищахъ, празднествахъ и собраніяхъ въ обѣихъ столицахъ [1]).

„Мнѣ (говоритъ Козицкій въ объявленіи о своемъ журналѣ) сказали мама и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я „уменъ; у меня есть ласкатели, кои тоже нынѣ подтверждаютъ: „ибо не у однихъ князей и баръ, да у двора найти сихъ животныхъ можно. Сверхъ ума моего, я заподлинно изъ опытовъ

---

[1]) Стр. 53, 103, 249, 399, 551—552.

„увѣренъ, что у меня сердце доброе. Итакъ надѣйтеся, господинъ читатель, что, купя мой трудъ, вы не вовсе потеряете „свои деньги. Не вздумайте же впрямъ, что мнѣ нужда въ „вашихъ деньгахъ: я, право, дважды въ день сытъ, и еще „остается столько, что и васъ накормить можно. Я знаю, что „все сіе отправляется на чужой счетъ, ибо доходъ мой есть „дань, паложенная на людей, кои болѣе меня работаютъ въ „потѣ лица своего, а я то проживаю безъ толикаго труда и „часто безъ благодарности къ нимъ..." Обрисовавъ свое положеніе, издатель такимъ же насмѣшливымъ тономъ представляетъ портреты четырехъ своихъ сотрудниковъ и обѣщаетъ современемъ открыть публикѣ ихъ имена. Онъ приглашаетъ и постороннихъ участвовать въ своемъ журналѣ, но прибавляетъ при этомъ: „мы обѣщаемъ вносити въ наши листы все то, что насъ не введетъ въ тяжбу съ благочиніемъ" [1]. Впрочемъ, имена сотрудниковъ „Всячины" скрыты подъ загадочными и затѣйливыми псевдонимами, каковы: *Аришлай Шуши, Ибрагимъ Курмаметъ, Остроперовъ, Топтоногова, Торабаровъ, Самъ себѣ лѣкарь, Сами отгадайте кто? Имя мое съ аза, а прозвищемъ проказа*, и другіе. Статьи, помѣщенныя во „Всячинѣ", сентенціями озаглавлены краткими нравственными сентенціями въ родѣ слѣдующихъ: „Дѣлайте по моимъ словамъ, а не по моимъ дѣламъ". „Неблагодарность вреднѣйшій есть порокъ", „Упрямство есть порокъ слабаго ума", „Привычка есть второе естество", и такъ далѣе. Подъ этими заглавіями находимъ нѣсколько интересныхъ сценъ, ярко-рисующихъ нравы частнаго, домашняго быта того времени. Успѣхъ „Всячины" былъ полный; съ самаго появленія своего она встрѣчена съ такимъ участіемъ, что перваго и втораго листовъ не достало на всѣхъ желающихъ [2].

Издатель журнала „И то и сё", Михайло Дмитріевичъ Чулковъ, извѣстенъ, какъ авторъ комедіи: „Какъ хочешь назови" и какъ составитель многихъ весьма полезныхъ книгъ [3].

---

[1]) Стр. 1—2, 9, 16, 23, 116, 119.

[2]) Стр. 170.

[3]) „Русскія сказки"; „Юридическій словарь", „Историческое описаніе россійской торговли", „Словарь учрежденныхъ въ Россіи ярмарокъ" и др.

Онъ слушалъ въ московскомъ университетѣ лекціи русской словесности, и первый обратилъ вниманіе на уцѣлѣвшіе въ народѣ памятники старинныхъ суевѣрій. Цѣль и направленіе своего журнала онъ опредѣлилъ слѣдующими словами: „Я „самъ себя больше знаю, нежели кто другой, и обѣщаюсь, „ежели не солгу, въ семъ сочиненіи описать большую поло-„вину моей жизни. Только опять сказываю и это, что не все „то будетъ правда, что я буду говорить о самомъ себѣ: иногда „именемъ моимъ буду я кликать другаго, который хотя и не „отзовется. По той причинѣ, можетъ, онъ на меня и подоса-„дуетъ, однако въ необходимой путь ступить мнѣ должно какъ-„нибудь; впрочемъ, зеркало не виновато, коли рожа крива" [1]). Журналу своему Чулковъ старался придать легкій тонъ народности: всѣ нумера его изданія пересыпаны пословицами и поговорками; въ статьяхъ своихъ онъ касается народныхъ повѣрій и гульбищъ и упоминаетъ о лубочныхъ сказкахъ. Заканчивая свое изданіе эпитафіею „И тому и сему", Чулковъ прибавляетъ, что при изданіи его трудился онъ одинъ, безъ всякой помощи, исключая весьма малаго, „которое и по слогу „читатель узнаетъ, что оно не мое, а принесено ко мнѣ ро-„комъ" [2]). Въ этомъ *маломъ* встрѣчаемъ статьи Сумарокова: „Противурѣчіе г. Примѣчаеву", „О всегдашней равности въ продажѣ товаровъ", его же эпиграммы [3]), и стихотворенія Михайла Попова, воспитанника кадетскаго корпуса и актёра [4]).

При журналѣ „И то и сё" продавалась сочиненная Чулковымъ сатирическая поэма: „Плачевное паденіе стихотворцевъ" (въ трехъ пѣсняхъ), потомъ вновь-изданная въ 1775 году съ прибавленіемъ къ ней стиховъ на гулянье подъ качелями и на семикъ, которые первоначально были напечатаны въ текстѣ журнала „И то и сё". Поэма эта, вмѣстѣ съ прибавочными къ ней стихами, была впослѣдствіи по ошибкѣ перепечатана между сочиненіями Василія Майкова [5]), не смотря на то, что

---

[1]) Недѣля III.

[2]) Недѣля LII.

[3]) Недѣля VI. „Опытъ истор. словаря" Новикова, стр. 234.

[4]) Карабановъ: „Основаніе русск. театра", стр. 23 и 34.

[5]) Смотри „Сочиненія Василія Майкова, или собраніе остроумныхъ сатирическихъ забавныхъ поэмъ, нравственныхъ басенъ и сказокъ,

въ стихахъ на качели и въ самой поэмѣ заключается много насмѣшекъ надъ Майковымъ и его литературными трудами. Майковъ извѣстенъ, какъ авторъ сатирической поэмы: „Елисей или раздраженный Вакхъ", наполненной нѣсколько пошлыми картинами, но написанной забавно-торжественнымъ тономъ и не безъ остроумія [1]), какъ сочинитель другой сатирической поэмы: „Игрокъ ломбера" и эклогъ, и какъ перелагатель въ стихи прозаическаго перевода „Овидіевыхъ Превращеній". Надо всѣми этими произведеніями музы Майкова Чулковъ равно посмѣялся. Пародируя поэму „Елисей", въ которой авторъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ-ямщикомъ завелъ въ питейный домъ и Бахуса и Силена, Аполлона заставилъ рубить дрова, Цереру работать на гумнѣ [2]), Чулковъ говоритъ:

Потомъ я затащилъ въ харчевню весь Парнасъ;
Минервинъ на гумнѣ послышался мнѣ гласъ.
Церера на грядахъ крапиву во щи полетъ,
Юпитеръ на дворѣ дрова изъ платы колетъ...
Въ *ямщичьей* шапкѣ Марсъ на одноколкѣ рыщетъ,
Буянитъ онъ, кричитъ и по бурлацки свищетъ;
Торгуетъ выжигой на площади Плутонъ,
Въ волынку на мосту играетъ Аполлонъ,

и такъ далѣе. Намекая на стихотворное переложеніе Овидія, Чулковъ продолжаетъ:

Овидія себѣ наставникомъ избралъ,
Который никогда такъ, думаю, не вралъ;
Писалъ онъ хорошо, остро, замысловато,
А я переводилъ гораздо плоховато,
И такъ нехорошо, что сей великій мужъ
Толико сдѣлался по русски неуклюжъ,
Колико въ собственномъ нарѣчіи прелестенъ.
Латинскій мнѣ языкъ и русскій неизвѣстенъ,
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;

театральныхъ и другихъ его лирическихъ твореній". Спб. 1809 г. Означенная поэма принадлежитъ Чулкову по прямому указанію изданія 1775 г. и по свидѣтельству Новикова (См. Опытъ историч. словаря, стр. 243).

[1]) Годъ перваго изданія намъ неизвѣстенъ; въ каталогахъ показанія ошибочны. Поэма въ свое время имѣла значительный успѣхъ.

[2]) Стр. 4, 9, 15—16, 18.

однако лишь перо омочилъ въ чернила, то вздумалъ о себѣ не вѣсть-что, надулся хомякомъ и пошелъ не дорогою, а цѣликомъ:

Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди,
И бубны принималъ не вѣдая за жлуди [1]).

Въ поясненіе выписанныхъ нами стиховъ приведемъ отзывъ Новикова о Майковѣ: онъ „почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ, *ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ*" [2]). Другіе намёки, которыми такъ богато „Плачевное паденіе стихотворцевъ", разгадать весьма трудно.

Издателемъ журнала „Ни то, ни сё" былъ Василій Григорьевичъ Рубанъ, получившій воспитаніе въ кіевской академіи и московскомъ университетѣ; онъ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ и лирическихъ стихотворцевъ; онъ написалъ множество надписей къ портретамъ разныхъ лицъ, на дни рожденія, тезоименитства, пожалованія наградами и проч., надписями этими наполнялъ и свой журналъ. Особенно же извѣстенъ Рубанъ въ нашей литературѣ надписью къ монументу Петра Великаго:

Колосъ Родосскій! днесь смири прегордый видъ....

Рубанъ оставилъ нѣсколько полезныхъ книгъ по русской исторіи и географіи. Журналъ свой началъ онъ издавать, увлеченный примѣромъ Козицкаго и Чулкова; однако „Ни то, ни сё", какъ и другія періодическія изданія Рубана, чужды того сатирическаго духа, какой замѣчаемъ во „Всякой всячинѣ" и въ журналѣ „И то и сё": здѣсь печатались стихотворенія и переводныя прозаическія статьи для „увеселенія". Причиной изданія перваго своего журнала Рубанъ прежде всего полагаетъ свойственное людямъ самолюбіе. „Эта страсть (говоритъ) онъ, „будучи сопровождаема еще охотою показаться грамотными и

[1]) Намёкъ на „Игрока ломбера". Въ этой поэмѣ Леандръ ошибкою принялъ во время игры бубны за черви.

[2]) „Опытъ истор. словаря", стр. 135.

„желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листковъ „необходимымъ. Итакъ три только обстоятельства остались, о „которыхъ намъ нѣсколько позаботиться надобно, а именно: „сочиненіе наше покажется читателямъ или полезно, или без„полезно, или ни то, ни другое. Что до перваго принадлежитъ, „то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто наше *Ни „то, ни сё* захочетъ превратить въ *Нѣчто*. Чтожъ касается „до втораго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ чита„телей, которые изъ сего нашего затору произведутъ непріят„ную чувствамъ кислоту; а если случится третіе, то мы уже „будемъ не первые отягощать свѣтъ безполезными сочиненіями: „между множествомъ ословъ и мы вислоухими быть не по„краснѣемъ. Вить мы не вдвое противъ другихъ человѣки... Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, что мы чрезъ сіе окажемся честными и справедливыми людьми, сдержавъ „свое слово предъ публикою, то есть, что выйдетъ изъ сего „настоящее и безпримѣсное *Ни то, ни сё*" [1]). Таково остроуміе Рубана. Слогъ его вялый, по мѣстамъ обезображенный тяжелыми и неправильными оборотами. Разсуждая о томъ, что нужно для періодическаго изданія, онъ говоритъ, что „надежнѣе „всего мѣшать поученія съ увеселеніями и угрюмость строгихъ „правилъ умягчать какими-нибудь пріятностьми или закрыватъ „прелестными цвѣтами, но съ соблюденіемъ надлежащей мѣры „единообразія, чтобъ слишкомъ не перепестрить" [2]). Но, вопреки своему намѣренію, онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ въ плохомъ переводѣ разсужденіе Сенеки о смерти. Одинъ острякъ прислалъ по этому поводу въ редакцію стихи:

Безспорно, что̀ весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать;
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать..
Ввязались не въ свое вы дѣло;
Ни то ни сё, а заграмѣло
Сенекой, какъ Перунъ, у насъ, и проч.

На это издатель отвѣчалъ стихами о разнородности человѣческихъ вкусовъ: что если одни склонны къ забавному, за

---

[1]) Стр. 3—5.
[2]) Стр. 75—76.

то другіе охотники до морали. Вскорѣ послѣ того было въ журналѣ Рубана напечатано письмо Старожилова, который защищаетъ переводъ Сенеки [1]): „всѣ говорятъ, что имъ на-„скучили важности и въ большихъ книгахъ; жалуются и на „самыхъ проповѣдниковъ, что будто они имъ своею моралью „уши прожжужали; но я вамъ порукою, что они первыхъ и „въ руки не бирали, а вторыхъ не слыхивали. Вить извѣстно, „что такіе *порхуны* столь же боятся долгой обѣдни, какъ „большой и разумной книги“. Между сотрудниками Рубана должно упомянуть Василія Петрова, который помѣстилъ на листахъ его журнала переведенную имъ оду: „Должности общежитія“.

„Ни то, ни сё“ не удовлетворяло вкусу и желаніямъ публики и потому не имѣло успѣха; оно существовало около пяти мѣсяцевъ. Недовольный публикою и замѣчаніями другихъ журналистовъ, Рубанъ, при окончаніи своего изданія, разразился такимъ обращеніемъ къ читателямъ:

„Господа читатели! Съ нынѣшняго года извѣстно стало, „что марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая бо-„лѣзнь, какъ и плести стихи; а мы по собственному опыту „нашли на нее и лѣкарство. Оно называется многодѣліемъ, „котораго если дать добрый пріемъ больному, то сколь бы въ „немъ болѣзнь сія ни застарѣлась, только онъ, если не на-„всегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени изцѣлит-„ся... Примѣчено еще то, что въ сей болѣзни люди бываютъ „неодинаковы: иные веселы, пріятны и въ полномъ умѣ, а „иные совсѣмъ шалѣютъ, взъѣдаются, не будучи ни кѣмъ „дразнимы, и много безтолковаго бредятъ. Что касается до „насъ, то мы, хотя и не надѣемся, чтобы насъ здоровые чи-„татели включили въ число первыхъ, такъ по крайней мѣрѣ „не боимся быть поставлены между послѣдними; а если такъ, „то по всѣмъ выкладкамъ причтется нашей болѣзни назваться „чистымъ *Ни тѣмъ, ни сѣмъ*. Правду сказать, мы не угодили „ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ, потому „что не грезили ни объ нарядахъ, ни объ модахъ, но о томъ „жалѣть нечего; вить они и сами больны головою, однако не „ломомъ, но пустотою въ головѣ. А вторымъ, потому что мы

---

[1]) Стр. 31—32, 77—79.

..писали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; ..они охотники до увѣсистыхъ книгъ, но по несчастію прекра..тившаяся скоропостижно наша болѣзнъ не дала намъ времени ..сгромоздить ничего такого, что-бъ имъ руки обломить могло... ..Итакъ осталось намъ ожидать себѣ похвалъ отъ однихъ ..здоровыхъ людей, но по несчастію ихъ очень мало... Про..щайте, господа читатели, мы съ вами разговаривать не бу..демъ: здоровымъ изъ васъ желаемъ быть здоровыми и впредь, ..а больнымъ скораго выздоровленія .. Впрочемъ, вы чрезъ ..наше излѣченіе не лишитеся удовольствія забавляться раз..ными нелѣпостями, отъ больныхъ содѣваемыми" [1]). Этими послѣдними строками Рубанъ мѣтилъ на другія періодическія изданія, продолжавшія выходить въ свѣтъ въ то время.

Если Чулковъ, оканчивая свое изданіе, самъ пропѣлъ ему эпитафію, то журналу: „Ни то, ни сё" потрудилась пропѣть эпитафію „Смѣсь". Вотъ это стихотвореніе:

Немного времени „Ни то, ни сё" трудилось,
Въ исходѣ февраля родившися на свѣтъ:
Вся жизнь его была единый только бредъ,
И въ *блоху* [2]) наконецъ въ іюлѣ преродилось.
А сею тварею презрѣнно бывъ вездѣ,
Исчезло во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ.

Приведемъ здѣсь и другую эпиграмму, напечатанную въ „Смѣси" на Рубана:

Не будетъ тотъ столяръ, кто *рубитъ* лишь дрова,
Не будетъ тотъ піитъ, кто русскія слова
Разрубитъ на стихи и рифмами окончитъ...
Такъ для чего-жъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и *Рубачъ* піитомъ называться?
За имя же сіе *Рубачъ* готовъ хоть драться,
И *нарубивъ* стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ ввѣкъ;
Такъ славенъ посему и всякой дровосѣкъ! [3])

Н. И. Новиковъ [4]) извѣстенъ, какъ издатель цѣлаго ряда журналовъ, обратившихъ на себя справедливое вниманіе со-

---

[1]) Стр. 157—160.

[2]) Намёкъ на стихотвореніе „Блоха" (изъ Овидіевыхъ фрагментовъ), помѣщенное въ послѣднемъ листѣ журнала: „Ни то, ни сё".

[3]) Стр. 96, 136.

[4]) Здѣсь должны быть біографическія свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ, но они еще тогда были исключены цензурой, когда эти статьи печата-

временниковъ. Въ 1769 году онъ явился съ „Трутнемъ“, направленіе котораго было исключительно сатирическое. На виньеткѣ, приложенной къ заглавному листу второго изданія „Трутня“, изображенъ оселъ, придавленный сатиромъ. „Трутень“ окончился 53-мъ листомъ, въ которомъ издатель прощается съ публикою легкой и умно-составленной статьёю подъ заглавіемъ: „Разставаніе или послѣднее прощаніе съ читателями“ [1]). Сотрудники этого журнала скрыли свои имена подъ псевдонимами: Чистосердова, Правдолюбова, Правомыслова и т. п. Намъ извѣстны только Василій Майковъ и Михаилъ Поповъ, помѣщавшіе въ „Трутнѣ“ свои стихотворенія, и Аблесимовъ, напечатавшій здѣсь нѣсколько своихъ „Былей“ и два или три письма. Макаровъ догадывается, что и подъ псевдонимомъ *Азазель Азизезовъ* скрывается имя Александра Аблесимова, и указываетъ на княгиню Е. Р. Дашкову и графа М. Л. Воронцова, какъ на сотрудниковъ „Трутня“ [2]). Въ журналѣ Новикова напечатана надпись къ памятнику Ломоносова, воздвигнутому графомъ Воронцовымъ; кромѣ того, имя графа не упоминается въ „Трутнѣ“ и прямыхъ указаній на участіе его и княгини Дашковой въ означенномъ изданіи мы не находимъ.

О другихъ сатирическихъ журналахъ Новикова скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Ему приписываютъ и періодическое изданіе 1769 года: „Смѣсь“; но сомнительно, чтобъ онъ могъ въ одно и то же время предпринять и вести два отдѣльные журнала. Если станемъ пристальнѣе вглядываться въ текстъ „Смѣси“ и „Трутня“, то, не смотря на все сходство ихъ цѣлей и направленій, нельзя не замѣтить различія въ обоихъ журналахъ относительно тона сатиры и слога; прибавимъ еще, что ни одна статья „Смѣси“ не была перепечатана Новиковымъ въ послѣдующемъ изданіи „Живописца“, куда „Трутень“ принесъ

лись въ журналѣ „Отечеств. Записки“; не вошли они и въ отдѣльное изданіе этихъ статей (Москва, 1859 г.). Біографія Новиковз была напечатана лишь въ первомъ томѣ „Библіографическихъ Записокъ“. П. К.

[1]) *„Всякая Всячина“*, говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ Новикова, „простилась; *И то, и сё* превратилось въ ничто; *Адская Почта* остановилась, а *Трутню* также пора летѣть на огонекъ въ кухню“ („Трутень“ 1770 г., стр. 127).

[2]) „Отечеств. Зап.“ 1839 г., № 8 стр. 31, смѣсь.

обильную дань Названіе „Смѣсь“ было избрано издателемъ этого журнала потому, что на листахъ его онъ желалъ представить „смѣсь полезнаго съ пріятнымъ“ [1]), то есть соединить статьи сатирическія съ сочиненіями, писанными „для увеселенія“. Первыя, однакожъ, составляютъ главное, существенное содержаніе „Смѣси“. Въ разговорѣ между Меркуріемъ и издателемъ „Смѣси“ высказано намѣреніе исправлять пороки и заблужденія жесткимъ орудіемъ сатиры, на что Меркурій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Худо же ты знаешь людей! Они давно „изгнали правду и всего скорѣе можно имъ понравиться, пи„савъ ложь и бездѣлки... а по всѣмъ твоимъ словамъ вижу, что скоро твоихъ листовъ не станутъ читать; не вылѣчить „людей, зараженныхъ предразсужденіемъ!“ [2]) Преслѣдуя невѣжество и грубость, „Смѣсь“ выставляетъ въ то же время высокія нравственныя идеи, во имя которыхъ и произноситъ свой судъ.

Въ одно время съ Козицкимъ, Чулковымъ, Рубаномъ и Новиковымъ явились на журнальномъ поприщѣ Василій Тузовъ, оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ, авторъ „шуточныхъ“ стиховъ и пѣсенъ, непопавшихъ въ печать, и Ѳедоръ Александровичъ Эминъ, кабинетный переводчикъ. Первый выступилъ съ „Поденьшиною“, заключающею въ себѣ нѣсколько разсужденій объ искусствахъ и писемъ, въ которыхъ, не смотря на желаніе автора, элементъ сатирическій почти незамѣтенъ. „Поденьшина“ явилась только изъ желанія ея издателя подражать другимъ періодическимъ листамъ, и не имѣла успѣха. Эминъ выступилъ съ „Адскою Почтою“, въ которой помѣщались адскія вѣдомости и переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. На эту мысль онъ наведенъ былъ извѣстнымъ романомъ Лесажа. Обращаясь къ читателю, Эминъ разсказываетъ, какъ оба бѣса, и хромоногой, и кривой, долгое время служившіе адской республикѣ, были наконецъ отправлены въ здѣшній свѣтъ; они должны были жить въ различныхъ мѣстностяхъ и вели между собой переписку. Изданіе этой переписки онъ, по порученію бѣсовъ, принялъ на себя [3]). Содержаніе „Адской

---

[1]) Стр. 31.
[2]) Стр. 167.
[3]) Стр. 5—6.

Почты" составляютъ остроумныя, но нѣсколько-грубыя и двусмысленныя нападки на частные случаи безнравственности, на волокитъ, женщинъ легкаго поведенія, іезуитовъ и отчасти на судей. Сатира Эмина отзывается общими мѣстами; слогъ отличается многословіемъ и отсутствіемъ той энергіи, какою дышетъ языкъ новиковскихъ изданій. Въ „Почтѣ" замѣтны слѣды явнаго подражанія иностраннымъ изданіямъ, и вообще она лишена одного изъ главныхъ достоинствъ хорошаго журнала - духа народности. О сатирическомъ направленіи своего журнала Эминъ говоритъ самъ на разныхъ страницахъ „Адской Почты". Такъ на страницахъ 22—23 онъ прямо высказалъ желаніе описывать погрѣшности, требующія исправленія, по примѣру „Всячины", „Трутня" и „Смѣси", однако не затрогивая никого въ лицо. „Многіе говорятъ (замѣчалъ впослѣдствіи Эминъ), „что бѣсы мои цѣлятъ на многихъ... но сколько мнѣ понятно, „они описываютъ вообще пороки и разныя злоупотребленія; „если же кто себя въ оныхъ сыщетъ, то виноватъ порочный, „а не бѣсы; и ежели онъ на нихъ негодуетъ, то самъ себя „выводитъ наружу, а не издатель". Въ другомъ мѣстѣ „Почты" читаемъ: „Знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ „людей мы никогда въ лицо не трогали нашими критическими „разсужденіями, но мы сіе дѣлали не для ласкательства, но „для того, чтобъ, переправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается строеніе, цѣлому зданію не причинить вреда. „Главное наше намѣреніе было имѣть дѣло съ пороками; оные „мы часто въ разныхъ особахъ анатомили, чтобы показать „другимъ, съ которой стороны и въ какомъ составѣ можетъ „нечаянно явиться такой припадокъ, который цѣлое тѣло повредить можетъ..." Сатирическимъ сочиненіямъ, по замѣчанію Эмина, остается та надежда, что ежели они и не удостоятся безсмертія, за то по крайней мѣрѣ не будутъ „подвержены „обыкновенной мертвыхъ тѣлъ порчѣ: множество находящейся „въ нихъ *соли* отъ такого несчастія ихъ сохранить можетъ" [1].

Біографическія свѣдѣнія объ Эминѣ, жизнь котораго представляетъ много романическихъ приключеній, запутаны и исполнены противорѣчій. Гдѣ онъ родился — положительно нельзя сказать: по одному извѣстію, родился онъ въ 1735 году

---

[1]) Стр. 78, 335, 381—384.

въ Польшѣ, или въ одномъ изъ пограничныхъ съ Польшею русскихъ городовъ, отъ небогатыхъ родителей; по другому извѣстію, родился онъ въ небольшомъ венгерскомъ городкѣ, на турецкой границѣ, отецъ его былъ венгръ, а мать полька; а по третьему извѣстію, дѣдъ его, родомъ полякъ, находясь въ цесарской службѣ, перебѣжалъ въ Турцію, гдѣ родился и Ѳедоръ Эминъ. Онъ воспитывался у іезуитовъ (а по другому указанію, въ кіевской академіи), и съ однимъ изъ нихъ путешествовалъ по разнымъ землямъ европейскимъ и азіатскимъ. Въ Турціи было съ нимъ какое-то непріятное приключеніе, вслѣдствіе котораго онъ былъ взятъ подъ стражу. Чтобъ избѣжать неволи, онъ принялъ магометанство и вступилъ въ янычары. Отсюда Эминъ тайно уѣхалъ на англійскомъ кораблѣ въ Лондонъ, явился (въ 1758 г.) къ россійскому министру при тамошнемъ дворѣ князю Голицыну, и, по собственному желанію, окрещенъ въ грекороссійскую вѣру, которую нашелъ онъ справедливѣе прочихъ исповѣданій. Въ 1761 году Эминъ пріѣхалъ въ Санктпетербургъ и опредѣлился учителемъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, а послѣ былъ переводчикомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ кабинетѣ. По отзыву Новикова, „онъ былъ человѣкъ остраго и проницательнаго „разума; чтеніемъ наилучшихъ древнихъ и новыхъ авторовъ „на разныхъ языкахъ пріобрѣлъ великое просвѣщеніе; имѣлъ „отъ природы критическій духъ и веселый нравъ“; во время путешествій своихъ, онъ изучилъ много языковъ европейскихъ и восточныхъ: французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, португальскій, польскій, литовскій, турецкій и татарскій. Сверхъ того, онъ зналъ древніе языки: греческій и латинскій, а по пріѣздѣ въ Россію выучился и русскому. Онъ издалъ болѣе двадцати-пяти книгъ на русскомъ языкѣ; между ними: „Путь ко спасенію“, романъ: „Непостоянная фортуна или похожденія Мирамонда“ и „Россійскую исторію“ въ трехъ томахъ, которая впрочемъ исполнена самыхъ странныхъ, ошибочныхъ мнѣній и непростительныхъ промаховъ. „Адскую Почту“ Эминъ наполнялъ статьями, имъ самимъ составленными, почему въ „Смѣси“ было замѣчено, что „бѣсы сами собою хотятъ наполнить свое изданіе до конца года, безъ участія постороннихъ“ [1]);

---

[1]) Стр. 129. Смотри также „Адскую Почту“, стр. 383.

исключеніе, можетъ быть, составляетъ одно письмо Праволюбова (псевдонимъ).

Наконецъ въ 1769 году при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ издавалось „Полезное съ Пріятнымъ, полумѣсячное упражненіе". Въ объявленіи объ этомъ журналѣ было сказано: „Видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемыя „еженедѣльныя сочиненія, для увеселенія онаго, не можно не „возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ „кто не желалъ имѣть оныя; однако то неоспоримо, что тамъ „найдетъ и такое, которое напослѣдокъ и порочное сердце „устыдить и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ: а „сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ таковыхъ изда„ніяхъ. Что касается до предлагаемаго при семъ полумѣсячнаго „упражненія („Полезнаго съ Пріятнымъ"), то главныя матеріи „въ оное взяты изъ книги, называемой: Юношеская Библіотека, сочиненной однимъ славнымъ англійскимъ писателемъ... въ „дополненіе (же) найдетъ благосклонный читатель разныя со„чиненія или переводы, согласные съ описуемою матеріею". Въ самомъ текстѣ журнала находятся частыя ссылки на англійскаго „Спектатора" [1]), одна статья заимствована изъ французскаго „Зрителя"; двѣ переведены изъ книги „Le philosophe ignorant (MDCCLXVI, стр. 105), а нѣкоторыя взяты изъ книги называемой „Улей" [2]), но для насъ болѣе важны статьи оригинальныя, хотя ихъ и немного. „Полезное съ Пріятнымъ" былъ единственный журналъ того времени съ теоретическимъ направленіемъ; онъ преимущественно содержитъ въ себѣ разсужденія о разныхъ житейскихъ добродѣтеляхъ, порокахъ и требованіяхъ истиннаго образованія, напримѣръ, въ немъ находимъ статьи: о зависти, злословіи, скупости, роскоши, праздности и притворствѣ, о познаніи свѣта, выборѣ друзей, и другія; кромѣ того, есть нѣсколько стихотвореній и любопытныхъ сатирическихъ писемъ.

Въ третьемъ выпускѣ своего журнала редакція „Полезнаго съ Пріятнымъ" дѣлаетъ такое признаніе:

„Полезное съ Пріятнымъ, вышедъ въ свѣтъ, опытомъ „познало, что оно не всѣмъ нравится, и многіе не нашли въ

[1]) № 4, стр. 18, 30. № 5, стр. 14. № IX, стр. 19.
[2]) № 7, стр. 8, 13. № 8, стр. 9. № 9, стр. 13. № 12, стр. 1, 4.

„немъ по мнѣнію своему ни полезнаго, ни пріятнаго. Обыкно-„венно причиняетъ намъ болѣе удовольствія, что съ мыслями „нашими согласно: можетъ ли наше полумѣсячное упражненіе „показаться полезнымъ и пріятнымъ для такихъ людей, ко-„торые и сами ни полезны, ни пріятны? Иные изъ нихъ не „разумѣя въ немъ написаннаго, хулятъ, что *азъ* напечатанъ „криво, а *глаголь* косо, и потому почитаютъ оное безполезнымъ. „Люди же здраваго разсужденія и всему знающіе цѣну не „только такъ не толкуютъ, но, ободряя насъ во упражненіи „нашемъ, благоволеніемъ своимъ оное удостоиваютъ; а можетъ „быть только то имъ неугодно, что оно, будучи довольно про-„странно, занимаетъ у нихъ немало времени. Почему, раздѣляя „полумѣсячное упражненіе еще пополамъ, станемъ выдавать „каждую недѣлю по одному листу. Совсѣмъ тѣмъ „Полезное съ „Пріятнымъ" отъ слова *полумѣсяцъ* не отречется... Общество „проситъ, конечно, что сіе наше еженедѣльное изданіе будетъ на-„зываться полумѣсячнымъ: вить много и людей такихъ, кото-„рые совсѣмъ другую должность отправляютъ, нежели какой „чинъ на себѣ носятъ" [1]).

Итакъ большинство журналовъ 1769 года, и притомъ лучшихъ, имѣло сатирическое направленіе; статьи, въ нихъ напечатанныя, сравнивались съ сочиненіями Буало и Рабенера [2]). Это общее направленіе, однако, различалось по нѣкоторымъ оттѣнкамъ во взглядахъ того или другаго журнала на значеніе и условія сатиры. Различіе во взглядахъ на сатиру довольно-рѣзко высказалось въ тѣхъ полемическихъ спорахъ, которыми такъ обильны журналы означеннаго года. Впрочемъ, надо замѣтить и то, что полемика журнальная не всегда вызывалась однимъ различіемъ въ убѣжденіяхъ, но примѣшивалось сюда и чувство затронутаго самолюбія.

Послѣдуя благому примѣру „Всячины", стали выходить, какъ мы видѣли, и другія періодическія изданія, нарождаясь почти съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ: по выраженію „Всячины", едва она явилась въ свѣтъ, какъ уже „продираетъ глаза *То и сё*; одно только *Кое-что* спитъ безъ просыпа" [3]). „Всякая

---

[1]) Стр. 3—4.

[2]) „Живописецъ" изд. 3, ч. 2, стр. 47.

[3]) Стр. 153.

Всячина" поспѣшила объявить себя родоначальницею этой семьи журналовъ. Вотъ что писалъ издатель этого журнала по выходѣ первыхъ листовъ еженедѣльника „Ни то, ни сё": „Многіе родители не столько любятъ и милуютъ дѣтей родныхъ, какъ своихъ внучатъ. Изъ опыта теперь знаю, каковы „милы *внучата*. Лишь „Ни то, ни сё" узрѣло свѣтъ, я *взялъ* „оное во свои не объятія, но руки, и радовался надъ нимъ, „приговаривая по обыкновенію барскихъ барынь: дитя умное, „дитя милое, разумное дитя, и проч. Господинъ читатель, радость не знаетъ мѣры... Обращаюся къ любезному своему „внучку: „Ни то, ни сё". Больше онъ мнѣ, можетъ статься, „потому былъ милъ, что *перворожденный сынъ* (журналъ „И то и сё") такъ мало благодаренъ родительницѣ своей, что „онъ её называетъ безо всякаго почтенія большею сестрицею[1], „не упоминая о прочихъ многихъ его поступкахъ противъ „матери. Но о сей семейной ссорѣ нечего здѣсь упоминать. „Однимъ словомъ кончить тѣмъ, что съ молода онъ не обѣщалъ „много соотвѣтствовать надеждѣ объ немъ родительской. Внучекъ же, напротивъ того, со дня рожденія показался почтителенъ и ласковъ, и тѣмъ утвердилъ искреннюю къ нему „любовь прародительницы, коя взираетъ на него, какъ на подпору рода ея и утѣшеніе въ старости. Бабушкѣ вить жить „одинъ годъ... Но какъ бы то ни было, обыкновенно послѣ „радости бываетъ печаль. Слѣдующія два письма поразили „печалію чувствительное сердце бабушкино". Въ этихъ письмахъ сотрудники „Всячины" подъ псевдонимами Ибрагима Курмамета и Ѳалалея жалуются ей на внучка въ такихъ выраженіяхъ: „читая помѣщенные въ „Ни то, ни сё" стихи, отъ „частаго произношенія однихъ рѣчей зачала у меня побаливать „голова. Надобно бы мнѣ перестать, но я поупрямился... А „какъ дочиталъ, то отъ частыхъ, да еще и на другихъ языкахъ: *ни то, ни сё; ни то, ни сё*... съ русскимъ *что, что*,

[1] На третьемъ листѣ „И то и се" сказано: „Государыня моя госпожа Всякая Всячина! Не погнѣвайся на меня, что наименую тебя „родною моею сестрою и сестрою еще большею и старшею, для того, „что прежде ты вышла на свѣтъ изъ природныя утробы, и прошу въ „томъ извиненія, что я причитаюся къ тебѣ родною. Ты родилась на „Парнасѣ, да и я неподалеку оттуда: тебя производила муза, да и меня, „я думаю, тоже".

„*что*,—сдѣлался обморокъ, который такъ силенъ былъ, что „и теперь не могу въ натуральный прійдти порядокъ“... Совсѣмъ было выздоровѣлъ, какъ „вдругъ опять занемогъ отъ „нововышедшаго сочиненія. Господа сочинители „Ни того, ни „сего“, какъ видно, не будучи достаточны въ хорошихъ матеріяхъ, и наполняя враньемъ свой листокъ, находилися въ „затрудненіи, какъ бы окончить оный, но не нашедъ болѣе „ничего, вранье свое окончили повтореніемъ на разныхъ язы„кахъ названій своего вздора“ [1]).

Въ отвѣтъ на эти нападенія Рубанъ напечаталъ въ своемъ журналѣ письмо *Неспускаловой*, въ которомъ читаемъ: „по „моему мнѣнію и бабушка ваша не очень права, а виноватѣе „всѣхъ вы сами (сочинители „Ни того, ни сего“). Скажите, „для чего бы и вамъ не имѣть осторожности: въ издаваніи „получаемыхъ будто вами писемъ, ілесть себѣ такія же по„хвалы, какими бабушка ваша всѣмъ уши прожужжала? не „имѣетъ ли она права быть вами недовольною, что вы отъ „нея ума не набираетесь и ея примѣру не слѣдуете? [2]) Развѣ „вы не знаете, сколь зорки тогда бываютъ читатели, когда

---

[1]) Стр. 73—79. Намёки на слѣдующіе стихи, напечатанные въ журналѣ „Ни то, ни сё“:

Скажите, отъ чего родилось „То и сё“?
Что „Всяку Всячину“ произвело и все,
Что есть на свѣтѣ семъ предъ нашими глазами
И смертными понять возможно *что* умами?
Какъ „Всякой Всячины“, такъ и „Того-сего“
Начало сдѣлалось *объхъ* изъ *ничего*...
Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ *нулей* въ сихъ нивахъ сѣмя...
Но для „Ни то, ни сё“ назначимъ день субботу;
Пусть по субботнимъ днямъ всѣ чтутъ *нулей* работу,
И въ прозѣ оная пусть будетъ и въ стихахъ,
И весь сей трудъ основанъ на *нуляхъ*;
Нули хоть суть ничто, науку-жъ числъ кто знаетъ —
Тотъ пользу и *нулей* довольно понимаетъ.
0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0

„Ни то, ни сё“ на другихъ языкахъ:
У Грековъ *что* οὐδὲν, у Римлянъ nihil *что*,
У Галловъ то rien, у насъ *Ни сё, ни то* (стр. 6—8).

[2]) На стр. 73—74 „Ни то, ни сё“ исправилось и напечатало себѣ похвалу, слѣдуя обычаю тогдашнихъ журналовъ.

„имъ пущено будетъ въ глаза нѣсколько горстей такой пыли? „Имъ тогда и на грязи цвѣты покажутся... Чтожъ до бабушки „принадлежитъ, то она извинительна, потому что выжила уже „изъ лѣтъ и много забывается: сіе вы можете видѣть изъ „того, что она, пишучи къ вамъ поученіе въ лицѣ бабушки, „сказала *взялъ*, а не *взяла* себѣ на руки внучка. А когда она „и роду и полу своего не помнитъ, то можноль пѣнять, что она не умѣла отличить въ своихъ корреспондентахъ критики отъ ругательства?" Сказавъ нѣсколько словъ о ненадежности корреспондентовъ „Всячины", Несцускаловъ обращается къ Ѳалалею съ такимъ возваніемъ: „ахъ, Боже мой, какъ вы „хитры!... Обширности вашего разума, съ какою вы изъ двухъ „словъ провидѣли вздорность всего сочиненія, котораго, можетъ „быть, еще ни сотая часть на свѣтъ не вышла, я скудоумный „и мѣры положить не могу; однако смѣло поручусь, что когда „вамъ, по такой своей проницательности въ прошедшемъ, можно прослыть неошибочнымъ и въ прорицаніи будущаго; „то вѣроятно, что и кроты сдѣлаются когда-нибудь славными „въ свѣтѣ астрономами. Вотъ еще какіе между людьми водятся „удальцы! Однако, гг. сочинители („Ни того, ни сего"), я не „совѣтую вамъ трусить... Пусть наводятъ читателямъ скуку „своею *несмачною* критикою; вить всякъ знаетъ, что язви„тельность происходитъ не можетъ отъ добраго сердца. Про„должайте, какъ начали; не бранитесь съ бабушкою, которая, „миловавши васъ, хотя и укусила, но по старости зубовъ не „больно; да она жъ и рану зализала". Затѣмъ слѣдовала эпиграмма къ Курмамету, въ которой высказано сожалѣніе, что, упавъ въ обморокъ, онъ не скончался вовсе; при этомъ издатель отъ себя прибавляетъ: „мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ"! [1]).

По поводу разсказаннаго нами спора во „Всякой Всячинѣ" было напечатано письмо *Аристарха Примирителева*, который совѣтуетъ прекратить безполезную журнальную войну, отвращающую читателей отъ періодическихъ изданій, и установить между журналами ненарушимое согласіе; подобные совѣты высказывались и на страницахъ другихъ журналовъ. „Всячина", повидимому убѣжденная письмомъ Примирителева,

---

[1]) Стр. 33—37.

объявила своимъ корреспондентамъ, что она не даетъ болѣе мѣста ни одной статьѣ, отъ которой могутъ родиться брань и ссоры [1]). Но идеальнаго состоянія дружбы и согласія тогдашніе журналы такъ-же не достигли, какъ не достигаютъ и теперешніе.

На слѣдующемъ же листѣ „Всячины“ появилась такая замѣтка: „мимоходомъ дадимъ примѣтить, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодовитаго, какъ потомство „Всякія Всячины“ [2]). По поводу этой замѣтки, издатель „Смѣси“, отказываясь за свой журналъ отъ родства со „Всячиною“ прибавилъ: „справедливѣе назвать „Смѣсь“ дочерью тѣхъ сочиненій, которыхъ видны въ ней „переводы, нежели включить въ племя такого изданія, которое „ее старѣе нѣсколько недѣль и коему, вѣрно, не можно такъ „въ Россіи размножить журналы, какъ развелись земляныя „яблоки“ [3]).

Отрекаясь отъ всего, что можетъ затронуть чужое самолюбіе, „Всячина“ слишкомъ-далеко простерла свою ревность: съ той же смиренной точки зрѣнія стала она смотрѣть и на смѣлую, обличительную сатиру, въ которой почудились ей какіе-то злые намёки на лица. Она съ гордостью объявила, что приняла за правило: „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки“ [4]). Правило совершенно-законное, по видимому. Но дѣло въ томъ, что едва-ли возможно нападать на порочныя страсти и суевѣрныя убѣжденія и не подѣйствовать въ то же время непріятно (хотя и безъ всякого умысла) на лица, подверженныя этимъ страстямъ и убѣжденіямъ. Съ другой стороны, если станешь, во что бы ни было, избѣгать всего, что способно пробудить духъ мелочной раздражительности въ людяхъ, чувствующихъ на своемъ рыльцѣ пушокъ, то сатира обратится въ пустословіе объ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ малѣйшаго примѣненія къ дѣйствительной жизни. На страницахъ 139—140 „Всячина“, объявляя, почему она не напечатала письма господина А., говоритъ: мы совѣтуемъ

---

[1]) Стр. 96—98, „Трутень“ 1769 г., стр. 175.
[2]) Стр. 105.
[3]) Стр. 32.
[4]) Стр. 100—101, 200.

ему беречь свое письмо до той поры, когда будетъ составляться лексиконъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ; „тогда это письмо можетъ послужить реэстромъ ко вспоможе-„нію памяти сочинителю: а до тѣхъ поръ просимъ г. А.., „сколько возможно, упражняться въ чтеніи книгъ такихъ, по-„средствомъ которыхъ могъ бы онъ человѣколюбіе и кротость „присовокупить къ прочимъ своимъ знаніямъ; потому что „намъ кажется, что любовь его къ ближнему болѣе прости-„рается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣко-„любіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ „не способенъ подавать наставленія другому... Большая часть „матеріи, въ его длинномъ письмѣ включенныхъ, не есть на-„шего департамента; сверхъ того, мы не любимъ меланхолич-„ныхъ писемъ". Затѣмъ „Всякая" рисуетъ портретъ человѣка, который, думая о себѣ болѣе прочихъ, возмечталъ, что свѣтъ стоитъ не такъ: онъ увидѣлъ тамъ пороки, гдѣ другіе на-силу могли разглядѣть весьма обыкновенныя человѣчеству слабости, ибо смертные никогда безъ слабостей не были и не будутъ. Не раздѣляя подобной строгости, „Всякая" приняла слѣдую-щія основанія: a) не называть слабостей пороками, b) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе, и c) не думать, чтобъ кто могъ быть совершеннымъ [1]). Статья эта мѣтила на другіе сатирическіе журналы, хотя ихъ нисколько нельзя было упрекать въ отсутствіи любви къ ближнему—и вотъ въ защиту послышался голосъ умнаго и прямаго „Трутня". Въ этомъ изданіи появилось письмо *Правдолюбова* такого содержанія:

„Я того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія до-„стойны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, „чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслею и душею „госпожа ваша прабабка („Всякая"), давъ знать, что похваль-„нѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе „слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не „прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что „слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя при-„крывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили „изъ человѣколюбія кафтанъ; то такихъ людей человѣколюбіе „приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше

---

[1]) Стр. 141—142.

человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, „который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потакаетъ... Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой „госпожи, то есть чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, „будто *Іоаннъ* и *Иванъ* не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ, ибо я не лѣкарь, а она „не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую „сторону покривиться можетъ. Да я и не знаю, что по мнѣнію „сей госпожи значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостію „называется въ кого-нибудь по уши влюбиться, то есть въ „чужую жену или дочь, а изъ сей мнимой слабости выходитъ: „обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа „съ женою или отца съ дѣтьми; и это будто не порокъ?... Любить деньги есть также слабость, почему слабому человѣку „простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному „можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ „вѣрнымъ другомъ... Не хочу васъ (издателя „Трутня") побуждать къ продолженію труда, ниже васъ хвалить: звѣрокъ „по кохтямъ видѣнъ" [1]). „Всякая Всячина" не оставила эти возраженія безъ отвѣта, но, въ пылу спора, она придала словамъ „Трутня" тотъ жесткій смыслъ, котораго они не имѣли. „На ругательства (?), напечатанныя въ „Трутнѣ", говоритъ „она, мы отвѣтствовать не хотимъ; а только наскоро дадимъ „примѣтить, что г. Правдолюбовъ насъ называетъ криводушниками и потачниками пороковъ для того, что мы сказали, „что имѣемъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческимъ „слабостямъ и что есть разница между пороками и слабостями. „Г. Правдолюбовъ не догадался, что, исключая снисхожденіе, „онъ истребляетъ милосердіе... Думать надобно, что ему бы „хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь (?). Какъ бы то ни „было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы чорные пары и желчь не оказывалися даже и „на бумагѣ, до коей онъ дотрагивается" [2]). Несовсѣмъ-покойнымъ тономъ возражаетъ на это Правдолюбовъ:

---

[1]) Стр. 33—35 (1769 года).
[2]) Стр. 174—175.

„Госпожа „Всякая Всячина“ на насъ прогнѣвалась, и наши „нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но „теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. „Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъ„ясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разу„мѣть не можетъ... Ежели я написалъ, что больше человѣко„любивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ „потакаетъ; то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ „тронуть милосердіе? Видно, что госпожа „Всякая Всячина“ „такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за „преступленіе, если кто ее не похвалитъ. Не знаю, почему она „мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть „брань, *гнусными* словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ „письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ „ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ „рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся... Совѣтъ ея, чтобы „мнѣ лѣчиться—не знаю: мнѣ ли больше приличенъ, или сей „госпожѣ. Она, сказавъ, что не хочетъ отвѣчать „Трутню“, „отвѣчала (ему) всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея „желчь въономъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда жъ она за„бывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда „надлежитъ; то кажется, для очищенія ея мыслей и внутрен„ности, небезполезно ей и полѣчиться“ [1]).

„Всячина“ и послѣ продолжала отстаивать себя и свои мысли; она помѣстила на своихъ листахъ письмо *Добросовѣтова*, въ которомъ сказано, что *добросердечный* сочинитель изрѣдка касается пороковъ, чтобы не оскорбить чрезъ то человѣчества, но любитъ приводить въ примѣръ людей, украшенныхъ различными совершенствами: твердаго блюстителя вѣры и законовъ, миролюбиваго гражданина, искренняго друга; *злонравный* же изо всего составляетъ поношеніе и услаждается, уязвляя другихъ. Въ томъ же журналѣ было напечатано письмо къ издателю такого содержанія: „Напишите что-нибудь въ на„ставленіе тѣмъ матерямъ и бабкамъ, кои дѣтей и внучатъ, „начинающихъ только говорить, учатъ, чтобъ отцовъ и дру„гихъ людей бранили... Изъ листовъ вашихъ я не примѣтилъ, „чтобъ вы нисходящему своему роду такое преподали гдѣ-либо

[1]) „Трутень“ 1769 г., стр. 57—59.

„ученіе: однако нѣкоторые изъ пишущихъ и издающихъ не-„дѣльныя сочиненія показываютъ въ семъ ремеслѣ удивитель-„ные успѣхи и насъ оными забавляти стараются, не вѣдая „того, что благоразумный человѣкъ... негодовать долженъ на „сочинителей, въ храмъ вѣчности и славы продирающихся, „видя вмѣсто полезныхъ поученій разсѣваемые ими и примѣ-„ромъ ихъ одобряемые такіе плевелы“ [1]).

Въ эту журнальную войну вмѣшались и другія періодическія изданія. „Смѣсь“ и „Адская Почта“ стали за „Трутня“, а журналъ „И то, и сё“ за „Всякую Всячину“. „Смѣсь“ выступила противъ „Всякой Всячины“ съ нѣсколькими довольно-мѣткими статьями: „Объявите мнѣ (читаемъ въ этомъ журналѣ), отчего „происходитъ желаніе причитаться въ родню? затѣмъ, что я „вижу въ городѣ такую *бабушку*, которая всѣхъ писателей „журналовъ включаетъ въ свое племя и всегда на нихъ вор-„читъ сквозь зубы: изъ чего заключаю, что они не отъ нея „происходятъ, а она сама на нихъ клеплетъ. Но почто же на-„зываться роднею? Или она уже выжила изъ ума? Сомнѣніе „мое часъ отъ часу умножается: я разсматривалъ ея труды и „послѣ сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ ни „малыхъ слѣдовъ, чтобъ она была способна къ такому дѣто-„рожденію; ибо послѣдніе ея внучата поразумнѣе бабушки; въ „нихъ я не вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она запу-„талась. Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять по-„роки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе. Она говоритъ, „что подьчихъ искушаютъ и для того они берутъ взятки; а „это такъ на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ „людей и велитъ имъ дѣлать злое. Сія же старушка совѣтуетъ: „чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно ми-„риться и раздѣлываться добровольно; всякой сіе знаетъ, и „конечно по пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, „еслибъ всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно „бы было и судовъ и приказовъ, и подъячимъ бы не шло го-„дарево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей „защищать подьячихъ? Знать, что они-то истинное ея поко-„лѣніе“. Въ заключеніе „Смѣсь“ отказывается отъ *бабушки*, которая будто и печатаетъ только то, что ей изъ милости

[1]) Стр. 213–214, 224.

пришлютъ (замѣчаніе несовсѣмъ правдивое), и осмѣиваетъ мнѣніе, въ силу котораго мѣткая сатира и критика называются бранью, а Горацій, Ювеналъ, Буало—ругателями и забіяками: „имъ бы надлежало быть скромными въ разсужденіи людскихъ пороковъ!" [1]). Отрекаясь отъ родства со „Всячиною", „Смѣсь" дѣлаетъ такое обращеніе къ другимъ современнымъ журналамъ:

„Пора вамъ, господа внучата и племянники извѣстной „здѣсь старушки, попросить вашу бабушку, чтобъ она въ „листкахъ своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея „лѣтъ приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво, бродитъ „и на одномъ основаніи мыслей остановить не можетъ. Прежде „божилась она, что только будетъ исправлять пороки, и ни„какого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко „увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было „привязалась къ „Телемахидѣ", что едва сію ворчливую ста„рушку отъ „Телемахиды" отогналъ кто-то такой, ей письмомъ „своимъ доказавшій, что авторъ сей книги древнюю и всю „огромную Римскую исторію и много иныхъ обществу полез„ныхъ книгъ перевелъ, и листками „Всякой Всячины" по„врежденъ быть не можетъ. Послѣ завела она ссоры между „своими внучатами... Знаете ли, почему она увѣнчана толикими „похвалами, въ листкахъ ея видными? Я вамъ скажу. Во пер„выхъ скажу, потому что многія похвалы сама себѣ сплетаетъ; „потомъ по причинѣ той, что разгласила, будто въ ея собраніи „многіе знатные господа находятся; итакъ нѣкоторые, можетъ „статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти въ ихъ ми„лость, засыпали похвалами „Всякую Всячину" [2]).

Эти обвиненія, сдѣланныя „Смѣсью", требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Одно обвиненіе заключалось въ томъ, что „Всячина", давая слишкомъ тѣсныя границы сатирѣ, противорѣчитъ сама себѣ; прежде она обѣщала исправить дурные нравы (вотъ ея подлинныя слова: „мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленія нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ, ибо уже начали твердить наизусть „Всякую Всячину") [3]); а

[1]) Стр. 85—87, 114—115.
[2]) Стр. 81—82, 94—95.
[3]) Стр. 123.

потомъ появилась на ея листахъ статья въ защиту подъячихъ и неправдивыхъ судей, которыхъ мѣтко и остроумно преслѣдовала современная сатира. „Нѣкоторые дурные шмели, говоритъ „Всячина“, нажужжали мнѣ въ уши о мнимомъ неправосудіи; но нигдѣ нѣтъ больше несправедливости, какъ въ насъ самихъ; перестанемъ быть злыми, перестанемъ тягаться—и не будетъ причинъ жаловаться на судей“ [1]). (Статья эта впрочемъ, составляетъ исключеніе: ибо „Всячина“ весьма обильна рѣзкими и злыми нападками на взяточничество и ябеду; вообще надо замѣтить, это былъ одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ своего времени, не смотря на несовсѣмъ выгодную для него полемику съ другими изданіями. По поводу спора о неправосудіи, „Адская Почта“ напечатала такую статью: „На сихъ „дняхъ былъ я въ домѣ Г...., гдѣ случились два спорщика. „Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страждутъ отъ непра„восудія; а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не „могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много такихъ, какъ здѣсь, „судей, и что больше виноваты истцы, нежели судьи... Весьма „маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели кто ска„жетъ, что во всемъ свѣтѣ несправедливые есть судьи, слѣдо„вательно и наши извиненія достойны. Поэтому, ежели вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не должно? „Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше „есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не „могу подумать, чтобъ отъ злаго состава часто добрый не за„ражался. Слѣдовательно должно отрѣзывать отъ тѣла злой „составъ, чтобъ сохранить добрый. Не могу также винить и „истца обиженнаго, разореннаго и въ горести погибающаго, „если онъ ищетъ справедливости и, не сыскавъ, на оную жа„луется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что нельзя не „застонать и за то мѣсто не хватиться рукою, гдѣ крѣпко бо„литъ... Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте незлобивы, „судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, „что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, „думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и разореннымъ един„ственно для того, чтобъ идти въ судъ. Весьма бы было хорошо, „если бы весь свѣтъ всегда пребывалъ въ предѣлахъ добро-

---

[1]) Стр. 276—280.

„дѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло, и много въ немъ „есть обидчиковъ, то что осталось дѣлать обиженнымъ, когда „нѣкоторые правоучители имъ не велятъ жалобами своими „безпокоить судей и искать справедливости?" [1]).

Другое обвиненіе состояло въ томъ, что „Всячина" напрасно позволила себѣ нападки на Тредьяковскаго, совѣтуя одной дамѣ, страдающей безсонницею, прочитывать на ночь по шести страницъ „Телемахиды" и по нѣскольку стиховъ изъ переведенной Тредьяковскимъ „Аргениды". Въ защиту памяти трудолюбиваго Тредьяковскаго написалъ кто-то письмо, которое тогда же было напечатано во „Всякой Всячинѣ" [2]). Объ этихъ насмѣшкахъ надъ авторомъ „Телемахиды" „Трутень" говоритъ, что весь городъ хохоталъ цѣлую недѣлю насчетъ насмѣшника [3]).

Третье обвиненіе, что „Всячина" сама себѣ печатаетъ похвалы [4]); обвиненіе это было высказано и въ журналѣ Рубана. Печатать такія дѣйствительныя или мнимыя похвалы, выражаемыя въ письмахъ отъ неизвѣстныхъ лицъ къ редактору журнала, было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. „Слѣдуя такому (нецеремонному) „правилу, вздумалось и мнѣ, говоритъ насмѣшливо „И то и „сё", похвалить себя подъ именемъ присланнаго ко мнѣ письма; „а оное письмо сдѣлаю я, и буду писать самъ къ себѣ, какъ „многіе то дѣлаютъ подъ разными видами: Господинъ сочинитель И того и сего! Сочиненіе ваше похваляется во всякомъ „углу столичнаго города С. Петербурга; слава его носится по „многимъ домамъ и по рынку. Всѣ незнающіе другихъ языковъ „люди благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, выключая нѣ„которыхъ полуученыхъ господъ, стиховъ и прозы писателей... „Сердце мое наполняется сладостію, когда прекрасная Аврора „показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ и крылатое время, „шествуя передъ нею, пишетъ надъ нами: *вторникъ* [5]). Я „открываю мои глаза и устремляю мои мысли единственно „только къ вашему сочиненію, называемому „И тѣмъ и сѣмъ". „Въ началѣ любуюся цвѣтками, поставленными въ заглавіи; во

[1]) Стр. 278—281, въ „Курьерѣ" стр. 238—242.

[2]) Стр. 15, 31, 109—110.

[3]) Стр. 156 (1769 года).

[4]) См. „Всячины" стр. 86 и другія.

[5]) „И то и сё" выходило по вторникамъ.

„которыхъ „И то и се“ приговариваю въ великомъ восхищеніи и повторяю оное разъ съ полдесятка; потомъ увеселяюся „линейкой, которая подъ названіемъ недѣльнымъ протянута „весьма прямо: наконецъ теряю мое понятіе и удивляюся остротѣ „вашего разума въ томъ, что въ вашемъ сочиненіи всѣ строки „поставлены такъ прямо, что одна другой ни мало препятствія „не учинятъ. Ужасъ меня тогда объемлетъ, когда увижу я двѣ „или три типографскія погрѣшности, безъ которыхъ ни одинъ „листокъ вашъ не бываетъ. Далѣе собравшися со всѣмъ моимъ „духомъ... начинаю читать сочиненіе ваше по порядку; но и „тутъ по окончаніи каждой строчки отдыхаю. Великость вашего „духа, важные замыслы, красота въ велерѣчіи, искусство въ „изъясненіяхъ, стройное и порядочное расположеніе—пакопятся „въ моихъ устахъ, заслоняютъ дорогу дыханію... О великій „человѣкъ и сочинитель „И того и сего“! ежели бы мы не „имѣли счастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы и донынѣ „сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами „и не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго“... и проч. [1]). Въ 1770 году „Парнасскій Щепетильникъ“, объявляя о своемъ изданіи, обѣщалъ не хвалить себя „подъ видомъ присылаемыхъ къ редактору писемъ“ [2]).

Возражая „Всякой Всячинѣ“ и нападая на ея слабыя стороны, „Смѣсь“ напечатала на своихъ страницахъ письмо, подписанное буквами Д. К., въ которомъ сказано, что въ сатирахъ „Трутня“ нѣтъ ни злонравія, ни невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые злонравные невѣжи, а есть ѣдкая соль; что въ сатирахъ этихъ выводятся пороки безъ околичностей и осмѣиваются испорченные нравы. „Пускай, говоритъ Д. К., злоязычники проповѣдуютъ, что вы (издатель „Трутня“) объявили „себя непріятелемъ всего человѣческаго рода, что злость вашего „сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ, что вы пишите только „наглую брань: это не умаляетъ достойную вамъ похвалу, но умножаетъ [3]). „Адская Почта“ выразила свое сочувствіе направленію „Трутня“ слѣдующею статьею, въ которой подъ вымышленнымъ именемъ Эрнеста, вѣроятно, разумѣлась фамилія

---

1) Недѣля 46.

2) Стр. 11.

3) Стр. 154.

Новикова: „Вчера за ужиномъ разсуждали о Ернестѣ; нѣкоторые его сочиненія хвалили, а другіе утверждали, что пишетъ „весьма колко и что такія ругательства, какими наполнены „его сочиненія, должны быть наказаны; напротивъ того, онъ „ничего ругательству подобнаго не печаталъ, а только что пишетъ правду и никому ласкательствовать не хочетъ. Теперь „же всѣ почти привыкли къ нѣжнымъ словамъ. Лучше каждый „снесетъ, если ему скажешь: *изволишь быть дуракъ*, нежели: „*ты мало смыслишь*... Ругательства нигдѣ не годятся; но „прямо описывать пороки и называть вора—воромъ, разбой-„ника—разбойникомъ, кажется, дѣло справедливое" [1]). Кромѣ того, „Почта" возражала и на вышеупомянутое письмо Добросовѣтова, помѣщенное во „Всячинѣ". Возраженіе это высказано рѣзко и прямо. Сатира, по мнѣнію „Почты", всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ *граненыхъ* нравоученій? Разсуждающіе по модѣ увѣряютъ, что сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія; но пусть они посовѣтуются прежде съ древними классическими писателями. Еслибъ они когда-нибудь потрудились прочитать ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному забвенію. Развѣ имъ не извѣстно, что нравоучительная философія не разъ объявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ? Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія. Пожалуй ты, г. Добросовѣтовъ, отважишься сказать, что Ювеналъ былъ злонравенъ, а Горацій злобенъ, потому что писали сатиры; а Цицерона, укоряющаго въ глаза Катилину, назовешь безпокойнымъ человѣкомъ. Сожалѣя о твоей слабости, я скажу, что ты разсуждаешь криво; „когда „всѣ славнѣйшіе и великіе люди дозволяютъ и государямъ „прямо говорить истину, то для чегожъ оную не представлять „нашимъ согражданамъ? Вижу, Добросовѣтовъ, что ты такимъ „своимъ нравоученіемъ всѣмъ нравиться хочешь; но повѣрь „мнѣ, что придетъ время, въ которое будешь подобенъ безо-„бразному лицу, бѣлилами и румянами не кстати раскрашен-

---

[1]) Стр. 288; въ „Курьерѣ" стр. 251—252.

„ному. Знай, что отъ всеснѣдающаго времени ничто укрыться „не можетъ. Оно когда-нибудь пожретъ и твою слабую поли-„тику. Когда твои политическія бѣлила и румяна сойдутъ. „тогда настоящее бытіе твоихъ мыслей виднымъ сдѣлается" [1]). Противъ того мнѣнія „Всячины", что сатира мѣшаетъ человѣколюбію, „Почта" возражала: „Знаю я, что многіе нынѣшняго „вѣка люди все то почитаютъ либо за ложь, или за брань, „что не въ ихъ похвалу сказано; вѣдаю и то, что родилось въ „свѣтѣ такое человѣколюбіе, которое не только о паденіи поро-„ковъ обильныя проливаетъ слезы, но и еще о участникахъ „оныхъ черезчуръ соболѣзнуетъ. Славный у многихъ авторъ, „написавшій: *должно ненавидѣть пороки, а сожалѣть о* „*порочныхъ*—есть толь великій упомянутаго человѣколюбія „подкрѣпитель, что множество людей и довольно просвѣщенныхъ „на свою обратилъ сторону. Но я сказать отважусь, что сіе „странное человѣколюбіе произвела на свѣтъ привычка видѣть „часто людей порочныхъ, о нихъ нерѣдко слышать, а иногда „съ ними и обращаться; а воспитало оное нѣжное (не хочу „сказать: слабое) сложеніе человѣческихъ сердецъ, которыя и „самой справедливости ужасаются... Если правосудіе, ненавидя „убійство, строго наказываетъ убійцу, то не знаю, какъ можно „любителямъ правосудія, ненавидя пороки, любить порочнаго, „оными преисполненнаго. Вся нашего сердца нѣжность и чело-„вѣколюбіе могутъ ли на то согласиться, чтобъ порочному въ „противныхъ человѣчеству дѣлахъ чинить потачку, или еще „и одобреніе? Не должно ли намъ стараться, чтобъ какимъ-либо „образомъ совратить его съ такого пути, которымъ онъ къ „собственной своей спѣшитъ погибели? Если слѣпаго, ко рву „приближающагося, отъ онаго человѣколюбіе отвести повелѣ-„ваетъ; но какъ можетъ тожъ самое человѣколюбіе запрещать „порочнаго отвращати отъ пороковъ?" [2]).

---

[1]) Стр. 73—78; также стр. 375 и далѣе: „Что жъ нѣкоторые писцы „(писатели), точнаго понятія о вещахъ не имѣющіе, сатиру производятъ „отъ злобы сердца авторовой, (то) происходитъ отъ ихъ невѣжества. „Горацій, Ювеналъ, Персей и Буало у людей просвѣщенныхъ всегда „въ вѣчномъ пребудутъ почтеніи, а въ посмѣяніи тѣ, кои ихъ не разу-„мѣя критикуютъ".

[2]) Стр. 329—336.

Въ этихъ спорахъ противники нерѣдко слишкомъ увлекались и забывали о свѣтскихъ приличіяхъ: критика ихъ была исполнена страсти и личныхъ намековъ. Эминъ жаловался, что одинъ изъ современныхъ ему стихотворцевъ назвалъ его *янычаромъ*; другой критикъ увѣрялъ, что Эминъ, спознавшись съ бѣсами, труды свои больше употреблялъ на услуги *аду*, нежели обществу [1]).

Въ спорѣ за значеніе сатиры, журналъ „И то и сё" раздѣлялъ мнѣнія „Всячины", хотя и съ этою послѣднею не жилъ въ согласіи. „И то и се" держало себя враждебно относительно почти всѣхъ современныхъ ему журналовъ, не оставивъ въ покоѣ даже „Поденьщину". На листахъ, выпущенныхъ въ 24-ю и 25-ю недѣли, издатель журнала „И то и се" жалуется, зачѣмъ появилось столько еженедѣльныхъ изданій, въ которыхъ будто бы повторяется одно и то-же; по его мнѣнію, „Трудолюбивая Пчела" Сумарокова и изданія академическія были ведены несравненно лучше. „Невозможно, прибавляетъ онъ, чтобъ публика имѣла одинаковое вниманіе ко всѣмъ журналамъ; ибо и родители, страстно привязанные къ единственному ребенку, охладѣваютъ къ дѣтямъ, когда ихъ родится нѣсколько: излишество во всемъ худо!" Эта странная жалоба заслужила насмѣшку, съ которой выступилъ „Трутень": „Въ нѣкоторомъ журналѣ кто-„то сердится, что много журналовъ печатается. Видно, что соки „ума его уже высохли... Гнѣваться онъ имѣетъ немалую при-„чину: (другіе) журналы сдѣлали то, что его листочковъ теперь „почти никто не покупаетъ, а ему на новый разживъ деньги „надобны. Въ упомянутомъ журналѣ еще при досугѣ нѣкто „бредитъ слѣдующее: отецъ многихъ имѣетъ дѣтей, однако не „всѣхъ равно любитъ, и что подобнымъ образомъ и журналы „публикою равно любимы быть не могутъ. Онъ отчасти сказалъ „правду, узнавъ оную изъ опытовъ на свой счетъ; однако изъ „того заключить не надлежитъ, что когда его и матери его „(„Всячины") журналы явились въ свѣтъ, то другимъ оныхъ „издавать не надлежало. Я увѣренъ, что онъ самъ своему пра-„воученію не послѣдуетъ, и если будетъ имѣть отъ жены своей „одного или двухъ любезныхъ сынковъ, то вѣрно тѣмъ не „будетъ доволенъ, но станетъ стараться и о сочиненіи дру-

---

[1]) Стр. 324—325, 334, 371.

гихъ [1])". Задѣтое за-живо „И то и се" выступило разомъ противъ трехъ журналовъ. Здѣсь въ формѣ письма отъ Д. И. къ издателю напечатано было такое разсужденіе: „Нѣсколько дней „разсуждалъ я, у котораго бы изъ сочинителей испросить „позволеніе къ перепискѣ? Древность почитать всѣмъ намъ „свойственно, почему „Всякая Всячина", какъ праматерь, „овладѣла было моимъ желаніемъ: но забылъ, что старость „имѣетъ свои слабости, и что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ силъ „ослабѣваютъ вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приведя сіе на „мысль, разсудилъ я прежде прочесть послѣдній листокъ ея „сочиненій. Но какъ я удивился, увидя ее начинающею учиться „*лягушачья языка*". Это намекъ на одну сатирическую статью „Всячины", въ которой сочинитель передаетъ будто бы подслушанный имъ разговоръ лягушекъ [2]). Далѣе читаемъ: „Съ „крайнимъ сожалѣніемъ сердца познавъ сіе ея состояніе, Боже „мой! сказалъ я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ: вотъ „каковъ человѣкъ на свѣтѣ! Чрезъ нѣсколько лѣтъ и я „Всякой Всячинѣ" подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ „человѣчество... Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе „Трутня". Сей человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ „себя непріятелемъ всего рода человѣческаго. Тутъ, кромѣ „язвительныхъ браней и ругательства, я не нашелъ ничего „добраго... тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; его вѣдомости сплетены были изъ ругательства и поношенія ближнимъ, и еслибъ ему вѣрить, то бы „надлежало возъимѣть совершенное отъ всѣхъ людей отвращеніе; но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что, можетъ „быть, пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ „свойственны" и т. д... „Адская Почта", хотя наименованіемъ „своимъ меня и не устрашаетъ: но какъ она весьма нова и „имѣетъ еще нѣкоторыя невразумительныя намѣренія, почему о „ней и никакого заключенія сдѣлать невозможно; притомъ же „я съ самаго младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзеніе, что не токмо переписки съ ними, но и полученіе писемъ чрезъ курьера сего рода мнѣ не нравится. „Наконецъ, читая изданіе ваше („И то и се"), удовольствовалъ

---

[1]) 1769 года, стр. 95—96.

[2]) Стр. 203—207.

„мое желаніе. Оно показалось мнѣ невиннымъ упражненіемъ, „приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе; а не примѣ-„тилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни также язви-„тельной критики [1])". Такимъ образомъ Чулковъ, который такъ ловко осмѣивалъ журнальное самохвальство, спокойно допускалъ его въ своемъ собственномъ изданіи и притомъ рядомъ съ довольно грубыми и несправедливыми обвиненіями другихъ журналистовъ. Вслѣдъ за приведеннымъ нами письмомъ „И то и се" напечатало стихотвореніе, направленное на Новикова и Эмина, какъ сочинителя „Россійской исторіи" и нѣсколькихъ романовъ:

Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за это проситъ—
Дуракъ.
Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла—
Дуракъ.
Кто въ запуски писать примается съ Волтеромъ
И думаетъ тому въ письмѣ онъ быть примѣромъ—
Дуракъ.
Кто думаетъ себя хвалой превознести
За то, что онъ умѣлъ романа съ три сплести—
Дуракъ.
Кто всѣхъ сограждановъ ругаетъ
И только одного себя лишь почитаетъ—
Дуракъ..

и такъ далѣе. Надъ исторіею, сочиненною Эминымъ, „И то и се" посмѣялось еще слѣдующею выходкою: „На нѣсколько „томовъ нѣкоторой исторіи (объявлено здѣсь) потребно толку „пудовъ до пяти и болѣе—для того, что исторія сія невра-„зумительна и непонятна. Желающіе поставить оный толкъ „водою или сухимъ путемъ, только на своихъ подводахъ и „своимъ коштомъ, могутъ явиться во всякомъ мѣстѣ, а за „поставленной товаръ получатъ со многихъ по низкому по-„клону" [2]).

Въ сатирической поэмѣ: „Плачевное паденіе стихотворцевъ", сочиненной Чулковымъ, слѣдующіе стихи, кажется, за-

---

[1]) Недѣля 28. „И то и се" нападаетъ на „Трутень" еще на листкѣ 52-й недѣли.

[2]) Недѣля 29.

дѣваютъ Эмина, намекая на его путешествія и происшествіе, случившееся съ нимъ въ Турціи:

Еще и прозою прелестною сказалъ.
Что въ Римѣ часто былъ и папу тамъ видалъ.
Въ Ерусалимѣ жилъ, Египетъ точно знаетъ,
О коемъ завсегда въ простыхъ людяхъ болтаетъ;
Пекинъ ему знакомъ, извѣстенъ Испагань,
Видалъ онъ городъ Крымъ, видалъ и Астрахань:
Въ Царьградѣ продавалъ подовые на рынкѣ,
Которы нашивалъ въ лукошкѣ онъ и въ кринкѣ,
Турецкимъ языкомъ „горячіе" кричалъ,
И каждой онъ пирогъ по левку продавалъ.
Паши и визири подовые ѣдали
И тутъ-то всѣ его придворные узнали;
Имамамъ по утрамъ горячіе носилъ,
У нихъ и алкоранъ на память заучилъ.
Константинополь весь въ то время ужаснулся.
Какъ онъ, съ лукошкомъ шедъ, на камень спотыкнулся,
Разсыпалъ пироги, разбилъ тогда горшокъ,
Понеже въ спину онъ почувствовалъ толчокъ.
А какъ озрѣлся въ задъ, совмѣстника увидѣлъ,
Котораго предъ симъ недавно онъ обидѣлъ;
Супружницу его въ любовь къ себѣ склонилъ
И пару пироговъ за то ей подарилъ.
Онъ въ судъ его водилъ, а тамо присудили.
Чтобъ ноги по землѣ его ужь не ходили.
Хотѣли сжечь огнемъ, но дервиши ягня
Пришедши вырвали изъ самаго огня
И заперли въ чуланъ, въ которомъ онъ спасался.
И тако живъ и цѣлъ на свѣтѣ семъ остался...

Въ стихахъ Чулкова „На качели" находимъ намекъ на переведенный Эминымъ романъ, подъ заглавіемъ: „Любовный вертоградъ или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены. Спб. 1763 г." Авторъ на ряду съ Бовою-Королевичемъ, Усынею богатыремъ и другими подобными произведеніями ставитъ *и сплетенные виршами любовны вертограды.*

Которы строены безъ вѣдома Паллады.

„Трутень" не оставилъ безъ отвѣта ни прозы, ни стиховъ Чулкова. Эминъ, скрывшій свое имя подъ буквами Б. К. (бѣсъ кривой?), помѣстилъ въ этомъ журналѣ такое письмо къ издателю:

„Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось. Вооружились колкими своими перьями гг. писатели: вашему „Трутню" немалое было бомбардированіе; „Всякая Всячина" добрый вытерпѣла залпъ; „Адскую Почту" атаковала какая-то неизвѣстная партія. Что касается до *моихъ бѣсовъ*, то я за оныхъ наступающаго увѣрить могу, что ему ихъ бояться никакой причины нѣтъ, когда онъ человѣкъ честный, ибо добродѣтельнаго человѣка *мои бѣсы* добродѣтели лишить не могутъ. Я бы сему ихъ непріятелю совѣтывалъ истребить то предубѣжденіе, которое, какъ онъ самъ пишетъ, при немъ обитаетъ, и когда онъ о дѣлахъ, по свойству ихъ, а не по названію разсуждать захочетъ, то можетъ статься имя моихъ бѣсовъ не столько будетъ ему противно [1]. — Что касается до пасквиля, который былъ присланъ нѣкоторымъ писателемъ для напечатанія, который ему назадъ отосланъ и который носится по многимъ рукамъ: то я оный, если когда-нибудь явится въ свѣтъ, съ прочими сего рода сочиненіями, предаю на судъ публики, которую я считаю за судью справедливаго... Я не только имена сихъ извѣстныхъ мнѣ моихъ клеветниковъ здѣсь умалчиваю, но и ниже какими-либо околичностями публикѣ ихъ лица означивать буду; ибо я намѣренъ только доказать мою справедливость, а не бранить публично другихъ". Къ этимъ замѣчаніямъ Эмина Новиковъ присоединилъ свои: „Бомбардированіе, сдѣланное моему „Трутню", мнѣ не страшно, да уповаю, что и „Всякой Всячинѣ" сдѣланный залпъ никакого вреда не причинитъ; ибо въ сію противъ насъ войну ополчилося невѣжество. Въ письмѣ господина Д. П. написано, что „Всякая Всячина" выжила изъ ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказалъ, что гораздо славнѣе дожившему съ пользою и съ разсудкомъ до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться безъ ума. Но сей глубокой древности во „Всякой Всячинѣ" никто не примѣтилъ. Что-жъ касается до моего „Трутня", въ которомъ (по мнѣнію господина Д. П.) ничего нѣтъ, кромѣ язвительныхъ браней, что въ ономъ въ наивысочайшей степени блистаетъ невѣжество;

---

[1] Еще въ началѣ своего изданія Эминъ писалъ: „Нынѣ обыкновенно женщины, ежели кого хитраго или передъ ними вертящагося захотятъ понѣжить, говорятъ: *Какой ты бѣсъ*! и такъ имя сіе не будетъ имъ ни ужасомъ, ни рѣдкостью" („Адск. Почта", стр. 3).

„на то скажу: пусть „И то и се“ похваляется господиномъ „Д. П. и подобными ему; меня это не прельщаетъ, потому что „желаніе мое стремится заслужить вниманіе безпристрастныхъ „и разумныхъ читателей“ [1]). Кромѣ того, въ отвѣтъ на бранчивые стихи, напечатанные Чулковымъ, Новиковъ помѣстилъ „въ „Трутнѣ“ стихотвореніе *Задача*:

Читатели! прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣвъ, а пишетъ на удачу—
Уменъ или дуракъ?
Кто, отъ роду не бывъ со музами знакомъ,
Дерзаетъ воспѣвать *качели съ семикомъ* [2])—
Уменъ или дуракъ?
Кто въ прозѣ и въ стихахъ наставилъ столько словъ,
Которыхъ не свезутъ и тысяча ословъ—
Уменъ или дуракъ?
Кто хвалитъ самъ себя, а прочихъ всѣхъ ругаетъ
И въ семъ одномъ свое искусство полагаетъ—
Уменъ или дуракъ?.. и проч. [3]).

Такова была полемика въ 1769 году. Никакъ нельзя сказать, чтобъ она отличалась мягкостью и соблюденіемъ приличій.

Если взглядъ „Всячины“, а еще болѣе взглядъ журнала „И то и се“, далеко не былъ безукоризненъ, то и Правдолюбовъ, ратовавшій въ „Трутнѣ“ за сатиру, перешелъ въ крайность: въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ слишкомъ расширяетъ значеніе сатиры и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества требовалъ, чтобъ въ сатирическихъ изображеніяхъ были допускаемы и намеки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно „критиковать“ порочнаго *на лицо*, а не вообще порокъ; надобно только, чтобъ сатира не совсѣмъ была открыта, потому что въ такомъ случаѣ она, вмѣсто раскаянія, произведетъ въ порочномъ злобу. Но „критика на лицо—безъ имени, удаленная сколько возможно и потребно, производитъ въ порочномъ раскаяніе“ [4]). Такой взглядъ, конечно, ошибоченъ: литература не должна допускать ни личностей, ни брани.

---

[1]) 1769 года, стр. 110—111.

[2]) Намёкъ на стихотворенія Чулкова о гуляньѣ подъ качелями во время семика, напечатанныя въ журналѣ: „И то и се“.

[3]) 1769 г., стр. 111—112.

[4]) Тамъ-же, стр. 193—196.

Толки ли, указанные нами, или недостатокъ матеріаловъ были тому причиною, но „Трутень" 1770 года былъ менѣе откровененъ и менѣе занимателенъ, нежели „Трутень" предъидущаго года. То-же случилось и со „Всячиною": „Барышекъ" ея гораздо-слабѣе прежде изданныхъ листовъ. Публика не могла не замѣтить этой перемѣны; издатель „Трутня" получилъ по этому случаю нѣсколько писемъ, которыя и напечатаны имъ въ собственномъ же изданіи. Изъ этихъ писемъ любопытны слѣдующія два:

„Господинъ „Трутень"! кой чортъ! что тебѣ сдѣлалося? „ты совсѣмъ сталъ не тотъ; развѣ тебѣ наскучило, что мы „тебя хвалили, и захотѣлося послушать, какъ станемъ бранить?.. „Пожалуй, скажи, для какой причины перемѣнилъ ты прошло-„годній свой планъ, чтобы издавать свои сатирическія сочине-„нія? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался, что тебя бра-„нили; такъ знай, что ты превеликую сдѣлалъ ошибку. По-„слушай, нынѣ тебя не бранятъ, но говорятъ, что нынѣшній „„Трутень" прошлогоднему не годится и въ слуги, и что ты „нынѣ также бредишь, какъ другіе. Надобно знать, что хулы „есть разныя: одни происходятъ отъ зависти, а другія отъ „истины; итакъ я совѣтую лучше терпѣть первыя, нежели по-„слѣднія... Послушай, г. новый „Трутень", преобразись въ ста-„раго... ты увидишь, что и тебѣ отъ того больше будетъ пользы: „а то вѣть, я чаю, ты бѣдненькой останешься въ накладѣ. Мнѣ „сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ „не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго". Другое письмо начинается такъ: „Мнѣ кажется, что тебя избаловали „похвалами, почему ты и вздумалъ, что всякой вздоръ, да „лишь бы напечатанъ былъ подъ заглавіемъ „Трутня", то при-„мется читателями, равно какъ и хорошія сочиненія, въ немъ „напечатанныя. Ежели ты такъ думаешь, такъ повѣрь, что ты „много ошибаешься"... [1]). Новиковъ жаловался, что изданіемъ его недовольны, хотя онъ и старается избѣгать того, въ чемъ прошлаго года видѣли брань, и предполагалъ, что „Трутень" 1769 года имѣлъ успѣхъ болѣе по своей новости. Но несправедливость такого заключенія засвидѣтельствована успѣхомъ послѣдующихъ сатирическихъ изданій. Истина, высказанная

---

[1]) 1770 г., стр. 102, 113—115, 118.

въ колкихъ и мѣткихъ изображеніяхъ, хотя и можетъ раздражить нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, но цѣлою публикою всегда встрѣчается съ благороднымъ сочувствіемъ; а картины, далекія отъ дѣйствительности, не могутъ заинтересовать большинства, которое болѣе или менѣе всегда надѣлено вѣрнымъ тактомъ различать правду ото лжи.

Въ журналѣ „И то и се" встрѣчаемъ еще полемику, направленную противъ „Поденьшины", которая въ первомъ своемъ выпускѣ имѣла неосторожность затронуть это изданіе. Разъ, говоритъ издатель „Поденьшины", я встрѣтился съ мальчикомъ, который, кривляясь и махая руками, поднесъ ко мнѣ печатные листы: „дядюшка! не хочешь ли купить листочки?" Я посмотрѣлъ и увидѣлъ въ началѣ крупными буквами написано: „И то и се". „Почемъ они продаются?"—„По алтыну".—„Мнѣ надо на полушку, отрѣжь мнѣ".—Это не гороховой кисель, этого на полушку не рѣжутъ". „Послѣ за однѣ латинскія строчки давалъ я ему денежку—не взялъ. Случилось мнѣ спросить нѣкогда у ученаго человѣка, для чего бы ставились въ русскихъ книгахъ латинскіе рѣчи въ заглавіяхъ...[1] Причина тому та, отвѣчалъ онъ мнѣ, что если иного сочинителя вся книга ничего не будетъ значить, то, по крайней мѣрѣ хотя бы тѣ стишки, которые обыкновенно берутся изъ хорошихъ авторовъ, со смысломъ остаться могли"[2]). Надо, однако замѣтить, что полемическія статьи журнала „И то и се" лишены остроумія и касаются только наружнаго вида „Поденьшины" которая сначала выходила на листкахъ нѣсколько большаго формата, чѣмъ послѣ. Приведемъ выписку, какъ образчикъ тогдашней критики. Нѣкто изъ моихъ пріятелей (говоритъ „И то и сё) принесъ мнѣ нѣсколько бумажекъ, на которыхъ „напечатана „П о д е н ь ш и н а"... Сочинялъ ее *маляръ*[3]), так я „разсудилъ за благо переплести ее въ разноцвѣтную мраморную „кожу. Пріятель мой и переплетчикъ принуждены были цѣлые „сутки ни ѣсть, ни спать; я приказалъ запереть ворота и не

---

[1]) „И то и сё" имѣло эпиграфъ: „Concordia res parvae crescunt discordia magnae dilabuntur". (Отъ согласія малыя вещи возрастаютъ а отъ несогласія и великія разрушаются).

[2]) Стр. 17—18.

[3]) Издатель „Поденьшины" выдаетъ себя на первыхъ листахъ своего журнала за живописца.

„пускать никого, чтобъ не помѣшали намъ приладить страницу „къ страницѣ, потому что первые нумера „Поденьшины“ были „напечатаны на осьмушкахъ, а остальные на „лоскуточкахъ“; „сіи-то лоскуточки помѣшали нашъ разумъ... Переплетчикъ „прикладывалъ тѣ лоскуточки къ первымъ осьмушкамъ и къ „верху, и къ низу, и въ головы, и въ ноги, и сзади, и спереди, „и по бокамъ, и наконецъ къ каждому углу; однако никуда не „приставали. Отчего помѣшался мозгъ во всей его столицѣ, „ошибъ его обморокъ, и былъ я принужденъ пустить ему два „раза кровь“. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды критикъ ошибкою принялъ „Поденьшину“ за поминальникъ. „Кстатиль это, прибавляетъ онъ, вмѣсто поминанья посылать въ церковь такую *пустошь* и *вораки?*“ Признаваясь въ желаніи *нѣсколько разсердить* издателя „Поденьшины“, „И то и се“ не задумалось прибавить, что только „критика со вкусомъ“ приноситъ пользу.

„Поденьшина“ не оставалась безотвѣтною противъ *хуленій* Чулкова: „Не прискорбно-бъ мнѣ было (говоритъ она), еслибъ „хуленія эти были написаны въ другомъ изданіи; но господинъ „И то и се“ — нѣтъ господиномъ нельзя назвать; госпожа — „и госпожею нельзя, хотя нѣсколько и ближе. „И то и се“ „рода средняго, а къ вещамъ средняго рода господства въ русскомъ языкѣ не придаютъ; ибо не можно сказать: ни *господинъ дерево*, ни *госпожа безуміе*, а можно сказать: *господинъ* „*дуракъ*, и то не всегда. Итакъ скажу я просто: „И то и се“, „*какъ нѣчто сумасшедшее*, не стоило бы и отвѣта, да не „отвѣчать нельзя: назовутъ трусомъ“. Отвѣтъ свой „Поденьшина“ скрѣпляетъ словами, что ея противнику *законъ неписанъ* [1]). Чулковъ со своей стороны просилъ „Поденьшину“ уняться и не отягощать читателей несносною вздорливостію, а дать ему время продолжать начатое предпріятіе [2]).

Кромѣ „Барышка Всячины“ и „Трутня“ въ 1770 году появились два новые журнала: „Парнасской Щепетильникъ“ (съ мая) и „Пустомеля“ (съ іюня). „Щепетильникъ“ заступилъ мѣсто періодическаго изданія: „И то и се“. Чулковъ объявилъ, что въ новомъ своемъ журналѣ онъ постарается избѣгать всего,

1) Стр. 71—73.

2) Недѣли 9, 10 и 11-ая.

что можетъ быть непріятно для нѣжнаго слуха и способно показаться кому-либо подозрительнымъ; что перо его будетъ справедливо, ибо оно ни льстить, ни потворствовать не умѣетъ [1]). Онъ напечаталъ здѣсь нѣсколько статей, касающихся отечественной исторіи; но главная цѣль, при изданіи въ свѣтъ „Парнасскаго Щепетильника“, была осмѣять непризванныхъ и бездарныхъ стихотворцевъ, которыхъ расплодилось тогда слишкомъ-много: всѣ, умѣющіе писать, бросились за сочиненіе одъ торжественныхъ и громкихъ. На плохихъ стихотворцевъ нападали Сумароковъ, Нахимовъ, Петровъ; журналы 1769 года также не пощадили ихъ. „Всякая“ смѣется, что люди, познакомившіеся съ риторикою и піитикою, дѣлаются заносчивыми: они и за могилой готовы браниться и читать всякому что-то такое, отъ чего непремѣнно зазѣваешься [2]). „Адская Почта“ увѣряла, что Парнасъ осѣлъ глубоко въ землю и сдѣлался доступенъ всякому; что Мильціадъ и Аннибалъ не были столько смѣлы, какъ наши стихотворцы, которые льютъ чернила потоками на бѣлое поле бумаги и называютъ сами себя питомцами Минервы: такова-то ихъ licentia poëtica [3]). „Трутень“ утверждалъ: „Здѣшній воздухъ весьма противенъ англійскому. Тамъ „умные люди съ ума сходятъ; а здѣсь разсудка неимѣющіе „разумными представляются. Кто можетъ на рифмахъ сказать „*байка, лайка, фуфайка*, тотъ ужь печатаетъ оды, трагедіи „элегіи и проч., которыя... полезно читать развѣ тому, кто „принималъ рвотное, и оно не подѣйствовало“. По словамъ этого журнала, стихомаратели въ тогдашнее время расплодились, какъ крапива въ пустомъ саду, почему не однихъ подьячихъ, но и стихомарателей надо бы называть *крапивнымъ сѣменемъ*. Такое размноженіе стихотворцевъ заставило наконецъ Пегаса подать Аполлону челобитную объ отставкѣ [4]). Тоже свидѣтельствуетъ и журналъ „И то и се“. Болѣзнь стихоманіи по его мнѣнію, весьма прилипчива и до того распространилась въ Петербургѣ, что всякій, кто только умѣетъ держать въ рукахъ перо, уже спѣшитъ отдавать свое маранье въ печать.

---

[1]) Стр. 10—11.

[2]) Стр. 177—178.

[3]) Стр. 174, 346—347.

[4]) 1769 года, стр. 95, 137, 139, 151. 1770 года, стр. 91.

Оттого на Парнасѣ сдѣлалась великая тѣснота, и скоро дойдетъ до того, что рифмачи начнутъ спихивать другъ друга съ этой крутой горы: тогда-то будетъ плачъ неутѣшный и драка неописанная! [1].

Еще сильнѣе нападалъ на плохихъ стихотворцевъ Чулковъ въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ". Вотъ что онъ говоритъ о цѣли этого изданія: „Нѣкоторымъ сочинителямъ не знаніе и науки, но одно слѣпое счастіе доставило титло людей разумныхъ и ученыхъ. Всякое ихъ сочиненіе и выдумки похвалены бывали всѣмъ городомъ публично; а мы, убогая братія, со страхомъ и трепетомъ взирали на дѣла сихъ *преузорочныхъ* и высокомысленныхъ особъ, и не токмо, что всенародно не осмѣливалися находить въ нихъ погрѣшности, но ужасалися и наединѣ имѣть о нихъ толь злое помышленіе. Отъ сея робости раболѣпствія нашего набилось ихъ столько на Парнасъ, что по послѣдней ревизіи оказалося болѣе 100.000 человѣкъ. Толикое множество жадныхъ писателей иппокренскій и кастальскій источники и рѣка Пермессъ не могли удовольствовать врачебными своими водами, и начали ужъ изсыхать; чего ради покровитель и богъ наукъ великій Аполлонъ, предупреждая толикое зло, по общему съ музами согласію, опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ послать въ дальные города въ рангахъ переводчиковъ и сочинителей рацей и другихъ духовныхъ кантовъ, которые весьма часто припѣваются въ подьячихъ бесѣдахъ; нѣкоторыхъ для сочиненія элегій и любовныхъ пѣсенъ; другихъ по селамъ дьячками, третьихъ по деревнямъ старостами и выборными, и такъ далѣе; а оставшееся число на Парнасѣ, сдѣлавъ (меня) аукціонистомъ и нарекши *щепетильникомъ* [2], а негодныхъ стихотворцевъ наименовавъ *парнасскою ветошью*, приказалъ распродать здѣсь съ молотка, и собранную за нихъ сумму велѣно мнѣ употребить на пропитаніе такихъ людей, которые весьма многому

[1]) Недѣля 18, 29, 41, 49. Насмѣхаясь надъ стихотворцами, „И то и сё" говоритъ, что они такъ опредѣляютъ *любовь*: „любовь есть пчела, которая за маленькую крошку взятаго у нея меду весьма больно жалитъ; любовь есть тайно-жгущій огонь, пріятная язва, сладостный ядъ и весьма вкусная горечь; любовь есть милая болѣзнь, забавная мука и веселая смерть".

[2]) Щепетильникъ—продавецъ мелкихъ товаровъ.

„учася, ничего не разумѣютъ“. Приступая къ аукціонной продажѣ, „Щепетильникъ“ объявилъ, что стихотворцы эти, кромѣ производства стиховъ, ни къ чему другому не способны [1], и потомъ сталъ выкрикивать:

„ПРОДАЕТСЯ СТИХОТВОРЕЦЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ:
„сей человѣкъ живетъ въ такомъ домѣ, который наполненъ без-
„грамотными профессорами и тунеядцами, а изъ принужденія
„носитъ и онъ на себѣ всѣ сіи достоинства. Сочиняетъ стихи
„изъ однихъ односложныхъ словъ, а многосложныя ненавидитъ,
„и отъ того-то стихи его ни остры, ни замысловаты, и таковы
„точно, какъ италіянскія ноты, проигрываемыя на россійскомъ
„гудкѣ. Впрочемъ ни соглашается онъ вѣрить, что труды его
„негодны; удобнѣе принудить его проплясать на площади, нежели
„что-нибудь въ стихахъ его поправить, и кто ему о томъ выго-
„воритъ, того почитаетъ онъ такимъ злодѣемъ, съ которымъ не
„должно и на дорогѣ встрѣчаться. Сколько онъ малосмысленъ,
„столько, или еще больше, желаетъ казаться людямъ ученымъ...
„Часто шатается по улицамъ единственно только для того, что
„поправляетъ грамматическія погрѣшности въ мужицкихъ раз-
„говорахъ... За всѣ его книги и за него самого возьму я рубль
„восемь гривенъ“.

„ПРОДАЕТСЯ СТИХОТВОРЕЦЪ ЛИРИЧЕСКІЙ: онъ,
„какъ древній законникъ, ожидаетъ отъ народа въ честь себѣ
„статуи, не изъ дикаго камня, но изъ найденнаго здѣсь на сѣве-
„рахъ мрамора, и желаетъ, чтобъ сохраняли стихи его въ на-
„рочно сдѣланныхъ къ тому золотыхъ сосудахъ. Съ тѣхъ са-
„мыхъ поръ, какъ узналъ онъ премудрость и могъ очинить
„перо, страдаетъ парнасскою горячкою и, будучи въ великомъ
„жару, такъ высоко бредитъ, что нерѣдко карабкается на об-
„лака... Судьба одѣваетъ его теперь въ новую одежду, а ку-
„печеская рука насыпаетъ полные карманы денегъ. Многимъ
„покажется удивительно, что стихотворецъ имѣетъ участіе въ
„богатствѣ, но надобно каждому разумѣть, что не стихи его
„питаютъ, а обогащаютъ крестьяне, которыхъ онъ одного за
„другимъ, хотя и безъ очереди, однако каждый день продаетъ.

[1] Стр. 8.

„Сего стихотворца, господа, извольте оцѣнить сами, или возь-„мите его безъ денегъ; я васъ охотно онымъ подарю" [1]).

Затѣмъ выставлены были „Щепетильникомъ" и другіе продажные стихотворцы; изъ нихъ вотъ:

Сочинитель нѣжныхъ, любовныхъ стиховъ; „онъ влюбленъ „въ одну дѣвушку. Въ началѣ его страсти приступалъ онъ къ „сердцу ея стихами и сочинялъ посредственно-хорошія пѣсни, „клалъ ихъ на ноты и пропѣвалъ передъ нею; но, по несчастію „его, былъ хуже музыкантъ, нежели стихотворецъ, и такъ „пѣніемъ своимъ отнималъ у нихъ и послѣднюю красоту; слѣ-„довательно симъ родомъ стихотворства не могъ онъ понравиться „такой красавицѣ, которая ни одной минуты не хочетъ потра-„тить на безполезные вздохи; да и на что оно, когда и безъ „вздоховъ вершится нынѣ любовное дѣло и всякая пріятность „получается въ непродолжительномъ времени". Любовные же стихи годятся развѣ на подвивку волосъ или на подстилку подъ пироги [2]). Очень вѣроятно что въ этихъ портретахъ были намеки на современныхъ писателей, но разгадать ихъ едва ли возможно въ настоящее время.

Всѣ эти бездарные стихотворцы, по словамъ „Щепетиль-ника" народъ ужасно гордый и самолюбивый: разсуждая печатно о томъ, въ чемъ *не смыслятъ ни уха, ни рыла*, они требуютъ, чтобъ публика была ко всему безчувственна, кромѣ ихъ рифмосплетеній. Тотъ-же самый стихотворецъ, который терпѣливо снесетъ названіе неряхи и не совсѣмъ честнаго человѣка, взбѣсится, если (чего Боже сохрани!) кто-нибудь назоветъ его безмозглымъ рифмачемъ [3]). Точно также опасно при одномъ стихотворцѣ похвалить другаго: тутъ подымется буря злословія, достанется и роду и племени, и произнесется строгій судъ, если окажется хоть одна ошибка въ падежѣ или строчномъ препинаніи [4]). Не терпя чужихъ сочиненій, парнасскіе витязи любили восхищаться своими собственными, и готовы были во всякое время и всякому читать ихъ „со всѣми украшеніями и возвышеніями голоса" [5]).

---

[1]) Стр. 12—17.

[2]) Стр. 26—27, 106.

[3]) Стр. 99, 107.

[4]) „Вечера", ч. I, стр. 99—100.

[5]) „Щепетильникъ". стр. 28—29.

Сатира на расплодившихся непризванныхъ „піитовъ", небезполезная по своему вліянію на литературу и вкусъ публики, нашла сочувствіе въ господинѣ И. Л., который писалъ къ Чулкову: „Хвалю васъ, господинъ сочинитель! что предпріяли вы исправлять происходящія отъ самолюбія пороки „стихоплетущихъ рифмачей, приложившихся по писанію скотамъ несмысленнымъ. Я напередъ предъузналъ, что это сочиненіе („Щепетильникъ") обсѣчетъ крылья многимъ и у насъ „(близъ Днѣпра) проявившимся недавно стихобродамъ, которые, „скажу по просту съ вами, *ни смысля ни уха, ни рыла* и „намаравши нѣсколько стиховъ, стремятся вскарабкаться на „Парнасъ и самовластно обладать онымъ, называя всѣ правила „совершеннаго стихотворства ученымъ вздоромъ, пустотою и „враками, причиняющими излишнее лишь и совсѣмъ ненадобное затрудненіе... Твердо надѣюсь я, что если не престанете „вы продолженіемъ вашего „Щепетильника" обличать ихъ, по „крайней мѣрѣ хотя наши стихомаратели, какъ твари, не совсѣмъ еще въ разсужденіи вашихъ упившіяся безуміемъ, „современемъ перестанутъ проявлять и облевывать скаредные „плоды онаго. И больше скажу, я съ восхищеніемъ вижу въ „нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе: ибо многіе, донынѣ присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не знаю какое-то „съ собою подобіе, совершенно бросили юродствовать и принялись за разумъ". При этомъ письмѣ И. Л. прислалъ „Похвальные стихи полустихотворцамъ", которые и были напечатаны въ „Щепетильникѣ". Содержаніе стиховъ таково: скажите, спрашиваетъ авторъ, отчего хлѣбъ родится плохо? и небо не посылаетъ дождя?—Небеса прогнѣваны: потому что къ ихъ высотамъ отовсюду возносятся несносныя и нестерпимыя враки въ безчисленныхъ поэмахъ, одахъ, стансахъ, сонетахъ и пѣсняхъ. Плохіе піиты размножились; для нихъ Ипокрена впадаетъ въ Неглинную, а спартанская Елена живетъ въ Валдаѣ, словомъ, сонную мечту они принимаютъ за восторгъ [1]).

И послѣ „Щепетильника" долго слышались въ нашей литературѣ жалобы на плохихъ стихотворцевъ, такъ зло осмѣян-

[1]) Стр. 275—277, 280—286.

ныхъ впослѣдствіи въ „Чужомъ толкѣ" Дмитріева. Въ „Вечерахъ" было напечатано стихотвореніе, подъ заглавіемъ *Мысли:*

Воззри, усмотришь ты здѣсь многіе примѣры:
Здѣсь школьники уже считаются Гомеры;
Кто нѣсколько стиховъ негодныхъ издалъ въ свѣтъ,
Уже межъ многими Виргиліемъ слыветъ;
Кто портитъ только слогъ пѣвцовъ преславныхъ россовъ,
Уже считается второй здѣсь Ломоносовъ...
А если хочешь ты плѣнить умы людскіе,
Старайся только въ стихъ сбирать слова такія,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ,
Чтобъ стихъ твой у тебя безъ разума *гремѣлъ*.
Такіе-то у насъ писцы въ великой модѣ,
Которые совсѣмъ впреки идутъ природѣ!...
Пиши поэмы ты и оды *пухлымъ* слогомъ,
То будешь возглашенъ межъ всѣхъ парнасскимъ богомъ.
Чѣмъ будетъ болѣе затмѣнныхъ мыслей въ ней,
Тѣмъ болѣе хвалы услышишь отъ людей;
Лишь только подражать Хераскову блюдися,
А Майкову во слѣдъ совсѣмъ идти стыдися:
Не въ модѣ между всѣхъ невѣждъ писатель сей—
Какой превздорный имъ въ свѣтъ изданъ *Елисей* [1])!

Судьба стихотворцевъ въ эпоху 1770-хъ годовъ была не-совсѣмъ блистательная. Многіе изъ нихъ пѣли торжественные гимны и оды по заказу на общественныя и семейныя празднества и торговали своими поздравительными виршами. „Вечера", говоря о піитахъ, которые пишутъ стихи по подряду и свой бездѣльный трудъ продаютъ, будто лапти, приводятъ разсказъ о томъ, какъ одинъ богатый человѣкъ нанялъ стихотворца сочинить оду на его свадебное торжество:

Уже вспѣвака мой тащится на Парнасъ,
Варитъ для жениха стихи онъ, какъ ушное,
Кладетъ въ уху сію чеснокъ и ананасъ,
И подлинно сварилъ онъ кушанье смѣшное...
Помчался мой пѣвецъ въ селенія небесны,
Венеру съ облаковъ на свадьбу притащилъ;
Не думавъ жениху содѣлать тѣмъ обиды,
Не пожалѣлъ стащить оттолѣ и купиды... [2]).

---

[1]) Ч. I, стр. 19; ч. 2, стр. 27—41.
[2]) Ч. I, стр. 77—78.

Въ журналѣ „И то и сё" есть разсказъ о барынѣ, которая приглашала стихотворца воспѣть въ плачевной элегіи смерть ея постельной собачки [1]).

„Парнасской Щепетильникъ", однако, не имѣлъ большаго успѣха. Еще въ октябрскомъ выпускѣ издатель жаловался, что общество потеряло охоту къ повременнымъ изданіямъ [2]), а въ декабрскомъ онъ объявилъ: „Сочиненіе сіе („Щепетильникъ") „продолжалось до конца сего года по обѣщанію издателеву, хотя „и съ великимъ ему убыткомъ: онъ хотѣлъ лучше устоять въ „своемъ словѣ, нежели солгать передъ всею публикою... Не „хотѣлъ онъ послѣдовать тѣмъ премудрымъ авторамъ, кои „напечатавъ первый листъ, роздали билеты и обобрали съ же„лающихъ деньги, а на второмъ листе прервали свое сочине„ніе". Въ „Щепетильникѣ" участвовалъ знакомый намъ Рубанъ.

„Пустомеля" издавалась помѣсячно и продолжалась недолго: іюнь и іюль. Имя издателя [3]) ея неизвѣстно. Обращаясь къ читателю, онъ самъ говоритъ: „Можетъ быть, захочешь ты „прежде всего узнать мое имя, однакожъ не жди, чтобы я тебя „объ ономъ увѣдомилъ. Сколько хочешь думай, отгадывай, „развѣдывай и трудись, мнѣ до того нужды нѣтъ... Вы часто о „сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣкоторые изъ васъ „и не читавши, но по одному только слуху, дѣлаютъ непра„вильныя заключенія. Итакъ польза моя требуетъ, чтобы я имя „свое утаилъ. Не знавши онаго, какъ скоро прочтешь ты десять „строкъ моего сочиненія, то навѣрно заключишь, что я писа„тель не третьей статьи; можетъ быть подумаешь, что я чело„вѣкъ знатный; слѣдовательно критиковать не осмѣлишься" [4]). Названіе „Пустомели", вѣроятно, дано въ подражаніе англійскому періодическому изданію „The Tattler" (Болтунъ), которое съ 1709 до 1711 года выходило подъ редакцію Стиля. Въ „Пустомелѣ"

[1]) Недѣля 42.

[2]) Стр. 264.

[3]) В. П. Семенниковъ высказываетъ убѣжденіе, что издателемъ „Пустомели" былъ, вѣроятно, Новиковъ, который, по прекращеніи „Трутня", не могъ разстаться сразу съ любимымъ поприщемъ журналиста сатирика — См. В. П. Семенниковъ — „Русскіе сатирическіе журналы 1769—74 г.г.". Розысканія объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ. С.П.Б. 1914 г. стр. 73—80. И. К.

[4]) Стр. 11—12.

напечатано, между прочимъ, фонъ-Визиново „Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“ и, судя по тону замѣтки, сдѣланной при этомъ отъ редакціи, напечатано здѣсь впервые [1]), Кромѣ этого посланія, въ „Пустомелѣ“ нѣтъ статей сатирическаго содержанія, но за то въ ней есть интересныя свидѣтельства о современной литературѣ и театрѣ, на которыя укажемъ въ своемъ мѣстѣ. „Я боюсь обѣщать море, чтобъ не вылилась лужа“, говоритъ въ предисловіи осторожный издатель, и потому, умалчивая о направленіи и цѣли своего журнала, онъ высказываетъ только свой взглядъ на литературныя требованія и по этому поводу дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о современныхъ писателяхъ; между этими замѣчаніями нельзя не примѣтить нападенія на „Парнасской Щепетильникъ“ Чулкова.

„Пустаго (говоритъ издатель „Пустомели“) писать не хо„чется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мнѣ и самому не„сносны тѣ авторы, которые сочиненія свои начинаютъ вздо„ромъ, вздоромъ наполняютъ и оканчиваютъ вздоромъ, пишутъ „все, что ни попадется, спорятъ, критикуютъ, рѣшатъ, а за„путавшись въ мысляхъ изъясняются весьма не ясно: тутъ „слѣдуютъ у нихъ сухія шутки, будто оставляютъ темныя мѣ„ста на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой со„вѣсти захочетъ признаться, то скажетъ, что и самъ онъ того „не понимаетъ... Многіе нынѣ принимаются писать, думая, что „хорошо сочинять также легко, какъ продавать шнурки, серьги „запонки, наперстки, иголки и прочіе мелочные товары, коими „*щепетильники* торгуютъ въ деревняхъ и мѣняютъ оные на „лапти и яйцы; но они обманываются. Чтобы хорошо писать, „надо образованіе, острота, здравый умъ, хорошій вкусъ, зна„ніе языка и понятіе о вещахъ; иначе будешь не писателемъ, „а бумагомарателемъ. По несчастію у насъ много такихъ со„чинителей, которые пишутъ все, что съ ними не повстрѣ-

[1]) Показаніе митрополита Евгенія, что „Посланіе къ слугамъ“ явилось въ первый разъ въ Москвѣ, во время публичнаго маскарада въ 1763 году, едва ли вѣрно (Слов. св. пис. т. I, стр. 80, или въ „Другъ Просвѣщен.“ ч. III, стр. 252), тѣмъ болѣе, что всѣ старанія удостовѣриться въ существованіи тѣхъ литературныхъ сатурналій, о которыхъ говоритъ митрополитъ Евгеній, оставались доселѣ безъуспѣшными („Фонвизинъ“, соч. кн. Вяземскаго, стр. 47).

„чается, хватаются за все, начинаютъ и никогда не оканчи-„ваютъ" [1]). Вѣроятно, Чулковъ не оставилъ этотъ вызовъ безъ отвѣта; но трудно отгадать, какая изъ его сатирическихъ выходокъ направлена противъ „Пустомели".

Затѣмъ издатель „Пустомели", обращаясь къ самому себѣ, продолжаетъ: „Пускай бѣдные писатели со слезами просятъ, „чтобы ихъ изъ милосердія не критиковали и пусть испраши-„ваютъ они у читателей благосклоннаго принятія трудовъ своихъ: „тебя не такая ожидаетъ участь, и для того поступай съ чита-„телями отмѣнно. Прими на себя важный видъ, подобно тѣмъ „авторамъ, которые, не больше десяти строкъ написавъ, отни-„маютъ первенство у всѣхъ прежде ихъ прославившихся твор-„цовъ". Съ первыхъ строкъ изуми своихъ читателей и, не давая имъ опомниться, заставь гоняться за летучими мыслями твоего парящаго разума. Если же ты самъ устанешь, то осѣдлай Пегаса, мучь его сколько угодно: онъ будетъ тебѣ покоренъ. „Но если паче чаянія онъ попротивится и тебя не пуститъ сѣсть, „то...но этому быть не можно. Когда всѣ немысленные рифмо-„творцы сего бѣдняка мучатъ, то какъ онъ осмѣлится проти-„виться тебѣ?... Забудь, что не умѣешь ты ни одного сплесть „стишка; что нужды, что не знаешь ты правилъ стихотворства? „Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тѣмъ „себя прославить можешь. Многіе въ стихотворствѣ не больше „твоего знанія имѣютъ, но совсѣмъ тѣмъ пишутъ трагедіи, оды, „элегіи, поэмы и все, что имъ вздумается" [2]). Короче сказать, поймай Пегаса за гриву, оборви ему крылья, сядь насильно и поѣзжай прямо на Парнасъ; Аполлона за худое правленіе накажи, сдѣлай его парнасскимъ коммиссаромъ для пріема новыхъ стихотвореній, а самъ садись на его мѣсто и греми на лирѣ, складно или нѣтъ—все равно, только погромче—и тебѣ станутъ удивляться. Музамъ издатель „Пустомели" назначаетъ столь же характеристичныя должности, какъ и Аполлону [3]), но объ этомъ будетъ сказано ниже.

---

[1]) Стр. 5—8.

[2]) На стран. 84 „Пустомели" читаемъ: „ежели посмотрѣть на молодыхъ нынѣшнихъ писцовъ (писателей), то можно подумать, что труднѣе быть посредственнымъ сапожникомъ, нежели авторомъ".

[3]) Стр. 9—22.

Кромѣ статей чисто-литературныхъ, въ „Пустомелѣ" печатались еще статьи политическаго содержанія, проникнутыя легкой ироніей и для насъ любопытныя, какъ отголосокъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Подобныя статьи встрѣчались и въ „Адской Почтѣ"; но въ „Пустомелѣ" онѣ отличаются большей живостью. Здѣсь находимъ насмѣшливые отзывы о туркахъ и французахъ, по поводу современной войны Россіи съ Портою. Отзывы эти печатались подъ собственнымъ заглавіемъ „Вѣдомостей изъ Константинополя". Интересны —„Тайныя сералскія извѣстія": „На мѣсто стараго выбранъ новый муфти, который „меньше прежняго къ войнѣ имѣетъ склонности. Онъ, собравши „всѣхъ толкователей Алкорана, предложилъ имъ для рѣшенія „самую трудную задачу, а именно: отчего русскіе солдаты не„сравнено превосходятъ храбростію турокъ? Толкователи пришли „отъ сего вопроса въ недоумѣніе; они очень долго потѣли, при„искивая приличное сему въ алкоранѣ: наконецъ заключили, „что храбрость сія и неустрашимость происходитъ отъ зави„ванія и пудренія волосовъ. Муфти предложилъ сіе султану, и „давалъ свое разрѣшеніе, чтобы всѣмъ янычарамъ обрить бороды „и завивать волосы. Султанъ приказалъ немедлено требовать у „министра нѣкоторой доброжелательной намъ державы (Франціи), „чтобы онъ для турецкой арміи выписалъ парикмахеровъ, пуд„ры и помады... сіе почитаютъ вдохновеніемъ пророка Магомета, „почему и великую на сіе полагаютъ надежду". Къ этой статьѣ присоединено извѣстіе, изъ „нѣкотораго европейскаго города" (Парижа): „Дружелюбіе нашего двора съ Оттоманскою Портою „всему свѣту извѣстно... по требованію Порты набираются у „насъ по всѣмъ мѣстамъ парикмахеры и заготовляется без„численное множество пудры и помады, что въ скоромъ времени „къ блистательной Портѣ и отправится. Вспоможеніе сіе нема„лой важности; ибо всѣ жители нашего города не безпричинно „опасаются, чтобы не ходить имъ съ незавитыми и непудрен„ными волосами до того времени, пока заведутся новые парик„махеры... Поговариваютъ, что министерство наше вознамѣри„лось къ Портѣ отправить нѣсколько тысячъ книгъ о парик„махерскомъ искуствѣ" [1]). Въ новомъ выпускѣ „Пустомели", въ извѣстіяхъ изъ Константинополя объявлено: „Почти ника-

[1]) Стр. 43—49.

„кого не видимъ мы средства къ нашему избавленію: ужь и „парикмахеры намъ не помогаютъ!... Повседневно приходящія „къ намъ извѣстія о успѣхахъ непріятельскаго противъ насъ „оружія умножаютъ народное смятеніе. До какого несчастія „Порта дошла! Ужь и греки подъ предводительствомъ россіянъ „насъ побѣждаютъ... повсюду въ турецкихъ областяхъ россійскій „летаетъ орелъ, неся съ собою ужасъ и смерть... Нѣкто на сихъ „дняхъ подалъ султану выдумку о наборѣ войскъ въ сераляхъ, „которая, какъ сказываютъ и утверждена" [1]).

Рубинъ, который въ 1769 году издавалъ „Ни то, ни сё", не смотря на свои увѣренія, не излѣчился отъ болѣзни сочинительства, и въ 1771 году выступилъ съ новымъ еженедѣльникомъ, названнымъ „Трудолюбивый Муравей". Журналъ этотъ издавался по образцу „Трудолюбивой Пчелы" Сумарокова, о чемъ было замѣчено въ самомъ „Муравьѣ" [2]). Объявляя о своемъ изданіи на 1771 годъ, Рубанъ говоритъ:

„Минувшій 1769-й годъ весьма изобиленъ былъ еженедѣльными листами, такъ что и самые жадные охотники едва „успѣвали ихъ всѣхъ за великимъ множествомъ прочитывать. „Прошлаго 1770 года начали было показываться понедѣльно „Трутень" и помѣсячно „Пустомеля", но оба, не окончивъ „года, пресѣклись. Одинъ только „Щепетильникъ", начавшись „съ мая, совершалъ теченіе свое постоянно до окончанія года, „не выдерживая въ типографіяхъ, по примѣру прочихъ карантина; но, будучи одержимъ падагрою, немного расхаживалъ по „свѣту, и теперь еще отдыхаетъ на одрѣ у книгопродавцевъ. „Сею болѣзнію и многіе третьегоднишные недѣльные листочки „страждутъ; а многіе отъ долговременнаго недуга и бока себѣ „до самыхъ реберъ уже пролежали; нѣкоторые же, будучи „взаперти, совсемъ исчахли, и бытіе свое въ небытіе премѣнили. О семъ неизбѣжномъ всѣмъ жребіи сожалѣя, выходящій „нынѣ на свѣтъ „Муравей", желая (отъ) выходомъ своимъ „оживотворить и кости усопшихъ своихъ собратій, и произвесть „вновь съ собою бумажныхъ современниковъ, и *увеселить*

[1]) Стр. 106—108. Въ „Вечерахъ" (ч. I, стр. 41—47) было помѣщено письмо съ Сатурна, въ которомъ аллегорически говорится о современныхъ отношеніяхъ Россіи, Турціи и Франціи.

[2]) Стр. 91.

„публику, въ скукѣ доселѣ безъ еженедѣльныхъ новостей сидящую, а тѣмъ для себя и читателей доставить сугубое удовольствіе. Къ посиѣшествованію же трудовъ своихъ приглашаетъ онъ каждаго и всѣхъ къ періодическимъ сочиненіямъ охотниковъ, и обнадеживаетъ ихъ въ изданіе свое вмѣщать всѣ присылаемыя къ нему сочиненныя или переведенныя въ прозѣ и стихахъ піесы, которыя здравому разсудку и благопристойности противны не будутъ". Какъ-бы оправдывая названіе своего журнала, Рубанъ въ первомъ же нумерѣ его помѣстилъ разсужденіе о природныхъ свойствахъ и склонностяхъ муравьевъ. „Трудолюбивый Муравей" почти вовсе не содержитъ въ себѣ указаній на характеръ современнаго ему быта; главною цѣлью его было печатать статьи, касающіяся русской исторіи и географіи, стихи и небольшіе разсказы, далекіе отъ русской дѣйствительности и ея интересовъ. Въ письмѣ, напечатанномъ въ этомъ журналѣ, неизвѣстный корреспондентъ говоритъ: „Въ вашемъ журналѣ не увидишь ни брани, ничего такого, что называютъ господа авторы въ свое оправданіе *сатирами*; а мнѣ какая нужда—сатира или другое что, да коли меня выбранятъ, хотя бы то было и правильно, такъ мнѣ право досадно, и я такого автора самъ до послѣдняго издыханія бранить не перестану... Ваше изданіе, право, карантиновъ въ типографіяхъ выдерживать не будетъ, а для насъ то-то и хорошо" [1]). При концѣ года, обращаясь къ публикѣ, издатель говоритъ, что листы его журнала пользовались большимъ расходомъ. Насколько справедливо это показаніе—сказать трудно: извѣстно, что только сатирическіе журналы выдерживали по нѣскольку изданій, и что въ доброе старое время журналисты позволяли себѣ печатать похвалы своимъ собственнымъ трудамъ. Рубанъ въ своемъ журналѣ помѣстилъ слѣдующее похвальное себѣ стихотвореніе, подписанное буквами *Т. М.* (то есть „Трудолюбивый Муравей"):

От сладка сна влечетъ насъ райской соловей,
Къ трудамъ примѣръ есть всѣмъ прилежный Муравей:
Почтутъ его труды и поздни наши чады
И воздадутъ ему хвалы всѣ русски грады! [2])

---

[1]) Стр. 92.
[2]) Стр. 89.

Въ 1772—3 годахъ появился литературный и историческій сборникъ „Старина и Новизна", издававшійся Рубаномъ; кромѣ того, тогда же выходили два журнала: „Вечера" и „Живописецъ", изъ которыхъ первый выдержалъ два изданія, а послѣдній въ теченіе двадцати лѣтъ имѣлъ пять изданій (второе было въ 1773 году, третье въ 1775, четвертое въ 1781, а пятое въ 1793 г.). Въ 1773 году, сверхъ продолженія „Вечеровъ" и „Живописца", стала выходить „Мѣшанина". На страницахъ этихъ изданій встрѣчаемъ три знаменитыя въ нашей литературѣ имени: во второй части „Старины и Новизны" была помѣщена прозаическая героида: „Вивлида и Кавну", переведенная съ нѣмецкаго, по свидѣтельству митрополита Евгенія, *Державинымъ*[1]; въ „Вечерахъ" напечатана ода Вольтера къ императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ переводѣ *Богдановича*[2]; въ „Живописцѣ" выступилъ *фонъ-Визинъ* съ своимъ „Словомъ на выздоровленіе государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича". Можетъ быть, ему принадлежатъ и нѣкоторыя сатирическія письма, напечатанныя въ „Живописцѣ" и живо напоминающія слогъ и манеру автора „Бригадира" и „Недоросля".

Изданіе „Вечеровъ" приписываютъ Новикову; но есть обстоятельства, которыя заставляютъ сомнѣваться въ томъ. Мы знаемъ, что съ именемъ Новикова связывали даже изданіе „Парнасскаго Щепетильника", издателемъ котораго онъ никогда не былъ; слѣдовательно показаніями словарей и каталоговъ надобно пользоваться осторожно. Приписывать „Вечера" Новикову могли на томъ основаніи, что второе изданіе этого журнала вышло отъ типографской компаніи. Но, судя по указаніямъ, которыя встрѣчаемъ въ предисловіи къ „Вечерамъ", и по взгляду этого изданія на сатиру, взгляду, который нисколько не соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ Новикова, трудно повѣрить, чтобъ „Вечера" издавались именно имъ, тѣмъ болѣе, что въ то-же самое время Новиковъ уже издавалъ „Живописца".

Въ объявленіи объ изданіи „Вечеровъ" сказано: „Мы, „благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ, и пишемъ для

---

[1]) „Словарь свѣтск. писат." т. 1, стр. 171.

[2]) „Вечера", изд. 2, ч. I, стр. 206. Ссылки сдѣланы вездѣ на второе изданіе „Вечеровъ".

„того, что намъ писать очень захотѣлось. Тутъ нѣтъ ни корыстолюбія, ни худаго намѣренія, а меньше всего авторскаго „высокомѣрія. Мы всѣ составляемъ небольшое общество. Сіе „общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный „одинъ вечеръ въ недѣлѣ не играть ни въ вистъ, ни въ ломберъ, и сряду пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упражняться? Многіе изъ насъ о томъ уже начали сомнѣваться. „И какъ таковыя мнѣнія въ свѣтскихъ бесѣдахъ весьма прилипчивы, такъ опасно, чтобъ и всѣ мы сею мыслею не заразились, и тѣмъ бы наши труды не пресѣклись. Читатели! „ежели вамъ полюбятся наши сочиненія, желайте, чтобы не „совершились наши подозрѣнія и чтобы вподлинну всему человѣческому роду въ томъ не утвердиться, что благорожденный человѣкъ цѣлый вечеръ безъ игры пробыть не можетъ" [1]). Сатирическихъ статей въ „Вечерахъ", сравнительно съ несатирическими, мало; одинъ изъ корреспондентовъ этого журнала называетъ его издателей людьми *смирными* и *скромными* [2]). Сами издатели, соглашаясь, что оба рода сочиненій: и сатирическія и любовныя—похвальны, признаются, что въ ихъ журнальныхъ листахъ сатиръ встрѣтишь меньше, нежели другихъ сочиненій, и „сіе не для того (продолжаютъ они), чтобъ мы писать сатиръ не умѣли; пороки осмѣивать не весьма трудно, но исправить ихъ мудрено" [3]).

Вотъ еще любопытный отзывъ одного изъ корреспондентовъ „Вечеровъ": „Знаете ли (говоритъ онъ), что я всегда „заводилъ чернильное знакомство съ господами издателями „журналовъ? Повѣрьте мнѣ, что это правда; много моихъ „писемъ во „Всякой Всячинѣ"... Однимъ словомъ, сколько „въ Россіи не выходило журналовъ, то во всѣхъ есть что-„нибудь мое, хотя не сочиненія, то по крайней мѣрѣ мысли „мои были писаны не знаю кѣмъ. Вообразите же, какъ я обрадовался, будучи страстнымъ охотникомъ до журналовъ, что „вдругъ принесли ко мнѣ цѣлую кучу листовъ... Отгадайте, „за какіе листы я прежде всѣхъ принялся? За ваши „Вечера", затѣмъ что изображеніе сатира въ заглавіи вашего жур-

---

[1]) Ч. I, стр. 6—7.
[2]) Ч. II, стр. 126.
[3]) Ч. II, стр. 130.

„нала мнѣ много обѣщало. Итакъ я „Вечера" началъ читать „прежде, нежели „Живописца"; но если вы любите правду, „то могу сказать, что сатиръ вашъ только смѣется и осмѣ-„хаетъ, а не кусаетъ и не язвитъ, какъ въ нынѣшнее или, „не помню, въ которое-то время многіе вздумали, что пасквили „суть сатиры высокаго слога и достойны удивленія и похвалы. „Однако критиковать никого я не намѣренъ" [1]). Письмо это было отголоскомъ старыхъ журнальныхъ споровъ о значеніи сатиры и, очевидно, было направлено противъ мнѣній, высказанныхъ въ „Трутнѣ".

Если сатиръ „Вечеровъ" не больно кусался, то нельзя было пожаловаться въ этомъ отношеніи на „Живописца". Это былъ лучшій журналъ екатерининскаго времени; его обличительная сатира высказывалась съ неослабною энергіею облекалась иногда въ формы истинно-художественныя; отъ многихъ ея изображеній вѣетъ дѣйствительною жизнью. Успѣхъ „Живописца" былъ полный, что доказывается многими его изданіями: просвѣщенные люди встрѣтили его съ сильнымъ участіемъ.

Въ первой части „Живописца" напечатано слѣдующее письмо: „Господинъ сочинитель „Живописца"! Сочиненія твои мнѣ „весьма нравятся; но не тѣмъ, чѣмъ они нравятся другимъ, „т. е. не слогомъ, а содержаніемъ. Какая мнѣ нужда въ красотѣ слога? Провались краснорѣчіе, ядомъ лести напоенное! Я „ненавижу тѣхъ краснорѣчивыхъ разсказщиковъ, которые, обольщая слухъ, обманываютъ насъ, а люблю въ писателѣ лучше „всего доброе сердце и истинную любовь къ отечеству... Сказать „ли тебѣ? Читая твой листокъ, я плакалъ отъ радости, что „нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго „мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій „Боже! Услыши моленіе осьмидесятилѣтняго старика, къ счастію „нашему продли дни премудрыя государыни... Куда бы ты „попалъ, бѣдняжка, еслибъ эту пѣсню запѣлъ въ то время, „когда я былъ помоложе! Но сказать ли тебѣ, другъ мой, ты „многихъ вооружилъ противъ себя, тебя злословятъ: такъ-то „воздаютъ тѣмъ людямъ, которые говорятъ правду!... Не сердись „за то, что люди испорченныхъ нравовъ тебя поносятъ; другъ „мой! тебѣ это такую же честь дѣлаетъ, какъ и то, что честные

---

[1]) Ч. II, стр. 235–6.

„люди благодарятъ тебя". Подъ письмомъ этимъ подпись: „Осьми-„десятилѣтній старикъ"[1]).

Особенно-замѣчательно, что статьи „Живописца" пришлись по народному вкусу и расходились въ разныхъ слояхъ русскаго общества; вотъ какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ предисловіе къ пятому изданію „Живописца":

„Благосклонное припятіе первымъ четыремъ изданіямъ „этого труда моего ободрило меня приступить къ пятому. Еслибъ „я былъ самолюбивъ, то скорый сей расходъ „Живописцу" „неотмѣнно поставилъ бы на счетъ достоинства моего сочине-„нія; но, будучи о дарованіяхъ своихъ весьма умѣреннаго мнѣ-„нія, лучше соглашаюсь вѣрить тому, что это сочиненіе по-„пало на вкусъ мѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги „третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, ко-„торыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чу-„жестранныхъ языковъ, нравятся. Люди же, разумы свои зна-„ніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ „число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми голов-„ными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, „помадою, книгами и проч. Въ подтвержденіе сего моего мнѣ-„нія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей ника-„кого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только „мѣщанами; сіи книги суть: *Троянская исторія, Синопсисъ, „Юности честное зерцало, Совершенное воспитаніе дѣтей, „Азовская исторія* и другія нѣкоторыя. Напротивъ того, книги, „на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно „лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею „назначенныхъ"[2]).

О направленіи „Живописца" издатель откровенно высказался на второмъ листѣ этого журнала, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Авторъ къ самому себѣ", гдѣ остроумно осмѣяны тѣ современныя литературныя мнѣнія, которыя враждовали противъ комедіи и сатиры и увлекались поэзіею пастушескою. Обращаясь къ самому себѣ, издатель говоритъ: „ты дѣлаешься „авторомъ, ты принимаешь названіе *Живописца*, но не такого,

---

[1]) Ч. I, стр. 51—53. (1-го издан.).

[2]) То-же предисловіе находимъ и при третьемъ и четвертомъ изданіяхъ.

„который пишетъ кистью, а живописца, перомъ изображающаго наисокровеннѣйшіе въ сердцахъ человѣческихъ пороки. „Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? „Вѣдаешь ли совершенно, какой предлежитъ тебѣ трудъ? Извѣстны ли тебѣ твои свойства и твои читатели? Надѣешься ли всѣмъ имъ сдѣлать угожденіе?... Бѣдный авторъ! тутъ „увидишь ты *нравоучителя*, порицающаго всѣхъ критиковъ и „утверждающаго, что сатиры ожесточаютъ только нравы, а „исправляютъ (ихъ) нравоученія. Но читатель ему отвѣтствуетъ: ты пишешь такъ сухо, что я не имѣю терпѣнія никогда „читать твои сочиненія. Тамъ *сатирикъ* описываетъ пороки, „язвитъ порочныхъ, забавляетъ разумъ остротою своего сочиненія и приноситъ удовольствіе. Нѣкоторые читатели говорятъ ему: ты забавенъ, я читалъ тебя съ пріятностью, но ты „ѣдокъ; я тебя опасаюсь. А прочіе кричатъ: онъ всесвѣтный „ругатель! О бѣдный авторъ! Встрѣчается со мною *трагическій* „*писатель*; онъ сочиняетъ трагедію и говоритъ: комедія развращаетъ только нравы и научаетъ порокамъ, а не исправляетъ „оныхъ; такія сочиненія не только что безполезны, но и вредны. „Одна трагедія имѣетъ своею цѣлью добродѣтель и научаетъ „оной самихъ церквей. Какая завидная участь! Но читатель „ему отвѣтствуетъ: ежели твоя трагедія хороша, то тогда услаждаетъ она мои чувства и питаетъ разумъ; но однакожъ вѣдай, „что до сея пищи охотниковъ немного. *Писатель комедій* „говоритъ: трагедія показываетъ слѣды нравоученія тѣмъ людямъ, которые въ ономъ не имѣютъ нужды; обучать такихъ „людей, кои или уже добродѣтельны, или не слушаютъ нравоученія, есть трудъ безполезный. Напротивъ того, комедія „пріятнымъ нравоученіемъ и забавною критикою исправляетъ „нравы частныхъ людей, язвитъ пороки, не даетъ имъ усиливаться, искореняетъ ихъ; словомъ, изъ всѣхъ театральныхъ „сочиненій одна комедія полезна. Но читатель ему говоритъ: „знай, когда ты меня осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣхаю... „Но мнѣ еще встрѣчается писатель: онъ сочиняетъ *пастушескія* „*сочиненія* и на нѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златый вѣкъ, „говоритъ, что у городскихъ жителей нравы развращены, пороки царствуютъ, все отравлено ядомъ; что добродѣтель и „блаженство бѣгаютъ отъ городовъ и живутъ въ прекрасныхъ „долинахъ, насажденныхъ благоуханными деревами, испещрен-

„ныхъ различными наилучшими цвѣтами, орошенныхъ источни-„ками, протекающими кристалловидными водами, которыя, тихо „переливаяся по мелкимъ прозрачнымъ камешкамъ, восхити-„тельный производятъ шумъ. *Блаженство* въ видѣ пастуха „сидитъ при источникѣ, прикрытомъ отъ солнечныхъ лучей „густою тѣнью того дуба, который слишкомъ три тысячи лѣтъ „зеленымъ одѣвается листвіемъ. Пастухъ на нѣжной свирѣли „воспѣваетъ свою любовь; вокругъ его летаютъ зефиры и тихимъ „дыханіемъ пріятное производятъ ему прохлажденіе. *Невин-„ность* въ видѣ поднебесныхъ птицъ совокупляетъ пріятное свое „пѣніе съ пастушескою свирѣлью, и вся природа въ успокое-„ніи сему пріятному внимаетъ согласію. Сама *Добродѣтель* „въ видѣ прелестныя пастушки, одѣтая въ бѣлое платье и „увѣнчанная цвѣтами, тихонько прокрадывается, (и) вдругъ „предъ нимъ показывается. Пастухъ кидаетъ свирѣль, бро-„сается во объятія своея любовницы и говоритъ: цари всего „свѣта, вы завидуете нашему блаженству! Г. авторъ восхи-„щается, что двумъ смертнымъ такое могъ дать блаженство, и „какъ хотя мысленнымъ не восхищаться блаженствомъ! Жаль „только, что оно никогда не существовало въ природѣ! Творецъ „сего блаженства, хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, „однакожъ живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ „сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, что въ „нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга, а второе, что „ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ „позабыли бы блаженство сея жизни. Читатель ему отвѣтствуетъ „старинною пословицею: чужую душу въ рай, а самъ ни ногою. „Бѣдный авторъ! ты другихъ и себя обманываешь". Увѣрив-шись, что уже пора въ настоящій просвѣщенный вѣкъ снимать личину съ людей порочныхъ, издатель „Живописца" вознамѣ-„рился быть изобразителемъ наисокровеннѣйшихъ человѣче-„скихъ пороковъ", и предъ началомъ такого труднаго дѣла самъ себѣ даетъ слѣдующій совѣтъ: „требуютъ отъ тебя, чтобъ ты въ „сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщи-„ною, съ которою иногда тебя видалъ; ты отгадать можешь, „что она называется *Осторожность*" [1]).

Сотрудники „Живописца" скрылись подъ вымышленными именами: *Пустяковтопптатель*, *Любопытный зритель*, *Дво-*

[1]) Ч. I, стр. 9—16, 129. (1-го изд.).

ужинъ съ одною душею. Доброхотное сердечко и др. Въ этомъ изданіи встрѣчаемъ, между прочимъ, стихотворенія неутомимаго В. Рубана, который означалъ свое имя и фамилію только начальными буквами.

Довольный успѣхомъ своихъ періодическихъ изданій, Новиковъ въ 1774 году задумалъ издавать новый журналъ: „Кошелекъ". Въ предисловіи къ этому журналу онъ говоритъ: „Двѣ причины побудили меня издавать въ свѣтъ сіе слабое „твореніе и посвятить оное отечеству моему: первая, что я „будучи рожденъ и воспитанъ въ нѣдрахъ отечества, обязанъ „оному за сіе служить посильными своими трудами и любить „оное, какъ я и люблю его... Я никогда не слѣдовалъ пра„виламъ тѣхъ людей, кои безо всякаго изслѣдованія внутрен„нихъ, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими „дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочи„таютъ своему отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и „гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что рос„сіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и „до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи „съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойствен„ными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была „несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго на„роду ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ „и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобъ „изъ сей смѣси составить новый, никакому народу не свой„ственный характеръ, а еще наипаче россіянину, выключая „только тѣхъ, кои добровольно изъ разумнаго человѣка пере„дѣлываются въ несмысленныхъ обезьянъ, и представляютъ „себя на посмѣшище всея Европы. Таковые не только что не „видятъ добродѣтелей, россіянамъ природныхъ, но если бы гдѣ „оныя съ ними ненарочно и повстрѣчались, то безъ сомнѣ„нія отвратили бы зрѣніе свое, именуя оныя грубостію и не„вѣжествомъ". Другой причины издатель не объясняетъ, чтобы при первомъ знакомствѣ съ читателями „обойтись сколько возможно миролюбивѣе"; но по духу статей, напечатанныхъ въ „Кошелькѣ", видно, что Новиковъ, вооружаясь колкою сатирою, выступилъ съ этимъ изданіемъ на защиту русской народности противъ крайнихъ иноземныхъ вліяній. И въ другихъ журналахъ слышался по временамъ подобный же протестъ; но „Коше-

лекъ" избралъ эту задачу исключительною своею цѣлью. Самое названіе журнала уже указываетъ на такое его направленіе. „Долженъ бы я (говоритъ издатель) объяснить читателю моему „причину избранія заглавія сего журнала, но сіе теперь оставляю, а впредь усмотритъ онъ сіе изъ *Превращенія русскаго „кошелька во французской*, которое сочиненьице здѣсь помѣщено будетъ". Такого сочиненія не встрѣчаемъ въ настоящемъ „журналѣ; но приведенная сейчасъ замѣтка намекала на введеніе *кошельковъ*, которые привязывались къ парикамъ, и другихъ французскихъ модъ, за что дорогою цѣною расплачивались „*кошельки* русскихъ петиметровъ. Негодуя на превращеніе „нѣкоторыхъ русскихъ *молодчиковъ* во „французскихъ обезьянъ", журналъ Новикова съ горькой ироніей высказываетъ: „О когда бы силы человѣческія возмогли, дабы ко просвѣщенію россіянъ возвратить и прежніе ихъ нравы, погубленные „введеніемъ *кошельковъ* въ употребленіе!" [1])

Послѣ общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами о направленіи журналовъ 1769—1774 годовъ, необходимо указать ихъ критическіе взгляды на современную литературу и искусство сценическое. Отзывы журнальной критики того времени любопытны, какъ выраженіе тогдашнихъ эстетическихъ убѣжденій и потребностей. Съ этой точки зрѣнія не лишены занимательности и споры между журналистами 1769—1770 годовъ; но послѣ, когда число періодическихъ изданій ограничивалось однимъ или двумя, сама-собою исчезла и журнальная полемика.

Имя Вольтера занимало первое мѣсто во всѣхъ европейскихъ литературахъ того времени. Въ журналахъ избранной нами эпохи довольно часто попадаются переводы изъ Вольтера; такъ, напримѣръ, здѣсь встрѣчаемъ: „Мемнонъ или премудрость человѣческая". „Скарментадовы путешествія" и другіе небольшіе разсказы и статьи. Любопытны неблагосклонные отзывы о Вольтерѣ „Адской Почты", которая на страницахъ 187—190 и 273—4 возвышаетъ противъ него обвинительный голосъ. Послѣ Вольтера, самымъ обычнымъ источникомъ для журнальныхъ переводовъ служили элегіи и „Превращенія" Овидія и сочиненія другихъ классическихъ писателей (Тита

[1]) Стр. 47.

Ливія, Сенеки, Горація, Анакреона и Θеофраста). Изъ новѣйшей литературы, между прочимъ, встрѣчаемъ переводы сатиръ Буало, „Юнговыхъ Ночей“, идиллій Геснера и мадамъ Дезульеръ и героидъ („Письмо Константіи къ Θеодосію“ въ „Трудолюбивомъ Муравьѣ“; „Электра къ Оресту“; письмо „Габріеллы де-Вержи къ графинѣ де-Рауль“ въ „Вечерахъ“; „Вивлида къ Кавну“ въ „Старинѣ и Новизнѣ“, и друг.). Пастушеская поэзія была въ большой модѣ въ искусственной литературѣ XVIII-го вѣка; но у насъ, въ эпоху сатирическихъ журналовъ, отличавшихся довольно-строгимъ взглядомъ на жизнь, поэзія эта не возбуждала къ себѣ особеннаго сочувствія. Выше мы видѣли, какъ ловко и остроумно посмѣялся надъ нею „Живописецъ“. На ряду съ яркими описаніями современныхъ нравовъ какъ-то странно читать подобныя *наивныя* стихотворенія, какъ, напримѣръ, это идиллическое обращеніе мадамъ Дезульеръ къ овечкамъ:

Овечки! ни наукъ, ни правилъ вы не зная,
Паситесь въ тишинѣ: не нужно то для васъ;
Хотя мечта намъ льститъ, всѣ мысли восхищая,
Но вы счастливѣе, вы и умнѣе насъ, и проч. [1])

Такое ложное настроеніе тогда же заслужило справедливое осмѣяніе. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ помѣщенной въ первой части „Вечеровъ“—*эклоги*:

Гдѣ снѣги вѣчные и стужи гдѣ несносны,
Терновые кусты растутъ, высоки сосны,
Стояла хижина . . . .
Пастушка тамъ сидитъ, сжавъ руки, на пенёчкѣ,
Въ печальномъ рубищѣ, въ замаранной сорочкѣ.
Пастушка къ высотѣ простерла очи неба,
Вѣщая: „нѣтъ у насъ куска къ обѣду хлѣба;
А ты, невѣрный мой и лютой пастушокъ,
На рынокъ потащилъ съ волвянками мѣшокъ,
Пошелъ и въ хижину ко мнѣ не возвратился:
Конечно, на шинкѣ, невѣрный, очутился
Иль пьяный гдѣ сидишь“ . . . .
(*Возвратясь*) Пастухъ красавицу, по рожѣ гладя, нѣжитъ,
Разсказываетъ всё, краюшку хлѣба рѣжетъ,—
Очистили они и ложки и горшки.
Такъ весело живутъ россійски пастушки! [2])

---

[1]) „Вечера“, ч. II, стр. 100.
[2]) Стр. 169—171.

Въ области русской литературы прославлялись тогда два славныхъ имени: Ломоносовъ и Сумароковъ. Оба талантливые, хотя и не въ равной степени, оба замѣчательные по своему вліянію на общество, по благородству своихъ убѣжденій и энергіи своей дѣятельности, но непримиримые личные враги между собою, они пользовались общимъ уваженіемъ. Журналы съ большими похвалами (иногда преувеличенными) отзываются о сочиненіяхъ Ломоносова и Сумарокова. „Всякая" называетъ ихъ свѣтильниками россійскаго Парнаса [3]; „Трутень" говоритъ, что сочиненіямъ того и другаго будетъ удивляться отдаленное потомство, что Сумароковъ въ басняхъ сравнялся съ Лафонтеномъ, въ эклогахъ—съ Виргиліемъ въ трагедіяхъ—съ Расиномъ и Вольтеромъ, что притчи его останутся навсегда неподражаемымъ образцомъ.

Почесть терновникомъ нельзя прекрасну розу —
Такъ Сумарокова хулить стихи и прозу:
Все плавно, хорошо; онъ первый здѣсь у насъ;
Извѣстна лишь ему дорога на Парнасъ [1]).

Публика, которая обыкновенно любитъ разсуждать и спорить о превосходствѣ писателей, сравнивая Ломоносова и Сумарокова, раздѣлилась на двѣ партіи: одна стояла за лирика, другая за драматическаго писателя. На сторонѣ послѣдней былъ Эминъ. Одинъ изъ бѣсовъ „Адской Почты" разсказываетъ: „Вчерашняго дня обѣдалъ я у нѣкотораго человѣка, любящаго „словесныя науки... Дошло дѣло до россійскихъ лучшихъ стихо-„творцевъ. Перечесть ихъ всѣхъ немного труда стоило, ибо „между хорошими стихотворцами понынѣ были два, которыхъ „сочиненія украшаютъ славу Россіи. Одинъ изъ нихъ обожалъ „Клію, а другой Мельпомену. Оба сіи стихотворцы имѣютъ „свои партіи, безъ которыхъ нынѣ въ свѣтѣ разумнымъ быть „не можно. Теперь и учоность требуетъ разнощиковъ. Ежели „по домамъ о ней кричать не будутъ, то она въ храминѣ своей „сгніетъ. Большая часть гостей прославляла сочиненія лириче-„скія, которыхъ многіе изъ нихъ не разумѣютъ; а меньшая, но „лучшаго вкуса, отдавала первенство *нѣжностямъ*. Одного и

---

[3]) Стр. 75.
[1]) 1769 г., стр. 132, 183, 284.

„другаго стихотворца обожатели такой подняли шумъ, что и я „принужденъ былъ длинныя свои уши заткнуть. Наконецъ „нѣкоторый человѣкъ, въ наукахъ упражняющійся, который „видѣлъ и знаетъ свѣтъ, рѣшилъ ихъ споръ. Онъ такъ говорилъ, „когда его спросили, кто лучшій стихотворецъ: тотъ ли, кто „обожаетъ Клію, или тотъ, который чтитъ Мельпомену?—Я „вамъ, отвѣчалъ М., скажу свою мысль... Рѣшить, кто изъ нихъ „писалъ лучше, весьма трудно, ибо между двумя вещьми хо„рошими совершенное нужно понятіе объ оныхъ, чтобъ опре„дѣлить преимущество одной передъ другою... Кліинъ обожатель „служилъ съ великою славою одной только музѣ, и то въ од„номъ родѣ *одическомъ*, а въ историческомъ хотя и упраж„нялся, но съ весьма малою удачею. Напротивъ того, траги„ческій стихотворецъ служилъ многимъ музамъ съ немалымъ „успѣхомъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ славу отъ однихъ только „одъ, которыми онъ несравненно превосходитъ оды другаго; но „сей вмѣсто того несравненно лучше его писалъ трагедіи; эклo„ги его лучше собственныхъ его трагедій, а басни совершеннѣе „всего разсказаны; слѣдовательно одинъ изъ нихъ въ одномъ „родѣ стихотворства весьма хорошъ, а другой въ двухъ родахъ „съ нимъ въ *хорошествѣ* равенъ, а въ третьемъ превосходитъ „и самаго де-Лафонтена, въ которомъ есть весьма много оши„бокъ въ плавности слога, сему роду весьма нужнаго примѣчен„ныхъ г. Вольтеромъ; а въ басняхъ нашего стихотворца весьма „мало ихъ найти можно... Не хочу я подтверждать написан„наго г. Вольтеромъ, что гораздо славнѣе быть хорошимъ тра„гикомъ, нежели лирикомъ, чтобы такимъ размышленіемъ не „причинить противной сторонѣ досадъ; но сколько мнѣ дозволено, „буду разсуждать самъ для себя о родѣ одъ и трагедій. *Одистъ* „на своей лирѣ говоритъ обыкновенно съ одними героями, а „трагикъ со всѣми человѣками. Одинъ наполняетъ свое сочи„неніе вымыслами, а другой истинными разсужденіями; тотъ „летаетъ по воздуху, по небесамъ, по аду и по всѣмъ горамъ „и долинамъ, а сей въ кругѣ своемъ идетъ прямо; ежели „оглянется назадъ, то только для того, чтобъ путь его былъ „прямъ и отъ средоточія не удаленъ. Одинъ, философію нена„видя, летаетъ почти за атмосферу, а другой оную на землѣ „обожаетъ; тотъ выдумываетъ, чего нѣтъ и чему иногда быть „не можно, а сей и то, что есть, тонкостію своею разбираетъ;

„и ежели теперь больше въ свѣтѣ людей, нежели героевъ, то „смѣю сказать, что трагедія полезнѣе оды... Слѣдовательно та„кому трагику, такому сатирику и такому прекрасному нраво„учителю, какъ г. С. (Сумароковъ), можно скорѣе и больше „сдѣлать людей хорошо мыслящихъ, нежели г. Л. (Ломоносову) „героевъ; а изъ сего и большинство пользы видно". Затѣмъ, „Адская Почта" увѣряетъ, что ода и посредственная можетъ сойти за хорошую, но трагедія посредственности не терпитъ, почему и великіе писатели, принимаясь за этотъ родъ сочиненій, часто испытывали неудачи. Такъ „Шекспиръ, англичанами „обожаемый трагикъ, весьма былъ высокомысленъ, остроуменъ „и учонъ, *но упрямъ и нехорошаго вкуса.* Въ его трагедіяхъ „характеры людей *безъ разбору* описаны и перемѣшаны; въ его „Юліи Кесарѣ шутки, римскимъ грубымъ художникамъ при„личныя введены въ важнѣйшую сцену Брута и Кассія... Г. С. „(Сумароковъ) въ семъ своемъ пути странствовалъ счастливо, „и если находятся въ его трагедіи пороки, то такіе, какихъ и „въ Корнелѣ и Расинѣ есть довольно. Любовь есть общая за„раза театра, безъ которой и славнѣйшіе писатели въ траги„ческихъ своихъ сочиненіяхъ почти обойтись не могли. Расинъ „не могъ того миновать, чтобъ Митридата, Александра и Пора „не представить щеголями любовными, и въ Корнелѣ рѣдко „можно сыскать трагедію безъ такой любви, которая во мно„гихъ мѣстахъ весьма нехорошо описана потому что положена „не у мѣста, ежели что-нибудь сему подобное сыщется въ тра„гедіяхъ г. С. (Сумарокова), тому причиною больше обыкнове„ніе нынѣшняго театра, нежели онъ... Многіе и то г. С. (Сума„рокову) причитываютъ въ порокъ, что онъ въ нѣкоторыхъ „мѣстахъ подражалъ Расину. *Подражаніе есть лучшая сти„хотворства добродѣтель*: Расинъ самъ очень много подражалъ „Еврипиду, а г. Л. (Ломоносовъ) Гинтеру, котораго никакъ съ „Расиномъ ни въ хорошемъ вкусѣ, ни въ возвышеніи мыслей, „ни въ твердости разсужденій сравнять не можно. Я теперь „сказать долженъ, что оды одного, трагедіи, эклоги, а особливо „притчи другаго вѣчнаго почтенія достойны; однако одинъ, „сдѣлавъ больше другаго, у людей безпристрастныхъ имѣетъ „нѣкоторую отличность... Что-же вышло изъ рѣчей М.? То, что „всѣ говорили: виватъ лирикъ; онъ лучшій всѣхъ въ свѣтѣ „стихотворецъ, а С. (Сумароковъ) человѣкъ посредственнаго зна-

„нія: но я почелъ рѣчь М. за справедливую, а особливо по-„тому, что *выхваляемый имъ стихотворецъ великій ему не-„пріятель, вездѣ его ругалъ и ругаетъ, и мало ему несправедливымъ своимъ доношеніемъ жесточайшаго не причинилъ „злоключенія*. М., о всемъ томъ зная и толь много отъ него „претерпя, когда его хвалитъ, кажется, что въ такой похвалѣ „пристрастія быть не можетъ" [1]).

Мы нарочно привели такую длинную выписку. Несмотря на тѣ односторонніе основы, какими тогда, подъ вліяніемъ произведеній французской псевдоклассической школы, руководствовались въ литературномъ судѣ, для насъ важенъ и поучителенъ въ этихъ уже отжившихъ мнѣніяхъ отголосокъ прошлой жизни.

Журнальные отзывы о Тредьяковскомъ мы привели выше. Не столь благосклонны были журналы къ Хераскову. Въ 1769 году издалъ онъ книжку своихъ стихотвореній подъ названіемъ: „Философическія оды, или пѣсни Михайла Хераскова" (печатаны при императорскомъ московскомъ университетѣ, въ 8-ю д. л.), на заглавномъ листѣ которой былъ изображенъ летящій Пегасъ. По поводу этихъ стихотвореній, въ „Смѣси" былъ напечатанъ слѣдующій разговоръ Меркурія съ издателемъ „Смѣси": „я право не знаю говоритъ Меркурій, „для чего Аполлонъ скупится давать Пегаса; онъ нашъ братъ „безсмертной, и никакой стихотворецъ его не изъѣздитъ; од-„нако Аполлонъ очень рѣдкихъ на него сажаетъ. Да кстати „пришло, не хочешь ли посмотрѣть новыхъ пѣсенъ съ изобра-„женіемъ Пегаса?" Издатель: „Я видѣлъ эту книжку, но не знаю, для чего тутъ приплетенъ Пегасъ?" Мерк: „Ты видишь, что Пегасъ сердитъ и сшибъ съ себя сего писателя" [2]).

Журналы 1769 года болѣе всего вооружались противъ дурныхъ переводовъ, искажавшихъ не только красоту формы, но часто и смыслъ подлинника. Одинъ (говоритъ „Смѣсь"), переломавъ Виргиліеву Энеиду и испортя прекрасный слогъ

---

[1]) „Адск. Почта", стр. 265—276. „Курьеръ", стр. 221—238. Въ другомъ письмѣ „Адская Почта" увѣряетъ, что М. выхваляетъ непріязненнаго ему стихотворца не изъ трусости, ибо „М. всегда *дѣло съ нимъ выигрывалъ*" (стр. 277).

[2]) Стр. 163—4.

сего писателя, думаетъ, что заслужилъ безсмертную славу; другой изъ нѣжнаго Овидія сдѣлалъ несноснаго враля; третій превратилъ Анакреона въ глупаго украинца[1]). Говоря объ Овидіи и Виргиліевой Энеидѣ, „Смѣсь", кажется, намекала на переложеніе Майкова и на переводъ Энеиды (Василья Санковскаго), первая часть котораго вышла въ 1769 году[2]). Издатель „Пустомели" также не оставилъ безъ вниманія этого перевода. Распредѣляя музамъ новыя занятія, онъ насмѣшливо совѣтуетъ самому себѣ: „Калліопу сдѣлай приворотникомъ; крушенія всѣ съ „нея оборви, она ихъ нынѣ недостойна; эпическіе стихи вырви „изъ рукъ ея и брось, вмѣсто трубы дай ей рожокъ *и прика-„жи наигрывать повѣсти о троянскихъ витязяхъ*. Если жъ „захочешь ты отвратить посѣщенія, которыя тебѣ, какъ новому „воеводѣ (Парнаса) непременно прочими богами сдѣлаются, то „*прикажи ей читать одну изъ новыхъ піесъ*; она конечно „всѣхъ гостей *рыганьемъ* своимъ отгонитъ, ибо съ нѣкотораго „времени Калліопа стала весьма обжорлива... Славныхъ авторовъ „сдѣлай разнощиками, прикажи имъ по всѣмъ мѣстамъ прода-„вать свои сочиненія и выхвалять ихъ, сколько возможно боль-„ше: имъ къ этому не привыкать... *Виргилію, наклавши пол-„ной мѣшокъ нелѣпыхъ изреченій*, прикажи ходить по рынку „и продавать ихъ повольною цѣною"[3]). Кто-то прислалъ въ „Трутень" эпиграмму на переводчика Энеиды, и она была напечатана.

Въ смущеніи творецъ труды свои читаетъ,
И, зря, что самъ писалъ, того не понимаетъ,
Блѣднѣетъ, сердится, судьбу свою клянетъ
И, губы окусавъ, сивуху съ горя пьетъ;
Потомъ, какъ злой Зевесъ беретъ гремящи стрѣлы,

---

[1]) Стр. 189. Смотри также „И то и сё", недѣля 49-ая. Противъ этого замѣчанія „Смѣси" Чулковъ (въ поэмѣ: „Плачевное паденіе стихотворцевъ") говоритъ, что критикъ не можетъ никому повредить, хотя и желаетъ:

Испорчены, кричитъ, на русскомъ Энеиды
И нынѣ Анакреонтъ — украинецъ, не грекъ,
Но сей премудрый мужъ, учоный человѣкъ
Не только Энеидъ, не смыслитъ и Эвдона,
Понеже онъ у насъ похуже и Прадона.

[2]) „Опытъ истор. словаря Новикова", стр. 201.

[3]) Стр. 17—19.

Онъ въ гнѣвѣ, взявъ перо, разрушитъ всѣ предѣлы,
Начавъ съ россійскимъ здѣсь Виргиліемъ „рыгать“,
Издатель! вотъ все то, что могъ тебѣ сказать.

Переводчикъ, по словамъ „Трутня“, раздраженный этими нападеніями, пожелалъ отмстить свою обиду. „По несчастію „общему всѣхъ читателей, это случилося въ то самое время, „когда онъ издавалъ въ печать книжку своего перевода. Тутъ-„то онъ себя удовлетворилъ; ибо къ „книжкѣ, состоящей ме-„нѣе трехъ листовъ, написалъ на четырехъ листахъ предисло-„віе, въ которомъ пространно утверждалъ, что критикующіе „люди злы... что онъ тѣ критики, яко *неистояробѣснующихся „молодичей, малыми своими душевными добротами и слабо-„блещущими пылинками остраго разума воспроизжелавшихъ „посверкать, соблаговоляетъ уничтожать и презирать.* и „что онъ на нихъ ни единаго не будетъ отвѣтствовать слова: „но забывшись исписалъ цѣлыя четыре страницы“ [1]. „Смѣсь“ „смѣялась и надъ другими странными выраженіями и неправильными оборотами, допущенными переводчикомъ Энеиды.

Она напечатала двѣ бранчивыя статьи, наполненныя разными нелитературными намеками. На пятнадцатомъ листѣ этого изданія сказано: „Клеонъ, превознесенный хвалами, думаетъ о „себѣ, что онъ превосходитъ Пиндара за тѣмъ, что обучался „риторикѣ въ какомъ-то монастырѣ и вытвердилъ наизусть Виргилія. Но не подумай того, читатель, чтобъ онъ писалъ „согласно съ здравымъ разсудкомъ; онъ столько гордъ, что и „разсудокъ презираетъ; ему нѣтъ до него нужды, а надобны „только стопы и рифмы, ибо въ его стихахъ: *музыки ревъ „бодритъ и нѣжитъ духъ; въ предсердіи кипитъ и кровь; „герои всѣ локтьми сверкаютъ, челомъ махаютъ. и духъ его „героямъ плещетъ; надъ мыслей дѣюща понятность* и про-„чее сему подобное“. Эти строки вызвали слѣдующее посланіе, подписанное буквами Н. Н.: „Господинъ сочинитель! Вашъ „15-й листъ заставилъ меня думать, кто таковъ сей вами опи-„суемый стихотворецъ, который реветъ на лирѣ, мычитъ на „трубѣ, а гремитъ на свирѣли, у котораго сердца есть прихо-„жая комната, *предсердіе* называемая, и который видѣлъ свер-„канія локтей, можетъ быть, тогда, когда получалъ оплеухи (!).

[1] 1770 г., стр. 103, 131—2.

„Наконецъ я догадался, *куда вы цѣлите*. Знаете, почему онъ „многими въ разумѣ похваляется? Мнѣ кажется потому, что „у насъ почти всѣ къ новостямъ охотники. У него разумъ „а-ла-грекъ... Нѣкоторый господинъ пуще всего избаловалъ „извѣстнаго вамъ умника, что онъ больше имѣетъ способностей, „нежели славный нашъ лирикъ (Ломоносовъ?). Но я смѣло „скажу, дай Боже, чтобъ сей господинъ могъ порядочно разу„мѣть сего лирика, не только опредѣлять цѣну его знанію и „его атестовать; по моему сходнѣе сказать, что муха ровна со „слономъ, нежели сравнять нескладныя и на удачу писанныя „его сочиненія съ одами славнаго нашего стихотворца. Теперь „пошла мода на кривой толкъ и на самолюбіе. Сей мнимый „умникъ со всѣмъ своимъ невѣжествомъ такъ гордъ, что, *не „успѣвъ сѣсть на скамейку*, *говоритъ*, *что ему давно бы уже „надлежало сидѣть на президентскихъ креслахъ*; но несча„стіе въ томъ, что свѣтъ не знаетъ цѣны его достоинствъ. Одна„кожъ, многіе толкуютъ, что онъ будетъ великій человѣкъ. Онъ „и теперь великій, но къ сему прилагательному существитель„ное имя умалчиваю" [1]). Такъ безцеремонны были прежніе „критики!

„Всячина", „Смѣсь", „Трутень", „Адская Почта" и „Пустомеля" единогласно возставали противъ переводовъ Владиміра Лукина [2]), который въ 1768 году напечаталъ двѣ комедіи, переведенныя имъ съ французскаго: *Тесть и зять* („Depuis et Deronnais" par Collé) и *Разумный вертопрахъ* („Le Sage etourdi", par Boissy). Обѣ пьесы были играны во время масляницы на театрѣ, но приняты публикою неблагосклонно, потому что неточность перевода и неправильное употребленіе нѣкоторыхъ безпрестанно-повторяемыхъ выраженій помѣшали хорошему исполненію ихъ на сценѣ. А. В. Храповицкій прислалъ во „Всячину" отъ имени дѣвицы письмо [3]), въ которомъ, увѣряя, что Колле въ пьесѣ „Тесть и зять" также обезображенъ, какъ Фенелонъ въ Телемахидѣ Тредьяковскаго, онъ смѣется надъ интригою комедіи Лукина и разсказываетъ объ одной

---

[1]) Стр. 119—120, 131—3.

[2]) О Лукинѣ смотри интересную статью г. Пыпина въ „Отечеств. Записк." 1853 г., № 8 и 9.

[3]) „Сумароковъ и современ. ему критика", стр. 255.

своей пріятельницѣ, заболѣвшей во время ея представлені
„Дама эта отъ природы была чрезвычайно чувствительна
„нѣжна. Лишь открыли занавѣсу, она задумалась, и по оконч
„ніи нѣсколькихъ явленій спрашивала, по какимъ театральным
„правиламъ актеры часто кричатъ: *а! а!* и что сіе значит
„также для чего Исидоръ, называя за глаза любовницу сво
„Софьею Менандровною [1]), самой ей всегда говоритъ: *Софья!*
„*Софья! я тебя прямо обожаю.* Комедія передѣлана на нап
„нравы и дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ; однако здѣ
„любовники такъ не говорятъ. Потомъ она жаловалася, ч
„безпрестанныя *а! а!* разломили ей голову. Наконецъ увид
„что Софья Менандровна, представляющая двадцатипяти-лѣтню
„дѣвицу, пошла, заплакавъ о томъ, что хотя вѣрно обѣща
„выдать ее замужъ, но зачѣмъ не выдаютъ въ тотъ самый ден
„она столько сему смѣялась, что подступило къ ней колотье,
„послѣ комедіи привезли ее домой больною. Теперь ей полегч
„и она смѣется плачущему Менандру Васильевичу, которы
„назначивъ свадьбу завтра, говоритъ, что въ исполненіи се
„обѣщанія не ручается, кое, по видимому, сдѣлалъ только д
„окончанія комедіи. Впрочемъ, можно думать, что какъ Исидор
„*прямо обожаетъ* Софью Менандровну, такъ Менандръ Васил
„евичь *прямо* до своей смерти ихъ не обвѣнчаетъ; почему ж
„онъ названъ *прямо* тесть, а Исидоръ *прямо* зять?“ [2]) Дѣйстви
тельно комедія „Тесть и зять“ наполнена безпрерывными во
клицаніями: *а! а!* и неумѣстнымъ повтореніемъ слова: „прямо
Критика того времени почти исключительно обращала вниман
на языкъ и ограничивалась замѣчаніями о неправильности об
ротовъ и выраженій; болѣе-серьёзной цѣли она еще не созна
вала, или сознавала ее весьма слабо. Въ „Трутнѣ“ напечатан
было письмо, въ которомъ ловко пародированы манера и слог
Лукина [3]); въ этомъ же изданіи появились противъ Лукина
Өедора Козельскаго слѣдующіе стихи:

Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ,
Затѣмъ, что твари тѣ и разумъ отвергаютъ;
Ты долженъ сонмище вралей всѣхъ презирать.

---

[1]) Исидоръ, Софья Менандровна и Менандръ Васильевичъ—дѣй ствующія лица въ комедіи: „Тесть и зять“.

[2]) Стр. 44—45, 78.

[3]) 1769 г. стр. 18—27.

Никто не запретитъ бумагу имъ марать.
Разумный вертопрахъ Пантеею[1]) свидѣтель,
Какой имъ даръ писать парнасскій далъ владѣтель;
Но думаютъ они, что всѣхъ тѣмъ веселятъ,
И забываютъ то, что музы не велятъ
Несмысленнымъ творцамъ врать мерзкими стихами...
Л* (Лукинъ) съ своимъ худымъ ты слогомъ и невольнымъ
Читателя зови хоть сто разъ благосклоннымъ
И въ предисловіи хоть въ ноги поклонись[2]),
Иль за сіи слова со мною побранись,
Что худо пишешь ты—всегда скажу я смѣло,
Что *а!* на мѣсто *ахъ!* успѣха не имѣло,
Что *какъ-ли-ни*[3]) твоихъ нигдѣ не напишу
И противъ истины во вѣкъ не погрѣшу[4]).

„Смѣсь" съ насмѣшливою откровенностью увѣряетъ, что въ обѣихъ комедіяхъ Лукина много пустыхъ словъ и въ награду за то очень мало смысла, что „sage etourdi" обратился у него изъ разумнаго повѣсы въ несноснаго враля, что трагедія Козельскаго „самая несчастная". что въ ней нельзя похвалить ни единаго стиха и что, наконецъ, самъ авторъ едва-ли ѣзжалъ на Пегасѣ[5]).

„Адская Почта" напечатала такой разсказъ объ одномъ сочинителѣ комедіи, въ которомъ видно намѣреніе представить Лукина. „Онъ (говоритъ „Почта") бранитъ всѣхъ комедіантовъ, утверждая, что они портятъ комедіи, не представляя оныя такъ, какъ надобно. Ему съ нимъ разговаривающій сказалъ, что наши комедіанты въ томъ невиноваты, что имъ дурнаго сочиненія хорошимъ представить не можно, что здѣшніе нѣкоторые актеры и актрисы дѣлаютъ честь нашему театру и что, конечно, онъ за то ихъ возненавидѣлъ, что здѣшній весьма хорошій актеръ (Дмитревскій), съѣздивъ въ Парижъ, пріѣхалъ еще лучшимъ, а онъ, будучи неудачливымъ сочинителемъ *возвратился изъ Парижа*[6]) худшимъ авторомъ, нежели какъ былъ

---

[1]) Пантея, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Ѳ. Козельскаго. Спб. 1769 г. Новиковъ отзывается объ этой пьесѣ неблагосклонно.

[2]) Намёкъ на длинныя предисловія къ комедіямъ, изданнымъ Лукинымъ.

[3]) Выраженіе, часто встрѣчаемое въ комедіяхъ Лукина.

[4]) 1769 г. стр. 132—3.

[5]) Стр. 69, 163—4.

[6]) См. статью Пыпина въ „Отеч. Зап." 1853 г., № 8, стр. 65—66.

„прежде. Ты лжешь, съ гнѣвомъ отвѣчалъ сей авторъ, у ме
„есть піеса, которую и Мольеръ бы похвалилъ, или бы е
„оной позавидовалъ, если бы былъ живъ... Потомъ, вынувъ и
„кармана свое сочиненіе, съ такимъ восхищеніемъ, шумом
„крикомъ, бѣшенствомъ, воздыханіемъ и хохотаніемъ оное ч
„талъ, что, если бы то было въ Англіи, то посадили бы его
„шальной домъ. Прочетши нѣсколько явленій, привелъ въ
„ликій смѣхъ съ нимъ спорящаго. Тогда сей авторъ сказалъ см
„ющемуся: ты глупъ, ничего не смыслишь, вкуса въ театрѣ
„знаешь, сочинять не умѣешь, театральныя правила тебѣ
„извѣстны. Соперникъ его, видя, что такой чрезвычайный жа
„требуетъ охлажденія, вылилъ ему въ глаза стаканъ вод
„Недавно нѣкоторый сочинитель мало не покритиковалъ
„доброю великороссійскою пощечиною за то, что бранилъ п
„людяхъ того, у котораго сей сочинитель въ повелѣніи".
Трудно повѣрить въ наше время возможности подобны
сценъ; но если въ литературѣ допускались брань и личнос
нарушавшія всѣ приличія, то до чего могло довести раздраж
ное самолюбіе писателей, при ихъ враждебныхъ встрѣчахъ
обществѣ?

Въ защиту Лукина „Всячина" стала, вопреки Храпов
кому, утверждать, что при тогдашнемъ состояніи просвѣще
гораздо полезнѣе поощрять литераторовъ и переводчиковъ, не
ли строго критиковать ихъ, и что ради двухъ или трехъ
привычныхъ выраженій нельзя признать весь переводъ д
нымъ [2]). Эта апологія вызвала возраженіе Сумарокова (въ ж
налѣ „И то и сё"), который, какъ извѣстно, сильно не лади
съ Лукинымъ; онъ настаивалъ на той мысли, что труднѣе кр
тиковать со вкусомъ, нежели сочинять безъ всякого вкуса
что просвѣщеніе у насъ вовсе не въ такомъ печальномъ по
женіи, какъ думаетъ господинъ защитникъ; ибо Ѳеофано
проповѣди, похвальное слово императрицѣ Елизаветѣ и нѣ
рыя строфы Ломоносова, проповѣди псковскаго и тверск
архіереевъ и троицкаго архимандрита не показываютъ „парн
скаго младенчества въ Россіи", и одобреніе худымъ писа
лямъ, хотя бы и молодымъ, не нужно; въ комедіяхъ же Лу

---

[1]) Стр. 155—7.

[2]) „Всякая Всячина", стр. 46

а погрѣшности не мелкія, а самыя крупныя и непроститель-ныя.

Но этимъ не кончились литературныя истязанія Лукина; насмѣшки надъ нимъ продолжались и въ 1770 году. Издатель „Пустомели“, осмѣивая современныя трагедіи и комедіи Лукина, совѣтуетъ такъ распорядиться съ музами: „Плаксивую Мельпомену одень въ платье изъ трагическихъ листовъ; въ одну руку дай ей чернильницу съ перомъ вмѣсто кинжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и безпрестанно кричать: *ахъ, увы, погибло все!...* Талію—о! эту насмѣшницу надобно хорошенько помучить; до сего времени она всѣхъ осмѣивала, но ты сдѣлай такъ, чтобы всѣ на нее глядя смѣялись. Платье сшей ей гаерское, въ руку вмѣсто маски дай ей вызолоченный пузырь съ горохомъ и *заставь читать Л*** (Лукина) *комедіи*, которыхъ она терпѣть не можетъ и которыя ее, конечно, измучатъ“. Въ другомъ мѣстѣ издатель „Пустомели“ дѣлаетъ такой отзывъ о произведеніяхъ Лукина: „Если когда-нибудь тебѣ, читатель, случилося быть въ бесѣдѣ съ пустомелею, который безпрестанно болтаетъ, а самъ никого не слушаетъ, или... наконецъ, со стихотворцемъ, который ровняетъ себя со славными россійскими писателями и говоритъ только о чищеніи россійскаго языка, похвалу себѣ и хулу другимъ, и которое чищеніе разумные люди называютъ порчею россійскаго, безъ порчи прекраснаго нарѣчія, итакъ если господинъ читатель съ сими людьми когда-нибудь бывалъ, такъ ты знаешь: каковы они несносны. Таковъ-то несносенъ былъ я самъ себѣ (задумавъ трудное предпріятіе издавать журналъ), или еще столько, *сколько несносны Таліи Л*** (Лукина) *комедіи*“ [1]).

Чулковъ, нападая на дурныхъ переводчиковъ, въ то-же время замѣчалъ, что появилась мода выдавать переводы за сочиненія оригинальныя; писатели болѣе думаютъ о минутномъ успѣхѣ, нежели о дѣйствительной славѣ; „они таскаютъ изъ разныхъ сочиненій и, выдавая оныя подъ своимъ именемъ, ни мало не страшатся быть уличены въ похищеніи чужаго добра“ [2]).

---

[1]) Стр. 13—17, 90—91.
[2]) Недѣля 5, 41.

Въ избранную нами эпоху драматическія произведені составлявшія репертуаръ столичныхъ театровъ, большею части были переводныя или передѣланныя съ французскаго язы вездѣ было подражаніе произведеніямъ такъ-называемой псе доклассической школы и весьма мало оригинальности: герои героини трагедій сопровождались непремѣнными наперсника и наперсницами; въ комедіяхъ пронырливые и бойкіе слуги служанки разсуждали, острили и заправляли всѣмъ дѣйствіе съ истинно-французскою свободою: всѣ условные сценичес пріемы соблюдались строго. Особенною славою въ это врем пользовались драматическія сочиненія Сумарокова и сценич скій талантъ актера Дмитревскаго, который игрою своею исто галъ общую дань удивленія. „Смѣсь" говоритъ о немъ, какъ первомъ русскомъ артистѣ, достойномъ соперникѣ Гарика Лекеня: къ этому она присоединяетъ, что Дмитревскій въ тр гедіяхъ не только равнялся по таланту своему съ Лекенемъ, даже превосходилъ его силою любовной страсти, въ чемъ буд признавались и сами французы Чтобъ сдѣлаться Дмитревским надо (по словамъ „Смѣси") родиться актеромъ; когда онъ я лялся въ роли Мизантропа, то, глядя на его игру, ни о чем болѣе нельзя было думать, какъ только о Мизантропѣ. Въ чес Дмитревскаго въ этомъ журналѣ напечатано слѣдующее четвер стишіе:

Dmitrewsky, des talens possédant l'avantage,
Eléve son théâtre dont il fais tout l'honneur:
Comme Garick ou Le-Kaln, il charme et parle au coeur,
Et du français surpris enléve le suffrage [1])

„Пустомеля" сообщаетъ любопытныя для насъ указан объ игрѣ Дмитревскаго и Троепольской, которыя и передаем здѣсь вполнѣ:

Въ іюньскомъ выпускѣ: „*Изъ Москвы*. Г. Д***, акте „придворнаго россійскаго театра, пріѣхавъ къ намъ, столь „надѣлалъ шуму, что во всемъ городѣ только и разговоро „что о немъ; и подлинно московскіе жители увидѣли въ нем „славнаго актера. Онъ игралъ въ *Семирѣ*—Оскольда и всѣх „зрителей плѣнилъ; въ *Евгеніи* комедіи—графа Кларандон „искусство, съ какимъ онъ сей роль представлялъ, принудил

---

[1]) Стр. 23, 55—56.

„зрителей оную комедію просить еще три раза, въ чемъ они „были удовольствованы, и въ каждое представленіе въ новое „приходили восхищеніе; казалось, будто искуство г. Д*** по „степенямъ еще больше возрастало. Надобно отдать справедли-„вую похвалу и господину переводчику сей комедіи; ибо онъ „всѣ красоты, находящіеся въ подлинникѣ, сохранилъ и на „россійскомъ языкѣ. Г. Д*** игралъ еще *Вышеслава* и *Ревни-„ваго* съ равномѣрною же отъ всѣхъ похвалою, а еще ожидаютъ „представленія *Хорева* и *Беверлея*. Зрители собиралися въ „театръ въ такомъ множествѣ, что многіе, по причинѣ великой „тѣсноты, не могли получать билетовъ, если хотя мало опазды-„вали. Наконецъ, должно сіе заключить тѣмъ, что г. Д*** мос-„ковскихъ жителей удивилъ, привелъ въ восхищеніе и заста-„вилъ о себѣ говорить по малой мѣрѣ два мѣсяца [1]).

Въ іюльскомъ выпускѣ: „*Въ Санктпетербургѣ.* Недавно „здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ представлена „была *Синавъ и Труворъ*—трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія „играна была по переправленному вновь господиномъ авторомъ „подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго автора „сочиненій; они такъ хороши, что кто только ихъ читалъ и кто „имѣетъ разумъ, то всѣ ему, отдавая справедливую похвалу, „удивляются... Чтожъ касается до актеровъ, представлявшихъ „сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливось, что г. *Дми-„тревскій* и г-жа *Троепольская* привели зрителей въ удивле-„ніе. Нынѣ ужь въ Петербургѣ неудивительны ни Гарики, ни „Лекены, ни Госсенши. Пріѣзжающіе вновь французскіе актеры „и актрисы то подтверждаютъ. Со всѣмъ тѣмъ нельзя пропу-„стить, чтобы не замѣтить слабость и пристрастіе къ францу-„замъ *одного господина*, который во время представленія сей „трагедіи, когда г. Д. и г-жа Т. зрителей искусствомъ своимъ „восхищали, онъ воздыхаючи сказалъ: *жаль, что они не „французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣд-*

---

[1]) Стр. 49—51. „Семира", „Вышеславъ" и „Хоревъ" трагедіи А. Сумарокова; „Ревнивый, изъ заблужденія выведенный", комедія Кампистрона, переведенная съ французскаго въ 1764 г. М. „Беверлей" трагедія, переведенная И. Дмитревскимъ; „Евгенія" (comedie или drame larmoyante), соч. Бомарше, перев. въ 1770 г. Ник. Пушниковымъ. Представленія „Евгеніи" было причиной неудовольствіи Сумарокова съ московскою публикою.

„*кими въ своемъ искусствѣ.* Черезъ нѣсколько дней, когд
„представлена была французская піеса, то сей господинъ н
„могъ выдержать ни чрезмѣрной радости и восхищенія ни так
„же чрезмѣрнаго и смѣшнаго своего пристрастія, дѣлая похва
„лу французскимъ актерамъ, и хотя комедія играна была смѣш
„ная, однакожъ онъ собою гораздо больше дѣлалъ смѣха [1]).

По свидѣтельству повѣсти, помѣщенной въ „Пустомелѣ" на театрѣ чаще всего представляемы были: „Привидѣніе съ барабаномъ, или пророчествующій женатый" (переводъ съ французскаго А. Нартова); „Новопріѣзжіе" (соч. Леграна, переводъ А. Волкова, М. 1759 г.); комедіи Мольера: „Скапиновы обманы", „Лѣкарь по неволѣ", „Жоржъ Дандинъ", „Мнимый рогоносецъ", „Принужденная женитьба" и *подобныя симъ смѣшныя* комедіи [2]). Такимъ образомъ театръ держался передѣлками с французскаго, Мольеромъ и піесами Сумарокова.

Таковъ былъ взглядъ современниковъ на Дмитревскаго, но трудно сказать, на сколько было справедливо это увлеченіе и эти похвалы. XVIII-й вѣкъ вносилъ такъ много условнаго въ свои сужденія объ искусствѣ! Пѣвучая декломація и заученыя торжественныя позы и жесты могли для зрителей того времени замѣнять живую и всегда простую природу. Сохранились преданія, что Дмитревскій, умный, вѣжливый и тонкій придворный, вовсе не былъ превосходнымъ актеромъ, не любилъ естественности и не обладалъ сильными чувствами [3]). Но тогда иначе смотрѣли и на драму, и на сценическое искусство, и на Дмитревскаго.

Публикою и поведеніемъ ея въ театрѣ, журналы вообще не совсемъ были довольны. „Всячина" печатно жаловалась на тѣхъ, которые, проповѣдуя о тишинѣ французскаго театра, мѣшаютъ слушать въ русскомъ и не даютъ внимательно слѣдить за превосходною игрою Дмитревскаго (въ трагедіи „Синавъ"). Наши дворяне, замѣчаетъ „Всячина", и большая часть молодыхъ людей обыкновенно увѣряютъ, что они великіе охотники д

---

[1]) Стр. 109.—110.

[2]) Стр. 32—33. О театрѣ и тогдашнихъ актерахъ: Дмитревском, Шумскомъ, Поповѣ и Михайловой сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія Лук[...]нымъ въ предисловіяхъ къ его комедіямъ.

[3]) „Москвитянинъ" 1853 г., № 3 (Дневн. студента), и „Комета", альманахъ 1851 г. (второй разсказъ г. Щепкина).

театральныхъ представленій, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. „Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣливостію дожидаются „дѣйствія. Но какое имѣютъ они при томъ намѣреніе? Чтобы „примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, ими „представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ „спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. „Какъ Дмитревскій, ле-Сажъ, или Трепольская, Мартеньша „и проч. одѣты были, ихъ голоса, движеніе, осанка — составляютъ „предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая „страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого, Гарпагонова гнусная скупость, Магометово злодѣйство и ложью „ослѣпленное суевѣріе, ополчающія руки чадъ на родителя, „исправленіе мота [1]), словомъ, всѣ сіи живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ „благородныя чувства, исправляющіе наши нравы... предаются „молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные принуждаютъ себя казаться „знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ и любителями „оныхъ и говорятъ, что балетъ только отъ скуки смотрятъ; но „со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничто имъ больше онаго не „нравится" [2]). Въ „Вечерахъ" было помѣщено письмо такого „содержанія: „Господа издатели! усерднѣйше прошу васъ дать „пристойно восчувствовать нашимъ согражданамъ, въ чемъ состоитъ цѣль въ установленіи театровъ, и что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздятъ, чтобъ слушать, а не „только глядѣть, или себя казать и смотрѣть другихъ, и что „благоразумное воспитаніи учитъ въ собраніяхъ, гдѣ чего-бы-то „ни было и какое-либо сообщество собралось слушать, если

[1]) „Синавъ" трагедія Сумарокова; „Гарпагонъ" (Скупой), комед. Мольера; „Магометъ", траг. Вольтера; „Мотъ, любовью исправленный", комедія Лукина, имѣвшая значительный успѣхъ на сценѣ: ибо авторъ, по свидѣтельству Новикова („Опытъ истор. словаря", стр. 131), вывелъ „два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искусным и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками, тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма много смѣшили".

[2]) Стр. 120, 420—423.

„сам не слушать не хочешь, то другимъ не мѣшать. Мнѣ слу„чилось быть въ театрѣ, когда русскаго „Беверлея“ представляли; истинно съ крайнею прискорбностью слышала: во первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, другія кушали, „наконецъ въ театрѣ хохотали, на что, конечно, другой причины „тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которою, по ихъ мнѣнію, надлежитъ смѣяться... Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ „дѣлѣ только глазами, а не слухомъ вниманіе имѣть должно, „то есть въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и „та неутѣшная мысль, что намъ предъ чужестранными и тѣмъ „извиниться не можно, что парадисъ, или въ другихъ мѣстахъ „партеръ, всякого состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ „наполняется, потому что въ императорской театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы „суть одни въ немъ зрители“ [1]). Сумароковъ жаловался на московскую публику, что она съѣзжается въ театръ грызть орѣхи и кричать [2]), а Лукинъ—на петербургскую, которая во время представленій (по его словамъ) сморкается, разговариваетъ и шумитъ.

Переводы и передѣлки французскихъ драматическихъ произведеній, выводившихъ на сцену болѣе или менѣе чуждые намъ нравы и обыкновенія, не могли удовлетворять людей съ сколько-нибудь вѣрнымъ эстетическимъ тактомъ. Лукинъ, извѣстный своими передѣлками съ французскаго, уже самъ чувствовалъ недостаточность подобныхъ подражаній; въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ онъ высказываетъ мысль о необходимости дать комедіи болѣе самобытное, народное значеніе. „Мнѣ (говоритъ онъ) всегда несвойственно казалось слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ „изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять *не столько общіе „всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки...* „Многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ „никакого поправленія; они мыслятъ, что не ихъ, а чужеземцевъ осмѣиваютъ“. Лукинъ удивляется, что дѣйствующія лица

[1]) Ч. 2, стр. 67—68.

[2]) „Полн. собр. сочин. Сумарокова“, ч. VII, стр. 352.

драматическихъ пьесъ изъясняется не въ нашихъ нравахъ, одѣваются въ незнакомыя намъ одежды; что въ комедіяхъ являются нотаріусы для заключенія неизвѣстнаго у насъ брачнаго контракта; что слуги и служанки, выводимые на сцену, болѣе похожи на нашихъ петиметровъ и свѣтскихъ дамъ, нежели на слугъ [1]).

Потребность въ народномъ театрѣ живо ощущалась и открыто высказывалась въ тогдашнихъ журналахъ, выступившихъ на защиту русской національности противъ односторонности и крайностей французскаго вліянія. „Я думаю, замѣчаетъ „Всячина", что не въ однихъ книгахъ должно держаться правила, „*чтобъ русскимъ представлять русскія умоначертанія*, но „и въ позорищахъ; ибо маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а къ свадебному контракту тетушка моя и смысла не „привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечастно окру„жаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости „не столь забавны, какъ знакомые" [2]). „Кошелекъ" убѣждалъ, что даваемыя на сценѣ де-Тушевы и другія комедіи мало принесутъ пользы и что на театрѣ народномъ необходимо должны быть представляемы такія пьесы, „которыя бы главною своею цѣлью имѣли *народную забаву*" [3]). Трагедіи псевдоклассической школы также не могли постоянно и всѣмъ нравиться; видѣть человѣка, по выраженію одного журнала, въ старинномъ римскомъ кафтанѣ, во французской шляпѣ и въ русскихъ лаптяхъ на босую ногу—смѣшно, а не трогательно [4]).

При такомъ настроеніи образованнаго общества въ пользу народнаго театра, комедіи фонъ-Визина и императрицы Екатерины II-й должны были вызвать, и дѣйствительно вызвали большое сочувствіе и имѣли огромный успѣхъ. „Трутень", „Адская Почта" и „Пустомеля" встрѣтили единодушными похвальными отзывами литературные труды фон-Визина. „У насъ „теперь въ городѣ довольно хорошихъ сочиненій, сказано въ

---

[1]) „Переводы и сочин. В. Лукина", ч. 2 (предисловіе къ „Награжд. постоянству").

[2]) Стр. 552.

[3]) Стр. 81—82.

[4]) „И то и сё, недѣля 49-ая

„Почтѣ. Читалъ я театральныя сочиненія Н.[1]) и В. (фонъ-„Визина); въ одномъ изъ нихъ больше интриги и правоучительныхъ разсужденій, а въ другомъ—острыхъ словъ и прекрасныхъ шутокъ; одинъ изъ нихъ писалъ больше на вкусъ Дидеротовъ, а другой на Мольеровъ; въ обоихъ сихъ сочиненіяхъ „рѣдкости (не хочу сказать невозможности)—у одного въ добродѣтели, а у другаго въ порокахъ; однако обоихъ сочиненія немалой похвалы достойны... Немногіе здѣсь имѣютъ дарованіе „такъ хорошо шутить, какъ В.“ [2]). Въ „Трутнѣ“ 1769 года находимъ такое извѣстіе: „Здѣсь (на Парнасѣ) все въ великомъ „замѣшательствѣ: славные стихотворцы, обезображенные худыми „переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о „заступленіи. Всѣ музы, прославленныя въ Россіи г. С (Сумароковымъ), приходили къ своему отцу и со слезами жаловалися „на дерзновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе сдѣлалось безъ его позволенія... и показалъ „Таліи новую русскую комедію ***, сочиненную молодымъ писателемъ. (Рѣчь, вѣроятно, идетъ о „Бригадирѣ“). Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенный свой веселой „видъ, и сказала Аполлону, что она сего автора съ удовольствіемъ признаетъ законнымъ своимъ сыномъ. Она записала „его имя въ памятную книжку, въ число своихъ любимцевъ„ [3])

Но особенно-любопытенъ отзывъ о фон-Визинѣ, напечатанный въ видѣ примѣчанія къ его *Посланію къ слугамъ*, въ іюльскомъ выпускѣ „Пустомели“. Вотъ это интересное примѣчаніе:

„Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о „имени автора сего „Посланія“; перо, писавшее сіе, россійскому „ученому свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки довольно „извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненія носятся „по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ

---

[1]) Не должно ли здѣсь разумѣть С. В. Нарышкина, который сочинилъ комедію: „Истинное дружество“ во вкусѣ Дидеротовомъ? (Смотр. „Опытъ историч. слов.“, стр. 147.) Комедія эта въ свое время заслужила многія похвалы.

[2]) Стр. 277.

[3]) Стр. 138—9, 184.

„и похваляются сколько за ясность и чистоту слога, столько за „остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія; „словомъ, если обстоятельства автору сему позволятъ упражнять- „ся въ словесныхъ наукахъ, то не безъосновательно и справедли- „во многіе ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Буало. Его „комедія*** столько по справедливости разумными и знающими „людьми была похваляема, что лучшаго и Мольеръ во Франціи „своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умол- „чу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благо- „разуміемъ на нихъ наложеннаго" [1]).

Еще полнѣе и откровеннѣе высказалъ издатель журнала „Трутень" свое теплое сочувствіе и благородное уваженіе къ прекрасной комедіи, сочиненной императрицею Екатериною Великою, подъ заглавіемъ: „О, время!" Посвящая своего „Живописца" *неизвѣстному сочинителю комедіи*: „*О, время!*" Новиковъ говоритъ:

„Государь мой! я не знаю кто вы; но вѣдаю только то, „что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія *О, время*! троекратно представлена была на „императорскомъ придворномъ театрѣ, и троекратно постепенно „умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ „не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедію точно въ „нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и остро- „тою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удо- „вольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію на- „пали на пороки, въ Россіи господствовавшіе, и вы первый „достойны по справедливости великія похвалы, въ представле- „ніе вашей комедіи оказанныя. Продолжайте, государь мой, къ „славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удоволь- „ствію единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять „себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ „Мольеровымъ. Слѣдуйте-жъ его примѣру: взгляните безпри- „страстнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, „злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете „толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите,

---

[1]) Стр. 104—5. Этими свѣдѣніями, къ сожалѣнію, никто изъ писавшихъ о фонъ-Визинѣ не пользовался.

„какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось. „Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе, не взирайте „на лица; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго до„стоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя „осмѣиваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ „имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только еди„ной перомъ вашимъ угнетаются; а превосходительство, удручен„ное пороками, въ первой разъ въ жизни своей восчувствуетъ „равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, „что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется „въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы „свое имя, имя—всеобщія достойное благодарности? я никакія „не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя тольжестоко „пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ „злословія?—Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть „мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная „смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда, ко счастію „Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ „нами премудрая Екатерина?... Но можетъ быть особенныя при„чины принуждаютъ васъ укрывать свое имя; ежели такъ, то „не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда оста„нется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе мое къ вамъ никогда „не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ припи„санію вамъ журнала, подъ названіемъ „Живописца". Примите, „государь мой, сей знакъ благодарности отъ единоземца вашего" [1]).

Государыня отвѣчала слѣдующимъ посланіемъ, напечатаннымъ на листахъ „Живописца":

„Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная „мною комедія; *О, время*! такой имѣла успѣхъ, каковымъ вы „меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, „которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ „сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи [2]) во „время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ „я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ соб-

---

[1]) Ч. I, стр. 3—7 (1-го изд.)

[2]) Императрица Екатерина II написала въ бытность свою въ 1772 году въ Ярославлѣ три комедіи: „О, время!", „Имянины госпожи Ворчалкиной" и „Госпожа Вѣстникова съ семьею". „Живописецъ" (ibid.

„ственной моей семьи; слѣдовательно не выходя изъ дому своего, „нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища [1]) „довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для та„кого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я ника„кихъ ни требованій, ни желаній не имѣю. Пишу для собствен„ной своей забавы, и если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ „успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я „тѣмъ весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, „что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя „праздность, отъ писанія и не воздержуся, однакожъ выдавать „ихъ болѣ не стану. Имени своего я не скрываю, но и не на„пишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ „заглавіи комедіи, что для меня самого было бы комедіею; а при„были въ томъ никому нѣтъ—Карпомъ ли, или Сидоромъ меня „зовутъ. Итакъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь „нѣкоторое примѣчаніе на недавно-сочиненную мною комедію, „названную *Имянины госпожи Ворчалкиной*. Дошло до меня, „что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что г. „*Фирлифюшковъ* за безстыдное словонесдержаніе наказанъ пал„кою. Говорятъ они, что какъ дескать *дворянина* за безчестное „дѣло бить палкою? Я не стану приводить здѣсь бывало ль „такое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять „поступокъ *Геркулова* [2]). Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ „общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сослав„шись на самое уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, „чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются". Письмо это подписано такъ: „вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи: О, время!" [3])

„стр. 45—46) напечаталъ извѣстіе изъ Ярославля: „Въ нашемъ городѣ „сочиненныя комедіи представляются въ С. Петербургѣ на придворномъ „россійскомъ театрѣ, принимаются съ превеликою похвалою и почи„таются лучшими комедіями въ россійскомъ театрѣ. И мы можемъ хва„литься, что Ярославль первый изъ городовъ россійскихъ обогатилъ рус„ской театръ тремя комедіями въ нашихъ нравахъ".

[1]) Своею семьею Екатерина Великая называла всю Русь.

[2]) Фирлифюшковъ и Геркуловъ— дѣйствующія лица въ комедіи „Имянины г-жи Ворчалкиной". Фирлифюшковъ—пустой и легкомысленный франтъ, выросшій подъ вліяніемъ поверхностнаго французскаго воспитанія. Геркуловъ бьетъ палкою Фирлифюшкова на сценѣ за неплатежъ долга.

[3]) Ч. I., стр. 49—51 (1-го изд.)

Такъ защищала Екатерина Великая свои произведенія отъ неудачныхъ критическихъ замѣчаній, какія позволяли себѣ высказывать близорукіе представители тогдашняго моднаго свѣта. Одностороннія мнѣнія современныхъ петиметровъ и щеголихъ, приверженцевъ французской литературы, ловко осмѣялъ „Живописецъ“ въ своихъ сатирическихъ письмахъ. Въ одномъ письмѣ слышится такой голосъ: „всѣ похвалы давно уже истощены не знаю какому-то сочинителю комедій: *О время. Имянинъ. Вѣстниковой*—сносно ли это! Я бѣшусь и прихожу въ отчаяніе! вотъ до чего мы дожили, вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: русской, русской... Какая глупость! Французской театръ постарѣе нашего; такъ намъ ли принятое ими перемѣнять?“ [1])

Требуя отъ драматическихъ произведеній народности, журналы 1769—1774 годовъ, вѣрные своему сатирическому направленію, желали, чтобъ комедія выставляла на общій смѣхъ дѣйствительные недостатки и пороки общества, чтобы она была вѣрною картиною современныхъ нравовъ и чтобъ нападала на все пошлое и лишенное нравственныхъ основъ, не щадя даже и тѣхъ людей, которые почтены чинами и которымъ нужда велитъ кланяться. Такая комедія должна была затронуть многихъ, сознававшихъ за собой различныя слабости. „Важный Менандръ, говоритъ „Смѣсь“, презираетъ всѣ театральныя зрѣлища, говоря, что они служатъ только къ развращенію разума несмысленныхъ людей. Иной подумаетъ, что онъ углубился въ высокія науки; напротивъ, онъ цѣлый день сидитъ подъ окномъ, смотритъ на проѣзжихъ, ловитъ мухъ и играетъ съ своею собакою“ [2])

Прежде, нежели представимъ содержаніе журнальной сатиры, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнихъ формахъ сатирическихъ статей, наполнявшихъ собою періодическія изданія. Формы эти были довольно однообразны. Самою обыкновенною и любимою формою было *письмо*. Отъ имени неизвѣстныхъ или вымышленныхъ лицъ печатались въ журналахъ къ ихъ издателямъ письма, въ которыхъ мнимые авторы, оправдывая свои

---

[1]) Изд. 1-ое ч I, стр. 167.

[2]) Стр. 117—8.

односторонния и достойныя осмѣянія мнѣнія или несправедливые и безнравственные поступки, какъ-будто ненарочно, но ярко обнаруживаютъ ихъ смѣшную и вредную стороны. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ написаны перомъ мастерскимъ, съ соблюденіемъ вѣрнаго художническаго такта; таковы помѣщенныя въ „Живописцѣ" и „Трутнѣ" письма къ Ѳалалею отъ его отца, матери и дяди, отписки крестьянъ къ помѣщику, и другія, живо напоминающія манеру и остроуміе фонъ-Визина въ его сатирическихъ письмахъ [1]). Здѣсь нѣтъ тѣхъ преувеличеній, которыми такъ легко могутъ увлекаться сатирики и которыя замѣтны въ другихъ журнальныхъ статьяхъ того времени; напротивъ, все дышетъ неподдѣльною естественностью. Невѣжество, суевѣріе и порокъ разоблачаютъ себя съ необыкновенною наивностью, сами того не подозрѣвая. Иногда неизвѣстные сочинители писемъ прибѣгали къ издателю журнала за совѣтами, и тотъ, давая отвѣты, пользовался случаемъ посмѣяться и дать наставленіе. Въ „Вечерахъ" были напечатаны три сатирическія письма съ Сатурна; авторъ описываетъ однако землю и земныя страсти и увлеченія, хотя и прикрываетъ свои намёки именемъ другой планеты. Набрасывать такой кажущійся покровъ на свои сатирическія описанія было тогда въ модѣ. Рисуя темныя стороны дѣйствительной жизни, любили выставлять ихъ на-показъ подъ чуждыми именами лицъ и мѣстностей, или придавать имъ фантастической характеръ: появились *восточныя повѣсти, волшебныя сказки, разговоры въ царствѣ мертвыхъ, разсказы о видѣнномъ во снѣ*; Эминъ даже заставилъ переписываться бѣсовъ. Но всѣ знали, куда мѣтили эти восточныя повѣсти и волшебныя сказки; всѣ легко догадывались, что видѣнное во снѣ весьма часто случалось на-яву, въ обыкновенной жизни; а въ царствѣ мертвыхъ разговариваютъ о слабостяхъ, свойственныхъ живымъ людямъ; таковы разговоры: между рогоносцемъ и соблазнителемъ, скупымъ и должникомъ, и другіе.

Сатирическія *вѣдомости* также были одною изъ наиболѣе употребительныхъ формъ въ нашихъ журналахъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ, подъ рубриками извѣстій изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, подрядовъ, поставокъ, объявленій о куплѣ и прода-

---

[1]) Письмо Взяткина къ покойному его превосходительству, письма Дурыкина, и др.

жѣ. различныхъ вызововъ и проч. печатались злыя насмѣшки надъ взяточничествомъ приказныхъ и судей, волокитствомъ и мотовствомъ щеголихъ и франтовъ, жестокостью господъ, суевѣріемъ и невѣжествомъ противниковъ просвѣщенія. Въ форм этой однако замѣчается искусственность, условливаемая несбы точностью многихъ торговыхъ и другихъ сдѣлокъ, о которых публикуютъ вѣдомости: здѣсь судья продаетъ за ненадобность свою совѣсть, а тамъ какому-нибудь спѣсивцу понадобилос нѣсколько пудовъ здраваго смысла! Такая искусственность, которая отчасти лишала сатиру ея мѣткости, неразлучна и с другими формами журнальныхъ статей, съ такъ называемым сатирическими *портретами* или *картинами*, изображающим разные порочные характеры, и сатирическимъ *лѣчебникомъ* въ которомъ описывались нравственные недуги и цѣлебны противъ нихъ лѣкарства, напримѣръ: „*Глупомыслъ* желает „невозможнаго и для него вреднаго. Сіе произошло отъ худых „мокротъ, усилившихся въ немъ при его воспитаніи. Для очи „щенія его отъ сихъ мокротъ, надлежитъ ему привить *благо „разуміе*, такъ-какъ оно обыкновенно прививается въ сухопут „номъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ“ [1]).

Кромѣ указанныхъ формъ, въ журналахъ встрѣчаемъ еще *вопросы и отвѣты* и сатирическій *словарь*. Вопросы и отвѣты—форма, замѣчательная въ нашей литературѣ, потому чт ею воспользовался фонъ-Визинъ, обратившійся съ любопытным вопросами къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ журналахъ „И то и сё“ и „Трудолюбивая Пчела“ был помѣщены извлеченія изъ сатирическаго словаря Рабенера Словарь этотъ объясняетъ слова въ томъ переносномъ смыслѣ какой скрытъ въ нихъ условными общественными мнѣніями и приличіями, напримѣръ: „*Радуюсь что васъ вижу*—значитъ мнѣ все равно, что вижу или нѣтъ“ [2]).

Таковы были формы сатирическихъ статей, помѣщавшихся въ журналахъ XVIII-го столѣтія. Если формы эти и не давали творческой фантазіи того простора, какой возможенъ в повѣсти и романѣ, тѣмъ не менѣе въ нихъ легко и свободн

---

[1]) „Трутень“ 1769 г., стр. 216.

[2]) „И то и сё“, недѣля 10. Подобный же словарь смотри въ сочиненіяхъ Княжнина.

вкладывалось горячее слово сатиры, сохранившее для насъ яркія характеристическія свидѣтельства о тогдашнемъ общественномъ бытѣ.

II.

Опредѣливъ общее направленіе журналовъ 1769—1774 годовъ, воспользуемся собранными въ нихъ матеріалами и представимъ, по скольку возможно, характеристику тогдашняго общества.

Журналы избраннаго нами времени являлись представителями образованія, водвореннаго на Руси Петромъ I и Екатериною II, и вмѣстѣ жаркими защитниками русской національности отъ всякихъ одностороннихъ чужеземныхъ вліяній: этимъ опредѣлилось отношеніе ихъ къ современности и тѣсная связь ихъ съ эпохою преобразованій Петра Великаго. Лучшіе, образованнѣйшіе умы того вѣка глубоко вѣрили и съ благодарнымъ сочувствіемъ повторяли:

Петръ далъ намъ *бытіе,* Екатерина—*душу* [1]).

Удивляясь заслугамъ преобразователя, великаго не только *въ геройствѣ, но еще болѣе въ человѣчествѣ* [2]), они въ императрицѣ Екатеринѣ II видѣли продолжательницу его славныхъ дѣлъ:

Петра Великаго ты (Россія) нынѣ
Въ премудрой зришь Екатеринѣ! [3])

Императрица Екатерина, предъ геніемъ которой преклонялись знаменитые иностранцы, въ литературѣ нашей названа „Россійскою Минервою“. Ея громкіе подвиги, заставившіе признать, „что слава была ея барабанъ, а исторія —записная книжка“, блескъ и роскошь того вѣка, ея живой умъ, гигантскія предпріятія, обходительность—все увлекало вслѣдъ за нею. „Ты судъ великихъ дѣлъ потомкамъ оставляешь“ сказалъ Петровъ

---

[1]) „Всячина“, стр. 139. Сличи со словами Бецкаго, сказанными Екатеринѣ II: „Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; ваше величество влагаете въ нихъ души“.

[2]) „Адск. почта“, стр. 55—56.

[3]) „Кошелекъ“, стр. 147.

въ одѣ, обращенной къ императрицѣ (1767 года) [1]). Екатерина Великая съ справедливою гордостью могла отвѣчать на вопросъ фонъ-Визина: „чѣмъ возвысить упадшія души дворянства?“— этими словами: „Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ“ [2]). Литература съ особеннымъ одушевленіемъ и участіемъ спѣшила записать въ свою лѣтопись великія дѣла великаго царствованія. Сколько торжественныхъ одъ! Сколько прямыхъ и задушевныхъ выраженій благодарнаго чувства! Державинъ и за нимъ всѣ другіе поэты громко славили „Филицу“:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда...
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въ-явь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить [3]).

Фонъ-Визинъ прямо называетъ Екатерину Великую *честнымъ человѣкомъ* [4]). Журналы выразили то-же благоговѣйное сочувствіе къ ея славнымъ подвигамъ. „Трутень“ удивляется ея неусыпнымъ трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, ея учрежденіямъ о вкорененіи добрыхъ нравовъ и введеніи наукъ и художествъ, ея щедротамъ, изобильно на всѣхъ изливаемымъ, и ея прозорливому избранію правящихъ властей [5]). Тоже повторяетъ „Кошелекъ“ [6]). „Живописецъ“ поспѣшилъ пе-

---

[1]) „Сочин. В. Петрова“ (Спб. 1811), ч. III, стр. 9.

[2]) Сочин. имп. Екатерины II“. изд. Смирдина, ч. III, стр. 30.

[3]) „Сочин. Державина“, изд. Смирд., ч. I, стр. 367—8.

[4]) 14-й вопросъ, предложенный фонъ-Визинымъ Екатеринѣ Великой начинается такъ: „Имѣя монархиню честнаго человѣка...“

[5]) 1770 г., стр. 63.

[6]) Стр. 26 и 47.

редать на своихъ листахъ въ переводѣ: A) Письмо Доминика Діодати (изъ Неаполя) къ одному русскому, по случаю изданія „Наказа объ уложеніи". Въ этомъ письмѣ читаемъ: „хотя „же она (императрица Екатерина II) совершенную и полную „власть имѣетъ, однако законы постановляетъ... ищетъ въ томъ „не собственной, но общей пользы. Въ ономъ („Наказѣ") отъ „другихъ законовъ и то особливое примѣчается, что всѣ уста- „новленія съ великимъ человѣколюбіемъ сопряжены. Добродѣ- „тели награждаетъ и всѣхъ къ почитанію ихъ преразумно по- „ощряетъ; исправляетъ погрѣшности и, дѣлая всѣхъ добрыми, „ту имъ собственно похвалу оставляетъ, что они учинились „такими безъ принужденія; печется о воспитаніи юношества, „старается о благонравіи и будущихъ гражданъ; отъ преступле- „ній удерживаетъ кротостію... Въ недостатокъ жителей въ ва- „шемъ государствѣ, какъ въ главнѣйшее дѣло, остротою своего „разума входитъ и разыскиваетъ оный философскимъ окомъ, „которое во внутренности проницая самыя малѣйшія вещи под- „робно разсматриваетъ и, нашедъ толикаго вреда истинныя при- „чины, государство жителями, а жителей изобиліемъ обогатить „старается. Ко пріобрѣтенію же сего предуготовляетъ нужное; „на хлѣбопашество призираетъ милостиво; искусства и художе- „ства всѣ, способствующія либо къ спокойствію, либо къ пріят- „ности жизни, возстановляетъ; торговлю, какъ прямый богатства „источникъ, облегчаетъ и распространяетъ, и отвращаетъ все, „оную стѣсняющее. Ничего во всемъ не оставляетъ безъ своего „разсмотрѣнія, ничего не умалчиваетъ, все объявляя всенарод- „но, для общаго всѣхъ благополучія..." [1]). B) Письмо короля прусскаго къ императрицѣ (1767), который признается, что былъ восхищенъ не только правилами человѣчества и кротости, содержащимися въ „Наказѣ", но и порядкомъ соединенія понятій, ясностью, точностью и обширными свѣдѣніями, собранными въ этомъ твореніи; затѣмъ король прибавляетъ, что добрые законы, начертанные въ „Наказѣ", нуждаются для своего исполненія въ юрисконсультахъ, и совѣтуетъ основать „академію правъ, для наученія въ ней людей, опредѣленныхъ къ должности судейской и стряпческой" [2]). C) Отрывокъ изъ III-го

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 86—87.

[2]) Ibidem, стр. 158—160.

тома „Энциклопедическихъ Записокъ". Выхваляя заботы Екатерины II о поддержаніи кредита въ торговлѣ русскихъ съ англичанами и голландцами, отрывокъ этотъ замѣчаетъ, что такія заботы служатъ „истиннымъ доказательствомъ тѣхъ чув„ствованій, кои она изъяснила въ письмѣ, писанномъ въ бер„линскую академію наукъ 1768 года. Наука моя (такъ сказано „ею) состоитъ въ прямомъ познаніи того, что всѣ люди суть „братія; а жизнь моя препровождена будетъ такъ, чтобъ испол„неніе дѣлъ соотвѣтствовало знанію сему" [1]). „Вечера" представили переводъ похвальныхъ стиховъ Екатеринѣ Великой, сочиненныхъ Вольтеромъ: „она (говоритъ знаменитый писатель) водворила науки, для общаго покоя трудится день и ночь.

И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время [2]).

Войны, веденныя императрицею съ такими блистательными успѣхами, постоянно вызывали въ журналахъ различныя стихотворенія, исполненныя патріотическаго одушевленія [3]). Въ 1769 году „Всякая Всячина" обращалась къ Екатеринѣ II съ такимъ поздравленіемъ:

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Всякая Всячина исполняетъ долгъ свой, приноситъ ва„шему императорскому величеству всеусерднѣйшее поздравле„ніе съ побѣдой надъ врагомъ имени христіанскаго и имперіи „вашей и со взятіемъ Хотина. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, „тако исчезаетъ басурманская сила отъ любящихъ Бога, отъ „благочестивой монархини и православнаго ея воинства. Успѣхи „ваши, всемилостивѣйшая государыня, соотвѣтствуютъ вашему „трудолюбію и попеченію. Пріобрѣтены тебѣ, Россія, менѣе года „три знаменитыя крѣпости: Азовъ, Таганрогъ и Хотинъ, и „восемь побѣдъ несравненными твоими войсками одержаны" [4]).

Подобнымъ же поздравленіемъ начинается „Барышекъ Всячины":

---

[1]) Ч. II-я (изд. 1-е), стр. 407. „Mon savoir se borne à connaître, que tous les hommes sont mes frères, et à ne point m'écarter de ce principe dans toutes les actions de ma vie"

[2]). Ч I, стр. 206—211.

[3]) См. торжественныя оды, помѣщенныя въ журналахъ 1769—1774 годовъ; также „Трутень" 1769 г., стр. 164, и „Всячину", стр. 106—7

[4]) Стр. 305.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Пріимите всеподданнѣйшее отъ писателей „Всякія Всячины“ приносимое вамъ поздравленіе съ наступившимъ новымъ 1770 годомъ. Оный намъ не можетъ не приводить на „память дѣлъ вашего императорскаго величества противу врага „христіанскаго имени, въ прошломъ годѣ благополучно и преславно совершенныхъ... Россія, толиками успѣхами въ одинъ „годъ нечаянно увѣнчанная,... именуетъ ваше величество княгинею молдавскою и княгинею волоскою. Страны сіи покоятся „теперь подъ тѣнію покрова вашего“ [1]).

Въ предъидущей главѣ было приведено нами прекрасное посвященіе „Живописца“ императрицѣ Екатеринѣ II, написанное Новиковымъ. Оно знакомитъ насъ съ тѣмъ отношеніемъ, въ какое поставила себя великая государыня къ современной литературѣ. Припомнимъ окончаніе этого посвященія: „хотя „имя ваше (сочинитель комедіи: „О, время!“) останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію „вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе (комедію: „О, время!“) отъ единоземца вашего. Вы „открыли мнѣ дорогу, которой всегда я страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ—исправлять нравы своихъ иноземцевъ; вы поострили „меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже! чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе „той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если „жъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и если принесутъ листы мои пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе „они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены; ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки“. Въ заключеніе Новиковъ проситъ сочинителя комедіи „О, время!“ сдѣлать честь новому журналу сообщеніемъ какого-либо изъ мелкихъ его сочиненій [2]). Итакъ, по собственному признанію Новикова, изданіе „Живописца“ было вызвано сатирическимъ направленіемъ литературныхъ произведеній самой императрицы. Ека-

[1]) Стр. 411—2.
[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 5—6

терина Великая любила заниматься литературою и остави[л]
нѣсколько замѣчательныхъ комедій; она учредила собраніе д[ля]
перевода иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, назначи[въ]
по 5.000 рублей ежегодно на уплату за труды переводчиковъ [1]
она участвовала своими статьями въ журналѣ: „Собесѣдник[ъ]
любителей россійскаго слова“ (1783—1784 г.), и въ отвѣтъ [на]
просьбу „Живописца“ участвовать въ его изданіи писала: „в[ы]
„хотите, чтобъ я прислалъ къ вамъ какія-нибудь мои сочинені[я]
„сіе съ охотою впредь я исполню, и сожалѣю о томъ тольк[о]
„что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилос[ь]
„ибо я цѣлые пять мѣсяцевъ занятъ былъ сочиненіями комедіі
„коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отослан[ы]
„на ѳеатръ, а прочія туда же въ походъ собираются“ [2]). Каки[я]
изъ сочиненій, напечатанныхъ въ „Живописцѣ“, принадлежат[ъ]
перу императрицы, и участвовала ль она, сверхъ приведенна[го]
письма, въ этомъ журналѣ—неизвѣстно; но во всякомъ случа[ѣ]
переданныя нами свидѣтельства заслуживаютъ глубокаго уваж[е]-
нія и благодарнаго воспоминанія.

По указанію Екатерины Великой періодическія издані[я]
выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этом[ъ]
общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не при-
знать высокой нравственной стороны современной эпохи. Ст[а]-
ринныя суевѣрія, предразсудки и ложь отживали свой вѣк[ъ];
въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственных[ъ]
мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей пра[в]-
ды. Посмотрите, какъ наивно жалуется на свое время уѣздны[й]
дворянинъ екатерининскаго вѣка, ясно доказывая своими жал[о]-
бами всю несостоятельность своихъ требованій: „Да поль[но],
„нынче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ: экое времечко! Во[тъ]
„до чего дожили: и сво го вина нельзя привезть въ город[ъ],
„пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль отку[п]-
„щикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что все хор[о]-
„шо дѣлаютъ: поэтому скоро изъ своей муки нельзя будет[ъ]
„испечь пирога. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольност[ь].
„Какая вольность? Дали вольность, а ничего неможно свое[ю]
„волею сдѣлать: нельзя у сосѣда и земли отнять; въ старину-

[1]) „Живопис.“ (изд. 3), ч. I, стр. 74.
[2]) Тоже, ч. I (изд. 2), стр. 46.

„побольше было намъ вольности. Бывало отхватишь у сосѣда „земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще „десять полей потеряетъ. А вина, бывало, кури сколько хочешь, „про себя сколько надобно, да и продать на сотню мѣста. Коли „воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была „воля-та! Ныньче и денегъ отдавать въ проценты нельзя: боль„ше шести рублей брать не велятъ; а бывало, такъ бирали на „сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ-ста, кто что ни говори, „а старая воля лучше новой. Ныньче только и воли, что можно „выйти изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать, что „тамъ дѣлать; хлѣбъ-атъ мы и русской ѣдимъ, да таково-жъ „живемъ. А изъ службы тогда хоть и невольно было выйти, „такъ были на это лѣкари: отнесешь ему *барашка въ бумажкѣ* „(то есть подарокъ), да судьѣ другаго, такъ и оставятъ за бо„лѣзнями. Да ужь бывало, какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ „это наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя „дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье! Ты Ѳала„леюшка, не запомнишь этаго“ [1]).

Въ подобныхъ жалобахъ лучшая похвала екатерининскому вѣку, и съ этой точки зрѣнія получаютъ для насъ особенно любопытное и поучительное значеніе сатирическія нападки журналовъ на разныя стороны отживавшаго быта.

Чтобъ противодѣйствовать застарѣлымъ предразсудкамъ и порокамъ, журналы полагали необходимымъ сокрушить невѣжество и водворить въ отечествѣ образованіе европейское, однако на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самостоятельности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи. Осмѣивая разные невѣжественные толки о значеніи и пользѣ наукъ, „Живописецъ“ прекрасно обрисовываетъ нѣкоторыя типическія черты, выхваченныя имъ изъ тогдашняго общества: эта умная и мѣткая статья живо напоминаетъ намъ первую сатиру Кантемира („Къ уму своему“). Вотъ она:

„О времена! блаженныя времена, въ которыя не учась грамотѣ становимся грамотѣями! Нѣкоторые ненавистники письмянъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе рос-

---

[1]) „Живопис.“, ч. 1 (изд. 2), стр. 106—7.

„сійскаго языка и правилъ граматическихъ. Устыдитесь, го„судари мои строгіе судьи, устыдитесь своего мнѣнія; оставьт„ваше заблужденіе... Вы то проповѣдуете, чего не было, ил„что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдовать?.. „Пропади знаніе россійскаго языка, ежели и безъ него можн„жить въ большомъ свѣтѣ; а этотъ большой свѣтъ составляют„почтенные и любезные наши *щеголи* и *щеголихи*. Исчезнит„правила граматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе „А ученіе—о, эта ненужная тягость совсѣмъ брошена! Но чт„я слышу! строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ „вооружаются противъ меня, хотятъ дѣлать опроверженіе моим„правиламъ: я пропалъ! Но постойте, государи мои, есть у меня „защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ. Благо„родные невѣжды, вѣтренные щеголи, модныя вертопрашки, н„васъ полагаю я надежду; вы держитесь моихъ правилъ, защи„щайте ихъ: острые ваши языки къ тому способны. И вы „*добрые старички*, вы думаете о наукахъ согласно со мною „но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: дѣды „наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, бо„гато и спокойно; науки да книги переводятъ только деньги „какая отъ нихъ прибыль? одно разоренье! Дѣтямъ своимъ вы „говорите: рости только великъ да будь счастливъ, а умъ бу„детъ [1])—прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы! новая „истина открывается свѣту! Премудрые воспитатели! въ вашемъ „невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ „вѣкѣ человѣческія мудрости Жанъ Жака Руссо: онъ разумомъ „а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны...

---

[1]) „Соч. Кантемира“ (изд. Смирдина), стр. 4:

Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Противъ односторонняго мнѣнія, что опытъ житейскій замѣняетъ всякое образованіе, журналъ „Смѣсь“ замѣчаетъ: „всѣмъ извѣстно, что проживъ 60 лѣтъ, не разсуждая ни о чемъ, узнаешь меньше того, кто два года прожилъ съ разсужденіемъ“. (Сравни съ стихами Кантемира сатир. VII, стр. 167—8).

„Послушемъ теперь, какъ молодые люди о наукахъ разсуждаютъ. Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ*: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ; на что-жъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? [1]) Нѣтъ; чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новые таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ; куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который бы былъ прекраснѣе меня? Нѣтъ; какая-жъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе? Нѣтъ; такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня не влюбились? Нѣтъ, это невозможность; слѣдовательно для меня всѣ онѣ безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это—стихотворство, да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да та бѣда, что я не знаю русскаго языка. Покойный батюшка его терпѣть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился. Полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживаетъ: человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найдти счастія! То, что имѣю я, другой почелъ бы счастіемъ; но для меня этого мало. О, Россія, Россія! когда научишься ты познавать достоинства людскія? Такъ разсуждаетъ Наркисъ: достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ; красавицы почитаютъ его *Адонидомъ*, а солюбовники *Мартомъ*, и всѣ его трепещутъ; да и есть чего и страшиться, ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ французскаго *шпагобойца*: къ дополненію его достоинствъ: играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, и притомъ разумѣетъ по французски. Не завидный ли это молодецъ? не совершенный ли онъ человѣкъ? Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти *Наркисовы*? [2]).

„*Худовоспитанникъ* говоритъ: науки никакой не могутъ мнѣ принести пользы; я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣй-

---

[1]) „Сочин. Кантем.“, стр. 5 (сатир. I).
[2]) См. „Сочин. Кантем.“, стр. 9 (сатир. I).

„шимъ въ моей должности? Нѣтъ; такъ они для меня и н
„годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть кр
„чать: пали! коли! руби!.. Науки да книги умягчаютъ серд
„а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ...

„*Кривосудъ*, получа судейскій чинъ, говоритъ: по наукам
„ли чины раздаются? я ничему не учился, и не хочу учитьс
„однакожъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтоб
„знать наизусть всѣ указы и, въ случаѣ нужды, умѣть и
„употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ деньг
„науками ли наживаютъ деревни? науками ли пріобрѣтаю
„себѣ покровителей? науками ли доставляютъ себѣ въ старос
„спокойную жизнь? науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастлив
„ми? Нѣтъ! такъ къ чему же онѣ годятся? Будь учоный чел
„вѣкъ, хотя семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ пр
„казъ; то переучимъ мы его на свой салтыкъ. буде не захоче
„ходить по міру. О науки! науки! безполезная тяжесть. О учоны
„учоные! вы-то прямые дураки.

„*Щеголиха* говоритъ: какъ глупы тѣ люди. которые
„наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. *Ужесть* ка
„смѣшны учоные мущины; а наши сестры учоныя—о! онѣ
„совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, какъ онѣ смѣшны! Не д
„географіи одарила насъ природа красотою лица; не для мат
„матики дано намъ острое и проницательное понятіе; не д
„исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для физи
„вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же одарены м
„сими преимуществами?—чтобъ были обожаемы. Въ слов
„*умѣть нравиться*—всѣ наши заключаются науки. За нау
„ли любятъ насъ до безумія; наукамъ ли въ насъ удивляютс
„науки ли въ насъ обожаютъ?—Нѣтъ. право нѣтъ. Пус
„явится учоная женщина въ общество щеголихъ: никто съ не
„и слова не промолвитъ; а если она заговоритъ сама, то в
„мущины зѣвать станутъ. И что-жъ она тѣмъ выиграетъ?
„больше какъ назовутъ ее учоною женщиною, и то такіе люд
„которыхъ самихъ называютъ *педантами*. Прекрасная побѣ
„безпримѣрно какъ славна! Учоная женщина! учоная женщин
„фуй! какъ это *неловко*. Напротивъ того, ежели пріѣду я
„такое собраніе, то въ мигъ окружатъ меня всѣ мущины. Стану
„наперерывъ хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ мое

лица, другой хвалитъ руки, третій—станъ; иной походку, тотъ пріятность моего голоса; иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина; вотъ чудесное произведеніе природы! вотъ совершенное ея сотвореніе: она милая какъ ангелъ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не успѣю я осмотрѣться, какъ уже тысячи найду обожателей. Одинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь бы могъ имѣть счастіе меня видѣть. Какъ это много! *безпримѣрно* много! Изъ благороднаго человѣка хочетъ сдѣлаться слугою для того только, чтобъ чаще на меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ, что онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть моимъ любимымъ невольникомъ. Ужасная мысль! годится хоть въ трагедію; по счастію, что онъ еще не король, а то бы и въ истину онъ такъ сдурачился... Слыша это, какъ не восхищаться? Какъ за учтивости не платить ласкою? Я такъ и поступаю: съ однимъ поговорю, другаго похвалю, на третьяго брошу взглядъ, поражающій его сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожъ всѣхъ ихъ къ себѣ привязываю. *Ужесть* какъ завидно состояніе красавицы, и какъ *безпримѣрно* жалко—учоной женщины!

„*Молокососъ* говоритъ: я не хочу тратить времени для наукъ; онѣ мнѣ не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнѣе предъ тѣми, которые въ наукахъ погубили молодыя свои лѣта. Деньги на мое содержаніе жалуетъ мнѣ батюшка, а когда не достаетъ оныхъ, тогда забираю въ долгъ, и мнѣ вѣрятъ...

„*Волокита* разсуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ наукахъ? науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? науками ли имъ нравятся? науками ли упорныя побѣждаютъ сердца? науками ли украшаютъ лобъ? науками ли торжествуютъ надъ солюбовниками?—Нѣтъ; такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ [1]), говорить всякія трога-

---

[1]) См. „Сочин. Кантем.“, стр. 7 (сатир. 1).

„ющія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, *сидѣт*
„*разбросану*, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быт
„*совсѣмъ развязану*; словомъ, дойти до того, чтобъ называл
„*шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дураками называемъ. Ког
„да можно до этого дойти, то это значитъ—дойти до совершен
„ства въ моей наукѣ“ [1]).

Невѣжество, проповѣдовавшее противъ образованія, п
указанію нашихъ старпковъ, было двоякое: одни смотрѣли н
науку со стороны матеріальной пользы, и если познанія н
вели къ непосредственному и для всѣхъ нагладному удовле
творенію первоначальныхъ житейскихъ нуждъ, то объявлял
ихъ безплодными и ссылались при этомъ на примѣръ пред
ковъ, которые и не учась жили не бѣднѣе нашего; другіе, под
вліяніемъ французскихъ нравовъ, все значеніе воспитані
полагали въ усвоеніи внѣшняго лоска, въ умѣньи держатьс
въ обществѣ, въ ловкости пріемовъ и въ легкомъ изучені
тѣхъ искусствъ, какія признавались модою за необходимыя
знанія серёзныя и основательныя считали они излишнимъ
вмѣстѣ скучнымъ бременемъ. Вооружаясь противъ подобных
предразсудковъ, журналы должны были и дѣйствительно обра
тили самое живое вниманіе на методу *воспитанія*, какъ н
основу общественнаго блага и въ настоящемъ и въ будущемъ
„Пріятное съ Полезнымъ“ воспользовалось съ этою цѣлью ан
глійскимъ изданіемъ „Юношеской библіотеки“ и помѣстило н
своихъ страницахъ теоретическія статьи: *о воспитаніи*, *о на
укахъ*, *преимущественныя дарованія женщинъ для воспитані
дѣтей*, *о путешествіи* (для образованія) *въ чужіе краи*. Этим
статьями „Пріятное съ Полезнымъ“ думало установить болѣе
правильный взглядъ на вопросы о воспитаніи. Пренебрегат
воспитаніемъ (говоритъ названный нами журналъ) есть явна
несправедливость, отъ которой терпитъ цѣлое общество; с
самаго малолѣтства надобно вкоренять въ юное сердце поняті
чести и справедливости; надобно внушать дѣтямъ наклонност
къ труду; „ибо ничто такъ не оказываетъ благородства духа
какъ безпрестанное упражненіе“; надобно пріучать ихъ к
человѣколюбію, и для того обращаться съ ними кротко. „Есл

[1]) Ч. 1 (изд. 2), стр. 15—26.

„кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей честными людьми, тотъ „долженъ быть имъ истиннымъ родителемъ, а не строгимъ и „жестокосердымъ судьею. Надлежитъ имъ доказать, что ихъ „любишь; ибо когда они въ томъ удостовѣрятся, то и тебя „взаимно любить будутъ. По сей къ тебѣ любви они станутъ „почитать твою надъ ними власть... за дѣйствіе твоей къ нимъ „горячности, и твои повелѣнія будутъ принимать за совѣты, „ведущіе ихъ къ благополучію. Они тебя будутъ бояться не „такъ, какъ властелина, но какъ любезнаго друга, коего почи-„таютъ и опасаются оскорбить“ [1]).

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ, въ обществѣ нашемъ долгое время замѣчалась странная и пестрая смѣсь старины съ новизною. Пышныя моды, роскошь и свободные нравы, напоминавшіе Парижъ и Лондонъ, стояли рядомъ съ пристрастіемъ къ старымъ обычаямъ и суевѣріямъ и съ мелочною бережливостью, которая учитывала всякую кроху и упускала изъ виду самыя главныя требованія домашней экономіи; утонченная вѣжливость и внѣшній лоскъ французскаго общежитія встрѣчались съ самыми угловатыми и наивно-грубыми формами. Подъ вліяніемъ этихъ характеристическихъ особенностей, воспитаніе главнымъ образомъ представляло два совершенно-различныя явленія: оно или оставалось вѣрнымъ преданіямъ и правиламъ допетровской старины, или преклонялось предъ новостью и блескомъ чужеземныхъ идей, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ по справедливости можетъ быть названо *французскимъ*. И та и другая методы воспитанія имѣли свои хорошія стороны, но еще болѣе недостатковъ. Сатира не могла и не хотѣла оставить эти недостатки безъ обличеній и укоризны.

Люди старинныхъ преданій вѣрили, что опытъ житейскій лучше всякого ученья, и большею частью предоставляли своихъ дѣтей матери-природѣ. О воспитаніи немного прилагалось заботъ или и вовсе о немъ не было рѣчи, по пословицѣ: „лишь бы здоровъ былъ Иванушка да счастливъ, а умъ будетъ—всему самъ научится“! [2]). У насъ, говорили старики,

---

[1]) І-й полумѣс., стр. 5—6; VIII полумѣс., стр. 11—12; IX полумѣс., стр. 9.

[2]) „Всяк. Всяч.“, стр 264.

изстари положено: для дворянина—шпага, для стряпчаго—перо, *а грамота—для поповъ* [1]). Въ глуши деревень, среди грубой и недѣятельной жизни, выростали баричи, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкая къ скопидомству и праздности. Окруженные толпою мамъ, нянекъ, шутихъ [2]) и прочей дворни, они рано знакомились съ примѣрами несовсѣмъ-поучительными, о чемъ еще Кантемиръ отзывался съ горькимъ чувствомъ: „слуги суть язва дѣтей!“ [3]): Учить грамотѣ начинали поздно, и вообще учили мало и плохо, такъ что, по отзыву „Трутня“, во всей Руси немного было такихъ, которые умѣли бы правильно писать [4]). Учителями обыкновенно назначались пономарь, дьячекъ, иногда грамотный дворовый человѣкъ, и ученье ограничивалось чтеніемъ часослова, четій-миней и библіи [5]). „Трутень“ разсказываетъ о помѣщикѣ, владѣльцѣ 3000 душъ, который ѣздилъ въ Москву искать пятнадцатилѣтнему своему сыну учителя, но, не пріискавъ, возвратился домой и поручилъ воспитаніе недоросля приходскому дьячку, „человѣку весьма дородному“ [6]). Если случалось, что сыновей начинали учить съ пятнадцати лѣтъ, то, конечно, и дочерей не ранѣе сажали за книгу. Въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ сыну Ѳалалею читаемъ: „Сестра „твоя Варя посажена за грамоту; батько Иванъ самъ ей началъ „азбуку въ ея имянины; ей минуло пятнадцать лѣтъ! пора, „другъ мой, и объ этомъ подумать; вить ужь скоро и женихи „станутъ свататься, а безъ грамоты замужъ ее выдать не „годится: и указа самой прочесть нельзя“ [7]). Впрочемъ, изъ „Недоросля“ и другихъ комедій мы узнаемъ, что существовало

---

[1]) „Живопис“, ч. I (изд. 2), стр. 181.

[2]) „Трут.“ 1769, стр. 19. „Соч. Екатерины II“, ч. II, стр. 33 (изд. Смирдина).

[3]) „Сочин. Кантем.“, стр. 176 (изд. Смирд.).

[4]) „Трут.“ 1769, стр. 50.

[5]) „Живопис.“, ч. I (изд. 5), стр. 11. „Смѣсь“, стр. 219: „вы легко „можете догадаться, что меня воспитывали такъ, какъ воспитываютъ „подобныхъ мнѣ дворянъ. Вѣрной батюшкинъ слуга, котораго я и теперь „люблю, былъ моимъ учителемъ. Онъ меня выучилъ читать и писать“. „Трут.“ 1769, стр. 114.

[6]) 1769, стр. 125.

[7]) „Живопис.“, ч. I (издан. 2), стр. 107—8.

мнѣніе, по которому и вовсе почиталось излишнимъ учить дѣвушекъ грамотѣ [1]).

Вотъ что разсказываетъ о воспитаніи подобнаго рода „Всякая Всячина“:

„Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первыя лѣта „мои, недалеко лежитъ отъ Епифани, и хотя не болѣе тридцати „верстъ, однако я никогда въ семъ городѣ не бывалъ... „Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, которая „любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, „проигрывая съ крестьянскими робятами цѣлые дни на гумнѣ; „часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили „они къ учителю моему (который былъ старый дьячекъ нашего „прихода) жаловаться, то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ „жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня. Итакъ неудивительно, что учитель, не хотя потерять „ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу „послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ „я ни на кого. Когда отецъ мой отваживался меня бранить, то „я, расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ на него „жаловаться, и онѣ говорили мнѣ, гладя по головѣ и утирая „слезы: плюнь на него, другъ мой; не слушай его: эдакой отецъ! „не стоишь ты имѣть такого сына! Такимъ образомъ достигъ

---

[1]) *Простакова*: „Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!“ („Соч. фонъ-Визина“, стр. 94). Въ комедіи (въ 1 дѣйств. Москва, въ универс. тип. 1779 г.) „Подражатель“ *Скопидомова* говоритъ: „Вотъ, муженекъ что отъ проклятой грамоты вышло. Говорила я тебѣ: эй, не учи дѣвку читать да писать; эй, худо будетъ. А ты умничалъ: дурно де не умѣть дѣвкѣ грамотѣ; она де у меня счеты переписывать будетъ. Вотъ тебѣ и счеты!“ (Стр. 37). Въ комедіи „О. время!“ *Чудихина*: „Кабы у меня дочь была, меньше бы и я имѣла „заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не „надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ... Да полно что! нынь„че и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру!“ „(„Сочин. Екатер. II“, изд. Смирд., ч. II, стр. 51—52). Въ той-же комедіи „Мавра разсказывает о Христинѣ, внучкѣ *Ханжахиной* (ibid., стр. 29): „„Она ничему не учена, и грамотѣ украдкою у меня училась, для того „что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала „писать любовныхъ писемъ. Никого она не видала, и до 12 лѣтъ и „платья не знала, а бѣгивала, для легкости, всегда въ одной сорочкѣ; „когдажъ пріѣзживали посторонніе къ намъ люди, то прятали ее въ „спальнѣ за печкою“.

„я *тринадцатаго* года, и хотя учитель мой, дьячекъ, былъ у „меня четыре года, однако съ нуждою могъ я разбирать бук- „варь и марать дурныя буквы. Со всѣмъ тѣмъ бабушка диви- „лась разуму моему и не могла довольно приписать похвалъ „моему понятію. Въ то время отецъ мой предложилъ ей, чтобъ „взять для меня учителя *француза* . . . Предложеніе сіе ей не „полюбилось, и она никогда не хотѣла согласиться отдать меня „въ руки, какъ она сказывала, басурману. . . Итакъ прошелъ „еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и „играя со слугами въ карты". Разными обѣщаніями упорство бабушки было ослаблено, и наконецъ выписали изъ Москвы учителя-француза. „Азбука стала мнѣ становиться скучна, онъ „(учитель), видя то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ „и принуждать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ „день, какъ онъ, не могши стерпѣть больше моего упрямства, „ударилъ линейкою по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы „меня рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и „всѣ нянюшки, и спрашивали меня, что за причина моему „крику? Я сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до „смерти и переломилъ мнѣ линейкою руку. Желалъ бы я, „чтобъ могъ изобразить ярость, овладѣвшую сими женщинами. „Онѣ бранили бѣднаго учителя всѣми ругательствами, какія „только злоба ихъ могла выдумать; наконецъ бросились на „него, и еслибъ онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, то бъ, „конечно, выцарапали ему глаза.—Ахъ, проклятой! кричала „бабушка, изувѣчилъ бѣдное дитя! Вонъ изъ моего дома!..." Французъ былъ прогнанъ. „Послѣ сего учителя были у меня „еще двое, которыхъ такимъ же образомъ согнали. Потомъ „записалъ меня отецъ мой въ службу" [1]). Приведенный нами разсказъ живо напоминаетъ фонъ-Визинскаго „Недоросля" и особенно ту сцену, въ которой Еремеевна, защищая Митрофана, приготовилась показать Скотинину свои *зацѣпы*. Митрофанъ выросъ также среди дворни и также, не научившись ровно ничему, записанъ на службу, но что могла выиграть служба отъ подобныхъ недорослей?

Вотъ другая картина воспитанія, нарисованная „Всячиною":

---

[1]) Стр. 241—4.

„Поѣхалъ я однажды ко другу моему, и не нашедъ его до-„ма, вошелъ къ женѣ.. въ дѣтскую и увидѣлъ ее посреди „четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ, и чтобъ его „растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія „притворилася, будто плачетъ, а мама приговаривала: хоро-„шенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она видишь, дитяти „досадила. Дитя же старалося крѣпко ударить няню, и чѣмъ „крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому „смѣялося. Погодя, другое дитя упало: мать ему велела плю-„нуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ спотыкнулся. „Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Бог-„дановна, боишься ли Бога, что позволяешь мамѣ поваживать „сына бить людей и смѣяться воплю, да лгать притомъ, будто „няня досадила ему... Какое онъ можетъ получить воображеніе „о справедливости?... Она мнѣ на то отвѣтствовала: ихъ, бать-„ка! ты всегда умничаешь; будто тоже и съ тобою и со мною „не было; какъ же инако съ робятами быть?... Я оглянулся и „увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него боль-„шенькій пугаетъ канарейку, бивъ рукою по клѣткѣ: птичка „же бѣдненькая билася изъ угла въ уголъ“ [1]).

Такъ съ самыхъ раннихъ и нѣжныхъ лѣтъ дѣти, отданныя на руки глупыхъ мамъ и нянюшекъ, шутя, и забавляясь, привыкали къ той грубости нравовъ, которая прежде всего обнаруживалась на животныхъ и игрушкахъ, а потомъ, въ болѣе взрослые годы, получала и болѣе широкое и болѣе вредное примѣненіе. Какъ только ребенокъ начиналъ подростать, его окружали роемъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, и конечно худые примѣры не могли не отозваться худыми последствіями. Въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ сыну Ѳалалею читаемъ: „мы съ дядею твоимъ поговорили довольно, сидя подъ „любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣ-„тахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо „гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки „ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ „молоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ крикъ „такой и хлопанье, какъ будто за уголовье въ застѣнкѣ сѣ-

---

[1]) Стр. 451—3.

„кутъ: таки, бывало, животики надорвешь со смѣха“ [1]). Вотъ другое, неменѣе-любопытное указаніе, встрѣчаемое въ одномъ сатирическомъ письмѣ на страницахъ „Живописца“:

„Отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ де„ревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во „всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сло„женія тому совсѣмъ противнаго, отъ чего нерѣдко произходи„ли между ними несогласія, и всегда другъ друга не только „всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, „но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не „дрались, или бы людей на конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, бу„дучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя вседневно въ глазахъ „таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возъимѣлъ „къ онымъ склонность, и положилъ за правило себѣ во всемъ „онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно; ибо „я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже со„вершенно выражалъ всѣ тѣ бранныя слова, которыя бывало „отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадле„жало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя „и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были: ибо одинъ „разъ батюшка за недоимку 35 душъ......а матушка еще и того „болѣе безчеловѣчнымъ наказаніемъ на........, какъ узнала, что „нѣкто изъ крестьянъ перешибъ ногу любезной ея собачкѣ. „Отецъ мой хотя правда былъ недалекаго разума, однако разби„ралъ понемногу четьи-минеи и другія церковныя книги; „матушка же моя на смерть тѣхъ книгъ не любила, потому что „она дѣвицею воспитана въ городѣ; да рѣдко имѣла досугъ „читать и французскія, потому что вседневно ходила слушать „очистки крестьянъ, во что ужь батюшка мой никогда и не „мѣшался, а только, бывало, по приговору матушки сѣчетъ „крестьянъ. А какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ, и „батюшка мой началъ преподавать мнѣ первыя начала рос„сійскія грамоты, то матушка, любя меня чрезмѣрно и опасаясь, „чтобъ отъ таковаго упражненія голова у меня не разломилась, „или бы по времени не повредился я умомъ, всегда меня отъ

---

[1]) „Живопис.“, ч. I (изд. 2), стр. 166. См. также „Всяк. Всячину“, стр. 135.

„книги отрывала, и не разъ за то бранивала батюшку, что онъ „меня къ тому неволилъ. Книга, если правду сказать, мнѣ и „самому въ то время гораздо несносною казалася, и я, не примѣтя еще хорошо, почему различать *А* отъ *Д*, столько оную „вымаралъ, что батюшка мой и самъ почасту не распознавалъ „буквъ... Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой, „по обыкновенію, ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и „крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любовную книжку „и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-„русски ясно пересказываетъ: отъ сего по тринадцатому году „возраста моего родилась во мнѣ та сильная страсть, о которой „не только знать, но и говорить моихъ лѣтъ ребятамъ за стыдъ „и неприличное дѣло почитаютъ“ [1]). Такая странная примѣсь свободныхъ французскихъ нравовъ, неудачно-вычитанныхъ изъ любовныхъ романовъ, и рядомъ съ этимъ грубое невѣжество стараго времени весьма ловко и харарактерно рисуютъ описываемую эпоху.

Приведенныя нами свидѣтельства сатирическихъ журналовъ прекрасно подтверждаются записками Данилова и Болотова [2]). Даниловъ разсказываетъ о своемъ ученьи у сельскаго пономаря Брудастаго: „приходилъ я учиться къ Брудастому „очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, „покуда мне не скажетъ *аминь*, не смѣлъ. Памятно мнѣ мое „ученіе у Брудастаго и поднесь, по той, можетъ быть, причинѣ, „что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, „а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, „а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни „великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго „сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна „и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока въ

---

1) Ч. I. (изд. 2), стр. 128—130.

2) „Записки артиллеріи-майора М. В. Данилова“, написанныя имъ въ 1771 году (М. 1842 г.), стр. 26, 38—44; Даниловъ родился въ 1722 году. „Записки Болотова“ смотри въ „Отеч. Записк.“ 1850 г., № 5.

„вечеру, и половины прочитать не могъ“. Все образованіе Данилова ограничилось азбукою, часословомъ и псалтырью. Болотовъ нарисовалъ вѣрную и яркую картину деревенской жизни (1753—4 годовъ), проведенной имъ въ нѣжные годы отрочества въ праздности, среди игръ съ крестьянскими ребятишками. Такое согласіе литературныхъ показаній съ разсказами современниковъ ручается за ихъ достовѣрность и даетъ разбираемымъ нами журналамъ все значеніе и занимательность матеріала историческаго.

Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей, въ городахъ бывали еще такъ называемые *мастеры*, изстари извѣстные на Руси; они учили у себя на дому чтенію и письму; метода ученія нисколько или весьма малымъ отличалась отъ методы Брудастаго. Журналы не оставили безъ вниманія и этихъ „мастеровъ“; на страницахъ журнала „И то и сё“ находимъ слѣдующій любопытный разсказъ:

„Я взросъ въ томъ городѣ, въ которомъ родился...Училъ „меня русской грамотѣ *россійской мастеръ*, у котораго отъ „утра и до вечера каждой день пропѣвалъ я: азъ, буки, вѣди „и проч., какъ-будто-бы по нотамъ, и кричалъ съ робятами во „весь голосъ; ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, что „крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ при„ходѣ. Отчего въ вечеру выходили мы отъ мастера такъ„какъ шальные; раскричимъ себѣ головы, и кажемся добрымъ „людямъ такими, которые недавно освободились отъ сильнаго „угару. Однако сіе не мѣшало намъ препроводить остатокъ дня „въ рѣзвости и гуляньи, а домой приходили мы всегда вмѣстѣ „съ ночью. Имѣлъ я много у себя соучениковъ... (Одинъ изъ „нихъ) былъ богатаго купца сынъ, лѣтами не гораздо старъ, и „считали ему не болѣе, какъ 24 года отъ рожденія его. Училъ „онъ въ то время азбуку и часословъ вмѣстѣ, по причинѣ той, „что если устремитъ онъ всѣ свои мысли къ часослову, то, „конечно, позабудетъ всю азбуку, и не узнаетъ послѣ и аза въ „глаза. Такимъ образомъ велитъ ему мастеръ отложить часо„словъ въ сторону и мѣсяца четыре протверживаетъ съ нимъ „азбуку, а потомъ начинаетъ учить часословъ. До меня учился „онъ три года, и слышалъ я, что онъ и нынѣ ни читать, ни „писать не умѣетъ. Родители его любили несказанно горячо, и „ни о чемъ больше мастера не упрашивали, какъ только о томъ,

„чтобы онъ не только что не билъ любезнаго ихъ сынка, но „никогда и не стращалъ бы его; а сынокъ ихъ, сидя у мастера „между нами...вырѣзывалъ изъ бумаги уточекъ и жаворонковъ „и чертилъ журавлей и зайчиковъ, дѣлалъ сидя хлопушки и „изгибалъ перышки, которые оттого припрыгивали сами, и „между робятами называются *скакунами*, и не только что самъ „не учился, но и намъ мѣшалъ много, и нѣкоторыхъ доводилъ „и до побоевъ. Мастеръ нашъ былъ человѣкъ постоянной и „экономію дома своего наблюдалъ строго, такъ-что всякой уче-„никъ долженъ былъ ему принести каждой дванадесятой празд-„никъ по нѣскольку денегъ, а сіе приносится сверхъ ряды, „которая надлежитъ за науку; впрочемъ, хотя онъ и не научитъ „больше, какъ читать и писать безъ толку и безъ смыслу, но „почитается мастеромъ и беретъ за науку весьма дорого" [1]).

Были, конечно, и между поклонниками старины люди, понимавшіе потребность болѣе-серьёзнаго образованія и, по примѣру высшаго круга общества, возлагавшіе всѣ свои надежды на иноземныхъ гувернёровъ; но чтобъ выбрать достойнаго наставника, имъ большею частью не доставало ни нужныхъ свѣдѣній, ни средствъ. Но если и замѣтно было въ нѣкоторыхъ лицахъ это—хотя невольное и малосознанное—уваженіе къ образованію, за-то попадались и такіе отцы, которые прямо объявляли себя противниками всякаго образованія, почитая издержки на воспитаніе дѣтей излишнею тратою и мотовствомъ; по какому-то странному убѣжденію они увѣряли, что „кто много знаетъ, тотъ уже отцу и матери не кормилецъ". Журналъ „И то и се" разсказываетъ о такихъ отцахъ, которые сердились, когда дѣти просили нанять имъ учителя, и для вящаго увѣщанія прибѣгали къ ременной плёткѣ [2]).

Какія послѣдствія могли быть плодомъ подобнаго воспитанія? Разумѣется, самыя печальныя. „Живописецъ" въ прекрасной статьѣ, подъ заглавіемъ: *Слѣдствія худаго воспитанія*, яркими красками обрисовываетъ тотъ общественный вредъ, какой порождается невниманіемъ къ дѣтямъ, поблажкою и распущенностью:

---

[1]) Недѣля 42. Сличи съ разсказомъ М. С. Щепкина („Комета", альманахъ).

[2]) Недѣля 2 и 4; см. также письма къ Ѳалалею.

„Какъ я отъ рожденія моего не зналъ, что есть стыдъ, и „мнѣ про то никто не толковалъ, а меньше еще того разумѣлъ „о неприличности, то, устремя всѣ мысли свои въ любви... „влюбился въ комнатную дома нашего дѣвку, обладающую всѣми „тѣми прелестями, которыя только могутъ плѣнить нѣжное „сердце несчастнаго любовника, и сдѣлался въ короткое время „невольникомъ рабы своей. Отъ праздности, въ которой я „всѣ дорогіе своей жизни часы препроводилъ и которая, по „несмысленности, мнѣ пріятною казалась, произошли всѣ мер„зости исполненныя дѣла, а вольность сдѣлала меня отважнымъ „и наглымъ на всѣ предпріятія. Я спознался съ сыномъ одного „помѣщика неподалеку отъ нашей деревни живущаго, который „воспитанъ былъ не лучше моего, и (былъ) дѣтина на всѣ руки... „Отъ частаго съ нимъ обхожденія научился я просиживать „цѣлыя ночи, весьма скоро въ игрѣ, въ пьянствѣ и въ дру„гихъ непостоянныхъ забавахъ преходящія, и былъ уже со„вершеннаго знанія во всѣхъ карточныхъ играхъ, къ погибели „своего дома. Отецъ мой, разгнѣвавшись на меня за таковые „мои поступки, выгналъ меня изъ дома и лишилъ законнаго „наслѣдства, а я, не имѣя средства чѣмъ себя пропитать, вдался „во всякія неприличныя моему роду дѣла, и тѣмъ доставлялъ „себѣ бѣдное пропитаніе" [1]). На подобные же плоды небрежнаго воспитанія указываютъ и другіе современные журналы [2]), преслѣдуя лѣнивыхъ недорослей, трутней и лежебоковъ, которые жили въ постоянной праздности: гоняли голубей, бѣгали по двору съ собаками и предавались различнымъ порочнымъ наклонностямъ.

Журналы 1769—1774 годовъ представляютъ нѣсколько любопытныхъ картинъ (tableaux de genre) изъ домашней жизни людей, оставшихся вѣрными стариннымъ предразсудкамъ и обыкновеніямъ. Приведемъ эти характеристическіе очерки, чтобы указать, съ одной стороны, въ какомъ кружку и въ какихъ понятіяхъ возрастали новыя поколѣнія, а съ другой— познакомить съ нравами, уже въ то время начинавшими отживать свой вѣкъ.

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 130—132.

[2]) „Всякая Всячина", стр. 231, 245. „И то и сё", недѣля 42.

„Всячина“ разсказываетъ объ одной семидесятилѣтней старушкѣ:

„На сихъ дняхъ, любезный читатель, съѣздилъ я къ „теткѣ своей, барынѣ лѣтъ семидесяти...Не успѣлъ я войти въ „двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: басурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестишься?... Я „старался подойти поближе къ кровати, на которой она сидѣ-„ла, чтобъ поцаловать у нея руку, но почти непреоборимыя „препятствія между нами находились и лишали меня долго сего „удовольствія. У самой двери, направо, стоялъ превеликій сун-„дукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При кон-„цѣ сего узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая, между „двумя карлицами, и двѣ богодѣльницы. Передъ ними ближе „къ кровати лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ: одна „излишняя за штатомъ монахиня, двѣ внуки ея родныя, дѣву-„шки-невѣсты, да дура. Монахиня да внуки отъ прочихъ были „тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ. У кровати зана-„вѣски были открыты, знатно отъ духоты, ибо тетушка была „одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. „Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, „подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ недосуги живо изоб-„ражало растрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное „платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы сказать „можно было, что у нея въ комнатѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не „находился православный“. Неловкой посѣтитель не могъ пробраться къ старушкиной постели, не задѣвъ концомъ своей шпаги за тряпицу, которою была обверчена голова карлицы. Отъ этого поднялся крикъ и визгъ. „Я еще не успѣлъ отцѣпить „(шпаги), какъ услышалъ, что слѣпая возопила веліимъ голо-„сомъ: ахъ, проклятый! раздавилъ мои пироги и весь карманъ „мой замаслилъ. Тетушка очень осердилася на меня, и сказала: „что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ переда-„вить? Во Франціи у васъ, что ли, такой манеръ? Безбожный! „на слѣпую напалъ. Бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ, „и сколько имъ укладыванья было! а дуракъ ихъ раздавилъ „своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ „не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы сдѣ-„лать развратъ въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ: Лиса

„поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго посл
„обѣда не спала“. Тутъ Лиса, ея большая внука, впала ей в
„рѣчь, и съ ужимкою молвила: *ужесть*, бабушка-сударын
„какъ я испугалась! А сестрица чуть жива. Груша на
„сказала: „ахъ, радость, мочи нѣтъ, умаришь; не магу взд
„мать, какъ онъ па всѣмъ, па всѣмъ; нѣтъ ушъ, сестриц
„какъ онъ *не важенъ*; права, *ужесть какъ не важенъ*! пр
„симъ аставить въ пакоѣ“. Я примѣтилъ, что во время се
„разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то на одну, то
„другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ ше
„ный подъ бородкою, сидя притомъ очень прямо. Я все ещ
„не терялъ надежды приблизиться къ кровати теткиной,
„стоя въ углу извинялся, какъ могъ... Тетушка приказала по
„нести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута способна подой
„къ ней; но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я под
„шелъ,—наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столик
„съ изломленною ножкою, на которомъ закуски стояли, и ур
„нилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь дѣвки прибѣжали: од
зацѣпила лампаду... Тутъ монахиня прогласила: аминь, амин
„аминь, разсыпься! Тетушка вышла изъ терпѣнія, и закричал
„подай плетей“. Посѣтитель поспѣшилъ убраться [1]).

Обычай окружать себя большою дворнею, приживалкам
барскими барынями, дураками и дурами, былъ сильно укор
ненъ еще въ XVII-мъ столѣтіи; эти приживалки, знакомц
сказочники и дураки содержались, при всѣхъ богатыхъ домах
для развлеченія домохозяевъ и ихъ гостей, или, какъ тог
выражались, для *потѣшнаго дѣла*. „Когда гости пріѣдутъ,
„первое слово: позовите дураковъ. Сіе есть самый ласковы
„пріемъ... Кой часъ дураки войдутъ, то уцѣпятся другъ дру
„въ волосы, и кто которому болѣе выдернетъ клочковъ вол
„совъ, тому поднесутъ чарку водки. Хозяинъ обыкновенно х
„хочетъ тому такъ, что въ третьей комнатѣ слышно. Знат
„по привычкѣ уже сердоболія нѣтъ; а того и наумъ не придет
„что и дураки суть люди. Когда же кто ихъ уйметъ, тог
„иные говорятъ: нѣтъ ничего, они привыкли... Дураки же б
„ваютъ вымараны, выпачканы, почти наги, а обыкновенно бос
„рожи у нихъ разбиты и пьяны. Если гости чуть станутъ их

[1]) Стр. 69—72.

„унимати, чтобы не дралися, то бросаются на гостей, и тогда „бѣги скорѣе вонъ“ [1]). По преданію, въ прихожей Ромодановскаго (князя-цесаря) было завсегда забавно: много шутовъ находилось, и медвѣдица разносила передъ обѣдомъ водку [2]). Чтобъ разсѣять скуку, обыкновенно призывались дураки и дуры или сказочники; чтобъ прогнать у дѣтей безсонницу, заставляли разсказывать имъ на сонъ грядущій разныя сказки [3]).

Вотъ двѣ другія картины нравовъ, представляемыя „Всякою Всячиною“:

„Какъ нынѣ Святая недѣля, то и должно всякій день „обскакивать цѣлую Москву. Я, будучи въ мѣстахъ пяти, и „не заставши никого дома, вздумала заѣхать ко праправнучатной моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточный человѣкъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. „Сія госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму „недѣли на двѣ, для продажи суконъ, пониtковъ, холстовъ, веревокъ, лаптей, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ „ягодъ, и также, какъ говорила она, чтобы дочери ея переняли „московскія моды. Я спросила у моего кучера, можетъ ли онъ „сыскати домъ сей моей родни? на что онъ сказалъ, что его „знаетъ, ибо де недавно купилъ въ семъ домѣ роднѣ своей въ „деревню кокошникъ. Мы, проѣхавъ множество переулковъ, „остановились передъ одними воротами, которыя были съ обѣихъ сторонъ подперты подставками: въ которое время слуга, „стоящій назади кареты, прибѣжалъ отворять дверцы у оной. „Я спросила у него, для чего онъ отворяетъ? велѣлъ бы ѣхать „прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что сего учинить „никакимъ образомъ не можно; ибо де дворъ ихъ наполненъ „пріѣхавшими для покупки сѣна роспусками, которое самъ „мой высокопочтенный дядюшка изволитъ вѣсить. Итакъ я „принуждена была выйти изъ кареты и обмокнуть въ грязи „свои башмаки... Когда вошла я на дворъ, то стоящій въ разодранномъ тулупѣ любезный мой дядюшка не удостоилъ меня,

---

[1]) „Всякая Всячина“, стр. 225—6. Сочин. Екатер. II, ч. II, стр. 186 (комедія: „Имянины г-жи Ворчалкиной“).

[2]) Сочин. Екатерины II, ч. II, стр. 310 (комедія: „Разстроенная семья“). Смотри также Словарь знаменитыхъ людей Бантышъ-Каменскаго.

[3]) „Смѣсь“, стр. 169.

„чтобы съ нимъ поцѣловаться, по той причинѣ, что не был
у него краснаго яйца; а приказалъ босому и въ одномъ пон
„точномъ камзолѣ проводить меня къ тетушкѣ. Двери у пе
„редней комнаты столь были низки, что я, зацѣпясь, прину
„ждена была спихнуть весь головной уборъ [1]). Тутъ се
„босоногой просилъ меня садиться на скамейку, а самъ пошел
„докладывати къ тетушкѣ, почему я и осталась одна, клен
„себя за сей проклятый пріѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ, н
„дождавшись тетушки. Наконецъ изволила она выплыть.
„похристосовавшись со мною красненькимъ яичкомъ, повел
„меня въ другую комнату, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣло
„грѣяхъ и въ связкахъ, а изъ нихъ одна домывала полъ,
„другая оправливала постелю. Дородная моя тетушка посадил
„меня на скамью и велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А как
„посланная за ними дѣвка сказала, что онѣ почиваютъ, то лі
„пообразная моя тетушка встала тотчасъ и пошла въ комнат
„(такъ называла она стоящій въ боку вымазанный хлѣвъ), в
„коей раздавался великій вопль. Дверь у ней не очень плотн
„была притворена, а сродное женщинамъ любопытство и по
„будило меня посмотрѣть, что дѣлается въ семъ чертогѣ. Там
„увидѣла я, что большія изъ ея дочерей убирались, а маленькі
„дѣтки, коимъ было лѣтъ по 10 и больше, производили играюч
„въ куклы и въ кубари ужасный визгъ; на печи же сидѣл
„слуга и плелъ для продажи лапти, а подъ печкою сидѣли в
„яицахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ гро
„зетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосах
„дочекъ. Онѣ были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и на
„сурмлены, имѣли волосы завитые по мужскому и назади при
„колотыя многочисленныя косы, а сверхъ всего того на голо
„вахъ изъ серебренаго флера лопасти". Всесильная мода про
крадывалась и въ семьи, привыкшія къ мелочной разсчетли
вости и неряшеству деревенской жизни, но въ какомъ не
опрятномъ видѣ появлялась она здѣсь! Дѣвицы „поцѣловались
„со мною также съ яицами, просили, чтобы я ихъ жаловала
„И когда, по разнообразнымъ комплементамъ, всѣ мы усѣлись
„то любезная моя тетушка приказала подать на *харитончик*

[1]) Мода требовала тогда носить чрезвычайно-высокіе головны
уборы.

моченыхъ яблокъ и брусники. А какъ сказала я, что ничего „того не хочу, то примолвила она: такъ не изволишь ли, пле-„мянушка, съ дочками моими покачаться и поскакать на доскѣ? „Я ей отвѣтствовала, что качаться и скакать боюсь; а она „сказала на то съ сердцемъ: „куда какъ ты, свѣтъ мой, вели-„катна, что тебѣ уже съ нашими дочерьми *невмѣстно* и кан-„панью водить, а въ этомъ нѣтъ никакого художества“. Мнѣ „надобно было извиниться, какъ можно лучше, почему и ска-„зала я, что не пѣжусь, а боюсь очень сего упражненія. Ра-„дость, сестрица, сказала большая ея дочь, ты вся по модѣ, „да у тебя же и *карасе* въ головѣ. Я спросила съ удивленіемъ: „что-бы такое значило харитончикъ и карасе? А меньшая ея „дочь на то и отвѣтствовала мнѣ такимъ образомъ: „полно из-„дѣваться, матушка! ты ужа французскую грамоту знаешь, а „не разумѣешь, что эта значитъ. Вотъ эта, сказала она, ука-„завъ на мой полумѣсяцъ, называется карасеемъ; а харитон-„чикъ я тебѣ тотчасъ покажу“. Потомъ кликнула она своего „босоногаго лакея и велѣла принести харитончикъ. Почему я „думала, что принесутъ какого-нибудь мальчика, называемаго „Харитономъ. Но разсудите о моемъ удивленіи, ибо въ то „время увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, „на которомъ было около пальца толщиною грязи и пыли“...[1])

„Пріѣхалъ ко мнѣ братъ мой, и какъ мы узнали, что со-„сѣдъ мой возвратился, пошли оба къ нему пѣшкомъ и взо-„шли по деревянной лѣстницѣ въ палаты. Но намъ сказали, „что палаты онъ отдаетъ въ наймы, а самъ живетъ въ хоро-„махъ на дворѣ“. Мы бы принуждены были брести по грязи, „смѣшенной съ навозомъ, черезъ весь немощеный дворъ, кото-„рый однако десятины полторы занималъ, если бы хозяинъ, „узнавъ, что мы къ нему идемъ, не выслалъ намъ на встрѣ-„чу на половинѣ пути, изъ учтивости, двухъ досокъ, изъ ко-„торыхъ попеременно, одну послѣ другой, какъ скоро съ сей „на ту ступимъ, передъ нами постилали. Итакъ по многотруд-„номъ проходѣ мы дошли до гнилаго крыльца. Онъ насъ самъ „встрѣтилъ въ замасленномъ тулупѣ, въ колпакѣ и безъ обу-„ви, у дверей, въ сѣняхъ величиною съ чуланъ, и ввелъ насъ

[1]) Стр. 385—9.

„черезъ весьма закоптѣлую и ничѣмъ необитую переднюю, ко-
„торой единственное украшеніе состояло въ нѣсколькихъ скамь-
„яхъ о трехъ ножкахъ, напослѣдокъ въ комнату, обитую бу-
„мажками. Здѣсь онъ просилъ насъ сѣсть и кликнулъ: малый,
„малый! Сей вбѣжалъ въ епанчѣ; голова нечесанная, и въ
„грязныхъ сапогахъ. Но онъ на него закричалъ: дуракъ, скинь
„епанчу... и мы увидѣли на немъ сѣрый суконный изодранный
„и вымаранный бострокъ съ мѣдными пуговицами. Принесли
„намъ соломенные стулья: мнѣ достался цѣлый, но братъ мой
„чуть сквозь стулъ не провалился, и для того принужденъ
„былъ сидѣть все время на одномъ краюшкѣ. Самъ хозяинъ
„сѣлъ поперегъ кровати, покрытой простынями, кои болѣе
„имѣли видъ сѣрой тафты, нежели бѣлаго полотна, и говорилъ
„намъ: „не прогнѣвайтеся, я человѣкъ не молодой; у меня ноги
„болятъ, я и чулковъ на нихъ терпѣть не могу", и, въ дока-
„зательство, раскрылъ тулупъ и показалъ намъ голыя ноги...
„Я очень радъ, что вы ко мнѣ пришли, чѣмъ-то мнѣ васъ
„подчивать? горѣлки вы не пьете, чаю, а у меня, окромѣ до-
„машняго, ничего нѣтъ". „Мы поблагодарили ему, и братъ
„мой началъ... говорить о своей нуждѣ. Онъ отвѣтствовалъ: ну,
„если такъ, прошу отобѣдать, и послѣ переговоримъ. Здѣсь
„онъ приказалъ на столъ набрать, а между тѣмъ у насъ спро-
силъ, чьи мы дѣти? и вспомнилъ, что онъ съ молода знался
„съ нашимъ отцомъ, говоря: вы вить гораздо неубоги; и я бы
„богатъ былъ, если бы всѣ пустоши мнѣ были отданы, о коихъ
„я дѣлъ имѣю „съ двадцать разныхъ, а въ тридцати и болѣе
„я уже получилъ отказъ; но я пошелъ въ третью апелляцію,
„авось либо удастся!... Послѣ того жаловался на дороговизну
„здѣшняго мѣста, и что домъ ему сталъ дорого Потомъ при-
„шли сказать, что кушанье поставлено Мы сѣли за столъ, по-
„крытый скатертью съ дырами; салфетки же по-крайней мѣрѣ
„уже служили за осмью обѣдами, да за столько-же ужинами.
„На оловянной посудѣ счесть можно было, сквозь сколько
„рукъ она прошла; ибо всякого пальца знакъ напечатлѣнъ на
„ней остался. Я попросилъ пить: принесли мнѣ стаканъ, хотя
„стеклянный, но чистотою подобный посудѣ, съ тѣмъ еще при-
„бавленіемъ, что рты, кои изъ него пили, тутъ-же означены
„были. Старикъ между тѣмъ кушалъ, не останавливаяся, грозя

и браня за всякую бездѣлицу слугъ; отчасти и насъ подчи„валъ. Тутъ намъ случай былъ увѣриться, какова велика есть „привычка, ибо то, что намъ казалося гадко и дико, ему и „непримѣтно было... Пришедши домой, услышалъ я, что онъ „ко мнѣ же присылалъ во время обѣда просить соли, яицъ, „пива, уксуса и тому подобнаго, что къ нему по сосѣдству и „отпустили“ [1]). „Смѣсь“ упоминаетъ о подобномъ же скопи„домѣ, который довольствовался одними деревенскими припа„сами, носилъ платье, доставшееся ему по смерти его пред„ковъ, и даже не поправлялъ сгнившей кровли своихъ хо„ромъ [2]).

Но ближе и нагляднѣе всего съ людьми стариннаго покроя знакомятъ насъ любопытныя письма, писанныя къ Ѳалалею; конечно, знакомятъ они насъ только съ темными сторонами ихъ характеровъ и убѣжденій, но такова задача сатиры. Выписки, приводимыя нами изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ, невполнѣ изображаютъ дѣйствительный бытъ; онѣ схватываютъ только тѣ черты, какія соотвѣтствовали ихъ сатирической цѣли. Свѣтлыхъ сторонъ жизни сатира не могла касаться; но, повторяемъ, ея живая и бойкая насмѣшка надъ недостатками общества не есть ли самое свѣтлое явленіе, которое лучше всякихъ похвалъ говоритъ за нравственное развитіе сатирической эпохи?

Письма къ Ѳалалею были напечатаны въ „Живописцѣ“. Приведемъ эти образцовыя комическія произведенія, изобличающія опытное перо:

а) Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну:

Сыну моему Ѳалалею. Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, чтобъ ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать [3]). Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку! пришло съ ума сойти. Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами такъ ру-

---

[1]) Стр. 91—95.

[2]) Стр. 123—4.

[3]) Намекъ на письмо къ Ѳалалею, еще прежде напечатанное въ „Живописцѣ“ (ч. I., изд. 2, стр. 105).

гались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки... Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать.— Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ я бы далъ себя знать Я бы и ее не послушалъ, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ и не жди никакой пощады... у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять пріити ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вить ты знаешь, что нынѣче время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частенько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова; такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой; тебѣ будетъ чѣмъ жить и опричь невѣстина приданаго; я накопилъ доволь-

но. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вить это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумны: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай! Да полно что тебя учить, ты вить не малой уже ребенокъ; пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе... Не испугайся, Ѳалалеюшка, у насъ нездорово; мать твоя, Акулина Сидоровна, лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ соборовалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: *Налетку* твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьего не взвидѣла; такъ и повалилась. А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло розыскивать, ~~и такъ надсадила себя, что~~ чуть жива пришла, и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлой жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другой мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Ѳалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава Богу, живы; авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мнѣ ужь эдакой жены не наживать. Охти мнѣ, пропала моя головушка! гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно Ѳалалеюшка, съ женою разставаться; я было уже къ ней привыкъ, тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку. Ну, да какъ безъ этого; живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того? Я крутъ больно, а она неуступчива, такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была[1]). Учись,

---

[1]) Сличи съ показаніями „Всячины“ (стр. 151) и „Полезнаго съ Пріятнымъ“ (III-й полумѣсяцъ, стр. 3).

сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все-таки живемъ вмѣстѣ, и мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

b) Письмо отъ матери къ Ѳалалею:

Свѣтъ мой, Ѳалалей Трифоновичъ! Что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала бы твоя головушка: вить ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? Ну, кабы ты, бѣдненькой, попался ему въ руки, такъ вить бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьего милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка, норовокъ-атъ у него, прости Господи, чертовской; ужъ я ль ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ, отдай письмо его напечатать; вить ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вить, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ; Богъ съ ними! у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо; наше лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хотя солги что-нибудь; вить это не какой грѣхъ, не чужаго будешь обманывать, своего роднаго; и всѣ дѣти не праведники, какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье; а я лежу на смертной постелѣ. Не умори ты меня безвременно; пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ: нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вить у меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? Кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живою; я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила, вить для тебя же, мой

свѣтъ; отецъ-атъ тебѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское, какъ не полакомиться, какъ не повеселиться; твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобъ забавляться; мы и сами съ молоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись; прійдетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ; только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши. Я это сдѣлала украдкою; кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюжжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ .. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ-за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда-нибудь тебя изуродуѐтъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги; плетью обуха не перебьешь...

c) Письмо дяди къ Ѳалалею:

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье... Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускъ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь, чай, ужь и не говоритъ; и при мнѣ-та такъ ужь черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тороватѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ, какъ жаръ вызолочены; а эта, братъ, Неопалима подлинно что не обожжетъ; и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужь по христіански. Дай Богъ всякому

такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужь я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вить уже ты въ гробъ глядишь. Такъ нѣтъ-ста, на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужь за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли; а послѣ привели было еще одного, да ужь и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ... Ну, Ѳалалеюшка! вить матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе; отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ такое повѣрье: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не надолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго[1]).

Отецъ Ѳалалея настаивалъ, чтобъ сынокъ его выходилъ въ отставку[2]); многіе же изъ деревенскихъ недорослей сами спѣшили воспользоваться этимъ правомъ дворянской вольности. Но, покидая службу, они имѣли въ виду праздное и безплодное препровожденіе жизни. Сатирическіе журналы, защитники труда и общенародной пользы, не могли равнодушно смотрѣть на подобное явленіе; они указывали на государственную службу, какъ главнѣйшую сферу, въ которой можно содѣйствовать народному развитію и общественному благу, и насмѣшливо отзывались о спѣшившихъ въ отставку трутняхъ:

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 163—173).

[2]) „Всячина“ упоминаетъ объ отцѣ, который говорилъ своему сыну: „ежели де я услышу, что ты пойдешь въ службу, то разсѣку тебя плетьми и собью съ двора долой“. При этомъ „Всячина“ прибавляетъ: „было-бъ не худо, хотя бы въ *новомъ уложеніи* сдѣлать какой-нибудь законъ для отцовъ, которые имѣютъ дѣтей въ совершенныхъ лѣтахъ“ (стр. 228—230).

„Съ тѣхъ поръ, какъ россійское дворянство подарено воль-„ностію, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подар-„ка; такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную „праздность, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ доказываютъ, что они „вольны. Свободное упражненіе таковыхъ людей достойно при-„мѣчанія, и дабы сіи полезные мужи забвенію преданы не бы-„ли, упомянемъ о нѣкоторыхъ не для примѣру, какъ жить „дворянину должно, но какъ жить ему не должно: Господинъ „*Отдыхаловъ* — сему дворянину не полюбилась служба, для „того, что надобно служить, а ему захотѣлось воли. Взялъ „отставку, уѣхалъ въ свое помѣстье, построилъ голубятню, на-„купилъ разнаго рода голубей, гоняетъ ихъ съ утра до вечера, „приманиваетъ чужихъ въ свое стадо, машетъ, свиститъ, и по „таковыхъ трудахъ спокойно засыпаетъ... Господинъ *Досуж-„никовъ*—родъ сего дворянина столь давно начало свое возъ-„имѣлъ, что никто не помнитъ, какъ они дворянами сдѣлались. „Батюшка его слыхалъ отъ своего батюшки, а тотъ отъ своего „дѣдушки, такъ какъ и дѣдушка отъ своего прадѣдушки, что „они дѣйствительно дворяне. Остаточный ихъ потомокъ, вѣдая „что онъ отъ такой высокопочтенной крови родился, не дослу-„жась далѣе, какъ до коммисарскаго чина, не разсудилъ болѣе „родъ свой безчестить малою степенью, пошелъ въ отставку, „легъ спать: не разбудите его, читатели: это заслуженный „офицеръ!... Не златой досугъ мы оскорблять намѣрены; онъ „драгоцѣненъ для тѣхъ людей, которые чувствуютъ долгъ „прямаго гражданина и подлиннаго сына отечества. Такіе люди „умѣютъ обращать свободное время своей жизни въ такую же „пользу, какъ и во время службы своей. Многіе то уже дока-„зали, и многіе вседневно доказываютъ, стараясь или о воспи-„таніи дѣтей своихъ, или о прямомъ домостроительствѣ, или „о изысканіи прямаго добра человѣческому роду; есть таковые „однако есть и подобные тѣмъ, о которыхъ мы упоминали, и „сіи конечно не могутъ инако почитаться, какъ всеобщею тя-„гостію [1]". Фонъ-Визинъ зналъ многихъ, которые тотчасъ же

[1] „Вечера" (изд. 2) ч. 1, стр. 55—60, 165; ч. 2, стр. 172—3. Комедія: „Воспитаніе", сочиненная въ 1744 году (печат. при московск. унив.): „благородный человѣкъ не для того называется сыномъ „отечества, „чтобъ только получать наслѣдія, и не для того пользуется „имѣніями,

выходили въ отставку, какъ добились права впрягать четверню

Однимъ изъ самыхъ обычныхъ и любимыхъ развлеченій деревенской жизни была псовая охота, на которую тратилось много и денегъ и времени; другіе любили смотрѣть гусиные и пѣтушьи бои и гонять голубей, предавались этимъ занятіямъ со страстью и въ нихъ убивали скуку, порождаемую праздностью. „Всякая Всячина“ насмѣхается надъ тѣми, которые оставляя городъ, спѣшатъ въ деревни и въ сотовариществѣ стаи собакъ стараются время свое употребить на оборону куръ и коровъ отъ лисицъ и медвѣдей, или, что бываетъ чаще гоняются за зайцемъ, который никогда не бывалъ съ ними въ ссорѣ [2]). Сатирическіе журналы рисуютъ намъ нѣсколько любопытныхъ портретовъ такихъ господъ, съ которыми мы и познакомимъ теперь нашихъ читателей. Вотъ господинъ лѣтъ сорока-пяти; будучи небогатъ, онъ живетъ у своего брата, который за женою взялъ хорошее приданое, и смотритъ у него за охотою; во всемъ государствѣ нѣтъ охотника, который бы съумѣлъ лучше его напустить собакъ и перескакать зайца. Сверхъ того, онъ умѣетъ дѣлать изъ щепокъ мельницы и бумажные корабли, и за такія добрыя качества вездѣ хорошо принятъ и со всѣми сосѣдями коротко знакомъ. Онъ вымѣниваетъ собакъ своихъ друзей, живущихъ на разныхъ краяхъ уѣзда, и особенно любимъ молодыми людьми, проживающими въ деревнѣ которымъ онъ иногда даритъ сѣти или своры своей работы, а иногда лягавую собаку, которую самъ воспиталъ; „иногда же матерямъ или сестрамъ даритъ чулки и подвязки, имъ вязанныя, и забавляетъ ихъ вопросомъ „при всѣхъ случаяхъ свиданія: каково *носки* его чулки?“ [1]). Вотъ еще деревенскій трутень; онъ живетъ въ селѣ; „домъ „господской дѣдушка его построилъ было на время, но они „такъ въ немъ обжились, что „новаго и по сіе время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣлами, а именно: пилъ, ѣлъ и спалъ „а сынокъ къ строенію не имѣетъ охоты, но вмѣсто того упраж-

„чтобъ наслаждаться токмо оными, и не служить своему отечеству, а „наипаче въ такое время, когда отечество службы требуетъ“ (стр. 54; также стр. 67—68).

[2]) Стр. 320.

[1]) „Барышокъ Всяк. Всяч.“, стр. 481—3.

няется въ весьма полезныхъ дѣлахъ, ибо онъ изыскиваетъ: можетъ ли боецъ „гусь побѣдить на поединкѣ лебедя, ради чего выписываетъ „изъ Арзамаса самыхъ славныхъ гусей, и платитъ за нихъ „по двадцати, по тридцати и до пятидесяти рублей за каждаго". онъ имѣетъ также бойцовъ-пѣтуховъ и содержитъ огромную псовую охоту, и положенный на него сосѣдями за помятіе ихъ хлѣба оброкъ каждый годъ платитъ безпомочно [1]). „Трутень" упоминаетъ еще о сынкѣ одного приказнаго, который лазилъ по голубятнямъ, гонялъ голубей, держалъ пѣтуховъ для бою и выкармливалъ разнаго родо собакъ [2]); а „Щепетильникъ" разсказываетъ объ одномъ *молодчикѣ*, который не могъ письма написать безъ помощи дядьки, но за-то знатокъ былъ и въ голубяхъ, и въ собакахъ; страсть къ нимъ простиралась у него до того, что однажды, парившись въ банѣ и увидя изъ окна стаю голубей, бросился благимъ матомъ на будку, схватилъ шестъ и нагой началъ гонять своихъ голубей [3]).

Особенною характерною чертою старинныхъ людей, выросшихъ въ глуши, было суевѣріе, наследованное ими отъ глубокой древности. Суевѣріе это было естественно въ людяхъ, прожившихъ вѣкъ среди глубокаго невѣжества и мелочныхъ интересовъ; они плохо понимали требованія истинно-нравственныхъ побужденій. Подобныя явленія должны были дать обильную пищу современной сатирѣ и комедіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху разсматриваемыхъ нами журналовъ много еще попадалось въ обществѣ такихъ простаковъ, которые готовы были искать кладовъ, разрывъ-траву и косточку-невидимку [4]), серьезно боялись колдуновъ и мертвецовъ, и были убѣждены, что по ночамъ домовые собираются въ погребахъ и конюшняхъ [5]), отъ души вѣрили, что старинныя примѣты, сны и ворожба на бобахъ, кофе и картахъ, непремѣнно сбываются, что бѣда отъ дурной встрѣчи неминуема, что просыпанная соль и тринадцать человѣкъ за столомъ пред-

---

[1]) „Трутень" 1769, стр. 124—5.

[2]) 1769, стр. 202.

[3]) Стр. 103—4. См. письма къ Ѳалалею в „Сочин. Екатер. II", ч. 2, стр. 247 („Имянины г-жи Ворчалкиной").

[4]) „И то и сё", недѣл. 29, 30.

[5]) „Смѣсь", стр. 283.

вѣщаютъ бѣду и смерть, что когда чешется ладонь—это зна-
читъ: скоро считать деньги, и проч. [1]); были и такіе, которые
въ болѣзняхъ, вмѣсто лѣкарей, обращались къ ворожеямъ,
какъ это свидѣтельствуютъ письма къ Ѳалалею. „И то и се"
разсказываетъ о такихъ родителяхъ, которые, видя, что сынокъ
ихъ плохо учится грамотѣ, обращались къ колдунамъ, истра-
тили много денегъ, но толку не добились, и неучъ остался по
прежнему неучемъ [2]). Осуждая эти ходячіе предразсудки, жур-
налы стараются въ своихъ небольшихъ, но мѣтко-направлен-
ныхъ разсказахъ представить всю смѣшную и вредную ихъ
сторону:

„Ѣздилъ я недавно обѣдать за Москворѣчье къ одному
„знакомому мнѣ человѣку. Съ неудовольствіемъ увидѣлъ я весь
„домъ его въ великомъ уныніи. Я навѣдывался, что тому при-
„чиною, и получилъ на то отвѣтъ, что жена его видѣла дурной
„сонъ, который ему, ей, или дѣтямъ грозитъ какимъ-то не-
„счастьемъ. Она мнѣ казалася въ столь глубокой печали, что
„она бы произвела во мнѣ много сожалѣнія, еслибъ я напередъ
„не узналъ причины. Мы сѣли за столъ... Меньшій ихъ ма-
„ленькій сынъ, который сидѣлъ въ концѣ стола, зачалъ гово-
„рить: матушка, въ понедѣльникъ зачну я склады.—Въ поне-
„дѣльникъ? вскричала мать, сохрани Богъ! съ понедѣльника
„не начинаютъ. Скажи пономарю, чтобы со вторника началъ.
„Пока я мысленно дивился, что нашелъ особу, коя желала
„установить правиломъ — потерять въ недѣлѣ одинъ день,
„хозяйка просила меня подать ей соль. Я, спѣша сдѣлать ей
„сію угодность, отъ скорости и робости уронилъ на половинѣ
„дороги солонку. Увидя сіе несчастіе, она затряслась и тотчасъ
„примѣтила, что соль просыпалася прямою дорогою къ ней.
„Я самъ оробѣлъ и стыдился, что я у всѣхъ произвелъ то-
„ликій страхъ. Хозяйка, немного опомнясь, вздыхая, мужу
„сказала: голубчикъ, одно несчастіе безъ другаго не бываетъ,
„вспомни, что голубятня наша обвалилась въ тотъ же день,
„какъ дѣвка просыпала соль на столѣ. Помню, отвѣтствовалъ
„мужъ; а на другой день получили мы извѣстіе о цорндорфской

---

[1]) „Всячина", стр. 240. „Вечера", ч. I (изд. 2), стр. 76.
[2]) „И то и сё", недѣл. 42; „Живописецъ", ч. I (изд. 2), стр. 167.

„баталіи... Читатель представить себѣ можетъ мое трудное со-„стояніе при сихъ разговорахъ. Я спѣшилъ наѣсться съ пас-„мурнымъ видомъ. При концѣ стола я положилъ на своей „тарелкѣ ножъ и вилки ненарочно на-крестъ. Но хозяйка про-„сила меня, чтобъ я оные положилъ рядомъ... Я скоро потомъ „узналъ изъ обхожденія сея госпожи, что она меня принимала „за человѣка страннаго и за предвѣстника несчастій. Итакъ, „кой часъ отобѣдалъ, я простясь уѣхалъ домой и, запершись „въ своей комнатѣ, размышлялъ: сколько безпокойства люди „сами себѣ наносятъ глупыми выдумками, иногда обращая „самыя простѣйшія приключенія во вредныя себѣ примѣты, „и страдая заподлинно отъ таковыхъ пустыхъ вымысловъ. „Я зналъ человѣка, который ночь цѣлую не спалъ отъ того, „что увидѣлъ сѣверное сіяніе. Иногда крикъ вороны болѣе „тревоги въ домѣ производилъ, нежели смерть невѣстки. По-„слѣдняя бездѣлица бываетъ страшилищемъ ужаснымъ сею бо-„лѣзнію зараженнымъ мыслямъ. И тогда старый заржавѣлый „гвоздь и кривая булавка принимаются за диво. Я помню, „какъ былъ я одиножды въ бесѣдѣ, гдѣ веселье и удовольствіе „отовсюду блистало до тѣхъ поръ, пока одна старушка не при-„мѣтила, что насъ сидѣло тринадцать за столомъ. Услыша сіе, „многія женщины испугавшися вскочили изъ-за стола, и по-„бѣжали вонъ изъ комнаты. Но одинъ изъ моихъ знакомыхъ „далъ примѣтить, что тутъ же была его беременная сожитель-„ница, и что насъ не тринадцать, но четырнадцать, сказавъ „притомъ, что не токмо нѣтъ никакія примѣты убыли чрезъ „смерть, но явное еще предсказаніе прибыли будущимъ рожде-„ніемъ его жены оказуется... Я знаю дѣвицу, коя имѣетъ при-„падки болѣзни... Она въ одномъ знатномъ домѣ *въ теткахъ* „*живетъ*, предсказывая отъ начала года до конца. Она видитъ „всегда сны, она предвѣщаетъ смерть, войну и миръ. Нѣсколько „дней тому назадъ, какъ она было съ ума сошла отъ того, что „дворная собака лаяла, когда у нея зубы болѣли. Она выслала „дѣвку смотрѣть, лаетъ ли собака, подымая рыло, или опуская „голову въ землю. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака со „двора ушла; и то было бѣда“ [1]).

---

[1]) „Всячина“, стр. 17—21.

Приведемъ и другой разсказъ: „Жилъ нѣкогда со мно
„въ одномъ домѣ отставной капитанъ, человѣкъ честной, но суе-
„вѣръ большой; просилъ онъ не о чемъ (то-есть о чемъ-то)
„нѣкотораго знатнаго господина, которой приказалъ ему прійти
„по утру къ себѣ и обѣщалъ тогда сдѣлать съ нимъ милость
„По разсвѣтаніи дня одѣлся онъ попорядочнѣе и пошелъ полу-
„чить свое счастіе. Какъ только вышелъ за ворота, то по-
„пался ему встрѣчу монахъ, отъ чего перемѣнился въ лицѣ и
„воротился домой весьма съ безпокойными мыслями. Посидѣвъ
„нѣсколько, пошелъ онъ опять, и какъ только появился на
„улицѣ, то повстрѣчался съ нимъ попъ, отъ чего пришелъ
„онъ въ пущее безпокойство, и воротившись домой не хотѣлъ
„уже идти въ тотъ день . . . Нужда же его была больше, не
„жели примѣчаніе, и такъ принужденъ онъ былъ идти; тутъ
„попалася ему дѣвка, которая несла на коромыслѣ полныя вед
„ра воды. Увидя сіе, онъ разсмѣялся и сказалъ съ радостію
„здраствуй, красавица! и та пожелала ему благополучнаго пути
„и это былъ добрый знакъ, что полныя ведра. Однако за встрѣ-
„чами опоздалъ и не получилъ ни того, ни сего. Еще случи-
„лось мнѣ видѣть: нѣкогда приказной служитель, который чащ
„бывалъ въ кабакѣ, нежели въ приказѣ, слѣдовательно всякую
„минуту ожидалъ правильнаго за то наказанія, одѣвшись за-
„стегнулъ камзолъ черезъ пуговицу, и когда усмотрѣлъ оное
„то сказалъ, что быть ему въ тотъ день или пьяному или би-
„тому, что и была дѣйствительная правда: по утру его высѣкли
а къ вечеру, съ горя, напился онъ пьянъ“ [1]). Суевѣрныя при-
мѣты рождали много комическихъ положеній, которыми пре
красно воспользовалась императрица Екатерина Великая въ
своей комедіи: „О, время!“ [2]).

Такія насмѣшки, разумѣется, принимались стариками и
старухами весьма неблагосклонно и вызывали странныя обви
ненія, падавшія на голову насмѣшниковъ. „Да онъ ни во что
„не вѣруетъ! повторяли они о невѣрующемъ въ примѣты. Ни
„предвѣщанія, ни 13 человѣкъ за столомъ, ниже найденныя
„безъ ушковъ иголки и безъ головъ булавки ни во что не ста-

[1]) „И то и сё“, недѣля 8.
[2]) „Сочин. Екатер. II“, ч. II, стр. 22, 25, 47, 50 (изд Смирдина).

„витъ. Инако бы онъ говорилъ, если бы зналъ, какія предвѣ„щанія о нынѣшней войнѣ были. Помнишь ли ты, свѣтъ мой, „какъ поставецъ нашъ среди бѣлаго дня подломился и посуда „вся разбилась? .. Но ставятъ ли они то во что, и знаетъ ли „онъ полно еще, что есть лѣшій или домовой?“ [1]).

Въ старой комедіи: „Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью“ цѣлая сцена основана на суевѣріи:

Суевѣрова. Я всю ноченьку хоть бы на волосъ . . .

Благоразумова. Что? вы конечно занемогли?

Суевѣрова. Нѣтъ, матушка, домовой всю ночь не далъ спать, все продавилъ, и вотъ теперича такъ грудь . . . ну, вотъ вздохнуть не дастъ, и бока болятъ, а спина такъ не слышится; со мною это бывало и прежде, да все-таки не такъ, а нынче изъ рукъ вонъ!

Благоразумова. Полно-те, сударыня; какой домовой! . . . ихъ нѣтъ. Это у васъ остановленіе крови въ нѣкоторыхъ тонкихъ жилахъ; это со всѣми случается.

Суевѣрова. Полно, мой свѣтъ, какъ тебѣ не стыдно? грѣшишь, будто домовыхъ нѣтъ; безъ нихъ, сударыня, домъ стоять не можетъ, не только домъ, да и конюшня. Скажу тебѣ: у покойника батюшки была бурая лошадь. Сперва она была всѣхъ жирнѣе, такъ что этому, бывало, весь домъ не надивится. Потомъ вдругъ та-же лошадь стала хоть на дровни положи; стали думать, отъ чего бы, и наконецъ примѣтили, что ее проклятой домовой всякую ночь мучитъ, а послѣ, окаянной, и подъ ясли ее подобьетъ, такъ что насилу, бывало, бѣдная отдохнетъ . . . Да полно, что съ вами говорить, вы нонче ничему не вѣрите . . .

---

[1]) „Всяк. Всячина“, стр. 370—1. *Молокососовъ*: „Ханжихина разсказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея супруга пѣтухъ снесъ яйцо, но и дни за три кузнечикъ въ стѣнѣ безъ „умолка стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что „супругъ ея умретъ, и потому, не упуская времени, къ смерти приготовить его велѣла. Я, слыша эдакій вздоръ, не могъ удержаться, и „громко захохоталъ: господинъ Непустовъ также не преодолѣлъ себя... „Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, плевать и одуваться, вдругъ и въ одинъ голосъ кричать и бранить насъ, называя насмѣшниками, безбожниками, басурманами“. (О, время!“ — въ „Соч. Екат. II“, ч. 2, стр. 35—36). См. также комедію „Подражатель“. стр. 12.

Воля ваша, васъ испортили учителя; они въ васъ эту ерес
вселили, чтобы ничему не вѣрить *).

Періодическое изданіе „Поденьшина“ нѣсколько листков
своихъ посвятила разсказамъ о ворожеяхъ (знахаряхъ), кото-
рые занимаются лѣченьемъ различныхъ недуговъ нашептыва-
ніемъ; отъ сглазу обливаютъ сквозь рѣшето холодною водою—
средство, употребляемое ими и противъ лихорадки. Если лихо-
радка отъ того не проходила, тогда, чтобы прогнать болѣзн
знахари привѣшивали на шею больнаго записку, въ которо
означались имена двѣнадцати сестеръ-лихоманокъ, или прибѣ-
гали къ другимъ столь же вѣроятнымъ средствамъ, каковы
змѣиный выползокъ (шкурка, оставленная змѣею) и сухая тра-
ва, которая растетъ въ лѣсу или на поляхъ въ костяхъ лоша-
диныхъ головъ. Со словъ одного изъ такихъ знахарей „По-
деньшина“ сообщаетъ слѣдующій суевѣрный разсказъ:

„Въ деревнѣ своей я былъ лѣсникомъ: должность наша та-
„кая, чтобъ день спать, а ночь ходить по лѣсу. Въ деревнях
„не одни крестьяне, но многіе и господа, а особливо пожилы
„старушки думаютъ объ насъ, что мы *не просты*, что нам
„непремѣнно надобно знаться съ лѣшими, такъ-какъ мельни-
„камъ съ чертями. Иногда на пиру для лишняго стакана праз-
„ничнаго или свадебнаго кислаго пива и разскажешь како-
„нибудь съ лѣшимъ свиданье или ссору, крикъ по лѣсу рус-
„локъ и разные страхи: послѣ все это и разсказывается
„новость и для препровожденія времени госпожамъ. Иные с
„мымъ лучшимъ почитаютъ утѣшеніемъ, чтобъ слушать толь
„про колдуновъ и про мертвецовъ, и всему тому вѣрятъ.
„Въ одинъ день бывши на праздникѣ, вечеръ и ночь я пр
„спалъ, а проснувшись на разсвѣтѣ, чтобъ показаться прикащ
„ку, что я иду изъ лѣсу, взявъ свой топоръ, ножъ и рогат
„ну, которую имѣемъ мы для опасности отъ медвѣдей, пошел
„я въ рощу. Идучи увидѣлъ на деревѣ сороку; хотя она м
„никакой помѣхи не дѣлала, но только чтобъ позабавиться
„вспорхомъ, ударилъ я обухомъ по дереву, на коемъ она с
„дѣла. Въ тотъ самой мигъ я окаменѣвъ повалился на зе

*) „Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью“, комедія Михайлы Пра
дина, лейб-гвардіи офицера и члена вольнаго россійскаго собранія. П
чатана при московск. университ. 1774 года, стр. 9—11, 25—26.

„лю... лежалъ безъ памяти, пока не разбуженъ былъ отъ „того нѣкакою старухою. Очнувшись, увидѣлъ я ее и подлѣ „кожу съ перьями, какъ будто только что содрана съ сороки. „Опомнись, не бойся, говорила старуха; хотя ты мнѣ и доса- „дилъ, но я на тебя не сержусь, зная, что это сдѣлалъ ты не „вѣдаючи; однакожъ впередъ сорокъ не замай.—Помилуй, по- „щади меня, ваша милость могучая вѣдьма! говорилъ я ей въ „страхѣ и трепетѣ.—Не называй меня такъ, сказала она; это „имя намъ противно, а говори: знатоха или ворожея". Лѣсникъ повелъ вѣдьму въ свою хату. „Идучи разсказала мнѣ старуха, „что была она гдѣ-то на высокихъ горахъ, куда колдуньи со „всего свѣта всякую ночь, оборачиваясь въ сорокъ и воронъ, „слетаются и пируютъ. Откуда летѣвъ назадъ, захотѣлось ей „отдохнуть; она сѣла на то дерево, по которому я ударилъ и „нечаянно попалъ на сукъ, а когда закроется сукъ какого-ни- „будь дерева или доски, то никакая ворожейная сила тогда „не дѣйствуетъ, и отъ того-то упала она съ дерева и стала „опять человѣкомъ. Пришедши ко мнѣ домой, подчивалъ я ее „всѣмъ тѣмъ, что у меня сыскаться могло. Сидя за столомъ, „съ глазъ она не спускала молодую мою невѣстку, а та была „брюхата и почти на сносяхъ. У насъ часто случается, что „вѣдьмы ребятъ выкрадываютъ [1]); испугался того я и о своей „невѣсткѣ; выславъ ее на часъ вонъ, самъ повалился старухѣ „въ ноги, чтобъ пощадила она моего внука или внучку. Хлѣбъ- „соль твоя меня къ тому не допуститъ, сказала она; и не „только чтобъ самой что сдѣлать, да и другихъ не допущу... „Поѣдемъ ко мнѣ, я на вѣкъ сдѣлаю тебя съ хлѣбомъ.—Тот- „часъ запрегъ я свою лошадь въ телѣгу и повезъ колдунью „къ ней домой. Тутъ-то натерпѣлся я страху отъ звѣрей, змѣй „и всякихъ гадовъ, которые мнѣ казались въ пустой клѣти, „куда она меня заперла. Однакожъ выучила она меня загова- „ривать кровь, лѣчить шоптомъ всякія болѣзни, приворачивать „людей, отгонять лихорадку и отпускать свадьбы, безъ чего „ежели случится обиженный какой-нибудь нашъ братъ колдунъ,

---

[1]) Ханжихина: „какъ шестнадцатымъ-то была я брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка, а вложили камешекъ, и я помню. съ какимъ великимъ болемъ его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой; каковъ ни есть, да милъ, такъ какъ и настоящее дитя". (Комед. „О, время!"— въ „Соч. Екатер. II", ч. 2, стр. 53).

„напримѣръ: обнесутъ его стаканомъ или сдѣлаютъ другую „какую досаду, то всю свадьбу оборотитъ онъ волками. Сколько „я видалъ такихъ оборотней волковъ и волчицъ, бѣгающихъ „цѣлыми стадами по полямъ, такъ что смотрѣть на нихъ жалко, „а пособить нельзя; надобно тому же, кто ихъ оборотилъ, да „и тотъ иногда уже не можетъ, если онъ ихъ на вѣкъ сдѣлалъ „такими... Сколько видѣлъ я у ней приворотныхъ кореньевъ, „двойчатокъ-орѣховъ, траву о четырехъ листкахъ, которая „ростетъ всегда о трехъ, а наудачу такую находятъ, какая у „ней. Траву и орѣхи даетъ она многимъ за деньги носить для „счастья... Объявляла о силѣ своей надъ мѣсяцемъ, что она, „когда захочетъ, можетъ его свести съ неба и запереть къ „себѣ въ коникъ съ своими горшками... Получа знанія отъ „вѣдьмы, дѣлалъ я великія дѣла въ своей деревнѣ и во всемъ „уѣздѣ, исцѣлялъ всякія болѣзни и порченныхъ людей, находилъ „пропажи и узнавалъ кто укралъ, отгадывалъ напередъ, что „съ кѣмъ сдѣлается, кто сколько проживетъ, будетъ ли богатъ „или счастливъ, когда будетъ какая непогодь, да и самъ ма„ленькія изморози дѣлывалъ“. Стали брать его и по господамъ, „тогда лѣсникъ-знахарь отпросился на оброкъ и, таскаясь по „многимъ городамъ, не могъ пожаловаться на свою добычу [1]).

Въ описываемое время большимъ довѣріемъ пользовалось гаданье на кофе. Гаданье это, по справедливому замѣчанію „Смѣси“, не было извѣстно въ старину, ибо тогда не знали и не употребляли кофе. „Нынѣ же сей напитокъ служитъ къ „предсказанію, какъ у язычниковъ внутреннія части жертвъ, „приносимыхъ идоламъ. Тогда лгали жрецы, а теперь шатаю„щіеся по свѣту бродяги находятъ въ кофейной гущѣ изобра„женіе любовниковъ, предвѣщаніе счастія, видятъ похороны.., „словомъ, разсказываютъ всякія нелѣпости. Слабые умы тому „вѣрятъ и платятъ деньги за то, чтобъ ихъ такъ безсовестно „обманывали. Сими отгадчиками бываютъ обыкновенно старухи

---

[1]) Стр. 36—49, 52—54. Татищевъ разсказываетъ: „я не весьма давно отъ одного знатнаго, но не разсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался. Въ 1714 году... въ Украйнѣ заѣхалъ къ фельдмаршалу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася“.

„которыя, навѣдавшись отъ слугъ о домашнихъ обстоятельствахъ, „смотрятъ въ кофе и предвѣщаютъ ихъ господамъ счастіе и несчастіе“ [1]). Сборище такихъ побродягъ не любитъ кормиться честнымъ трудомъ и, не имѣя смѣлости что-либо похищать, чтобъ не понесть за то наказанія, обираетъ деньги у простодушныхъ суевѣровъ. Когда приказываютъ позвать гадальщицу, то обыкновенно предлагаютъ ей вопросы, „напримѣръ, *Скупя-„гина* спрашиваетъ, кто укралъ серебреную ложку? *Безплодова*: „будетъ ли она имѣть дѣтей? *Страстолюбова*: вѣрно ли лю-„битъ ея полюбовникъ? *Щеголихина*: скоро ли умретъ ея „мужъ-картежникъ? и такъ далѣе. Тогда должно сварить кофій, „и сіе уже само по себѣ разумѣется, что поднесутъ ей большія „двѣ чарки водки, чтобы возбудить симъ въ ней болѣе пред-„сказательнаго духа. Потомъ нальетъ почти половину чашки „густаго кофію, и болтаетъ его кругомъ иногда съ важнымъ, „а иногда съ пронырливымъ видомъ троекратно, чтобъ кофій „внутри повсюду присталъ. Между кофегадательницами есть еще „въ томъ несогласіе: надлежитъ ли послѣ троекратнаго болтанія „дуть въ чашку или нѣтъ... Послѣ сего ставитъ чашку обернутую „на столъ, чтобы кофій изъ нея вылился, поворачиваетъ ее еще два „раза, дабы троекратнымъ движеніемъ ничего-незначущій кофій „вонъ выбѣжалъ, (и) чтобъ предсказательныя части кофія въ „чашкѣ однѣ прилипшими остались“. Потомъ „поднимаетъ „чашку вверхъ и въ нее смотритъ. Вопрошающія особы стоятъ „передъ сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. „Наконецъ открываетъ она ротъ свой и предсказуетъ, напри-„мѣръ: воръ, похитившій ложку, имѣетъ чорные волосы. Во-„прошающая отвѣчаетъ: такъ, это правда; я знала ужь давно, „что Ванька воръ. Чашкогадательница получаетъ полтину, „иногда рубль и болѣе, и потомъ уходитъ домой. По выходѣ „гадательницы, вопрошавшая призываетъ Ваньку, приказы-„ваетъ принести плети и батожье; спрашиваетъ его, куда онъ „дѣвалъ ложку, и приказываетъ, чтобы онъ немедленно при-„знался. Ванька божится, клянется и увѣряетъ ее, что онъ „ложки не крадывалъ: но божбамъ его не вѣрятъ. Боярыня „его ругаетъ; и лицо его, кажется ей, изобличаетъ его въ

---

[1]) Стр. 383—4.

„покражѣ. Ваньку сѣкутъ безъ пощады; долго онъ терпитъ „напрасное мученіе и говоритъ правду; но наконецъ начинаетъ „лгать; онъ признается въ покражѣ ложки, сказываетъ, что ее „продалъ и пропилъ... Боярыня Ваньку своего еще наказываетъ „отнятіемъ жалованья и кормовыхъ денегъ, чтобы возвратить „свою пропажу и то, что заплачено кофегадательницѣ. Ванька „изъ добраго человѣка по нуждѣ становится воромъ, окрады- „ваетъ свою госпожу, уходитъ, проматываетъ, попадается; его „отдаютъ въ приказъ; покраденое пропадаетъ, а Ваньку яко „вора посылаютъ на каторгу". [1])

Суевѣрныя повѣрья и примѣты тѣсно связываются, по преданію, съ народными праздниками и семейными церемоніями при родинахъ, крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Чулковъ коснулся этихъ народныхъ праздниковъ и семейныхъ церемоній, и сообщилъ нѣсколько живыхъ и любопыхъ этнографическихъ свѣдѣній въ своемъ журналѣ „И то и сё". Ему первому принадлежитъ счастливая мысль собрать народныя повѣрья и записать ихъ, хотя онъ и не предчувствовалъ, какъ мастерски воспользуется впослѣдствіи подобными матеріалами историко-филологическая критика, и какіе знаменательные сдѣлаетъ выводы о внутреннемъ бытѣ доисторической эпохи. Сообщимъ нѣкоторыя изъ собранныхъ Чулковымъ свѣдѣній, передаваемыхъ журналомъ „И то и сё" съ свойственною ему легкою насмѣшливостью.

Святки нераздѣльны съ гаданьями. На этотъ праздникъ по захожденіи солнца, изъ разныхъ домовъ собираются дѣвушки въ одну, назначенную ими комнату, берутъ красное деревянное блюдо, покрываютъ его большою салфеткою, кладутъ на салфетку небольшой кусокъ хлѣба и уголь. Потомъ дѣвушки загадываютъ на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, касаются ими краевъ блюда и кладутъ ихъ подъ салфетку. Затѣмъ усаживаются всѣ рядомъ и запѣваютъ *пѣснь хлѣбу*, а окончивъ пѣніе, ломаютъ хлѣбъ и дѣлятъ кусочки между собою. Эти кусочки завертываютъ онѣ въ рукавъ и послѣ спятъ съ ними, чтобъ пригрезились вѣщіе сны. Тогда начинаютъ пѣть подблюдныя пѣсни: „Идетъ кузнецъ

---

[1]) „Живописецъ", ч. I (изд. 2), стр. 136—9.

изъ кузницы", „Сѣй, мати, мучицу, пеки пироги", и проч. [1]); за каждой пѣснію вынимаютъ изъ блюда вещи и, по значенію пѣсенныхъ словъ, гадаютъ о судьбѣ той, чья вещь вынулась. Окончили подблюдныя пѣсни—надо идти въ пустую комнату, гдѣ поставлено на столѣ зеркало, а по сторонамъ его зажжены свѣчи; дѣвушка садится передъ нимъ и загадываетъ: „суженый, ряженый, покажися мнѣ въ зеркалѣ!" [2]) Зеркало начинаетъ тускнѣть, и дѣвушка протираетъ его нарочно-приготовленнымъ полотенцемъ. Наконецъ суженый явится и станетъ изъ-за ея плечъ смотрѣться въ зеркало; разсмотрѣвъ его черты, дѣвица кричитъ: „чуръ сего мѣста!" и нечистый пропадаетъ. Въ одномъ многолюдномъ селѣ у богатаго помѣщика справлялись святки. Хозяину вздумалось покататься на нечистыхъ, а это дѣлается такимъ-образомъ: дѣвушки берутъ воловью кожу, несутъ ее къ проруби, разстилаютъ и, очертивъ вокругъ нарочно-приготовленнымъ для того огаркомъ, садятся на нее. Изъ проруби должны выйти водяные и возить ихъ, сколько угодно. Хозяинъ, его полюбовница и еще одна дѣвушка усѣлись на кожу у проруби; минуты черезъ двѣ, откуда ни возьмись, выскочили четверо ребятъ, ухватили за кожу и начали таскать ее по всѣмъ сторонамъ. Поутру хозяина нашли въ лѣсу; голова у него болѣла и бока страдали. Возили его не водяные, а люди, подосланные его соперникомъ. Любовница его очутилась въ своей деревнѣ въ добромъ здоровьѣ и, припоминая этотъ случай, хохотала [3]).

Другіе народные праздники описаны Чулковымъ въ шуточныхъ стихахъ. Онъ начинаетъ съ святой недѣли и круглыхъ качель, на которыхъ вертится нашъ *непудреный* народъ:

Земля отъ топоту шатающихся стонетъ
И всякій мѣщанинъ въ винѣ и пивѣ тонетъ,
Тюльпаны красные на лицахъ ихъ цвѣтутъ
И розы на устахъ поблеклыя ростутъ.
Тутъ царствуютъ игры, пріятности и смѣхи;
Началомъ ихъ любви каленые орѣхи:

---

[1]) Чулковъ напечаталъ при этомъ двадцать подблюдныхъ пѣсенъ.

[2]) Или: собираютъ въ пустой комнатѣ два прибора для ужина, но безъ ножей; дѣвица зоветъ: „суженой - ряженой, приди ко мнѣ ужинать!"

[3]) Недѣли 47—50.

Бросаетъ Адонисъ съ качели ими внизъ,
Съ улыбкой говоритъ: сударушка, склонись;
А та отвѣтствуетъ ему пріятнымъ взоромъ.

Любовь подтверждена, и онъ уже качаетъ свою красавицу на качеляхъ и подчуетъ ее изюмомъ и клюквою. Въ толпѣ продирается пьяный *гражданинъ*, толкаетъ *дамъ* ладонью и кулаками, такъ-что имъ приходится приводить снова въ порядокъ свои платки, кофты и шугаи. Но является защитникъ и даетъ обидчику щедрые тузы.

Великая лежитъ яицъ въ народѣ куча;
Съ пригорка покатитъ веселый молодецъ,
Разбито яицо, добьетъ его въ конецъ;
По грязи безъ скорлупъ таскаютъ и мараютъ.
Куда же яицы сіи употребляютъ?..
О вкусѣ молодцы не разсуждаютъ строго,
Въ Санктпетербургѣ же воды гораздо много.

А вотъ кулачный бой:

. . . Мальчишки начинаютъ,
Другъ друга по щекамъ ладонями щелкаютъ;
Не въ зубы юноша, но мѣтитъ парня въ глазъ,
А отрокъ отроку даетъ получше разъ:
Въ минуту славное сраженіе явится,
Не рвется воздухъ тутъ и солнышко не тмится,
Щелканіе, тузы валятся такъ, какъ градъ,
Ланиты, носы, рты и зубы зазвенятъ.
Не огнестрѣльное оружіе пылаетъ,
Тутъ витязь кулакомъ противныхъ поражаетъ.

Съ побитыхъ валятся шапки; со всѣхъ сторонъ большая похвальба, кричатъ: взяла! взяла! „Пошелъ по брюху звонъ, какъ въ добрый барабанъ" и всѣ смѣшались.

Хоть послѣ пять недѣль отъ битвы отдыхаютъ,
Однакъ съ охотою опять въ битву вступаютъ;
Охотно мучатся, но если ночь наста,
Тогда и ихъ раздоръ, какъ прочихъ брань, преста.
Крылята, Бузники, московскіе герои,
Не здѣсь [1]) они, но тамъ (въ Москвѣ) бурлацки водятъ строи.

---

[1]) Въ Санктпетербургѣ.

Семикъ описываетъ Чулковъ въ такихъ стихахъ:

Да что-жъ за крикъ такой народы затѣваютъ?
Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣваютъ?
Вить только-что теперь во градѣ развѣло
И солнце изъ-за горъ недавно какъ взошло;
Я чаю многіе отъ сна не пробудились,
Которые вчерась по рощамъ веселились.
Трактирщики теперь еще ложатся спать;
Хоть цѣловальникамъ вы дайте, матки, встать.
Постойте, дѣвушки, вить рано забавляться;
Позвольте съ разумомъ и мнѣ, друзья, собраться.
Не слушаете вы, крича, разинувъ ротъ,
И вижу васъ идетъ ужасный короводъ.
Да что-же личики ужь ваши покраснѣли?
Конечно, отъ того, что рано вы запѣли.
Однако, осмотрясь, прощенія прошу
И извиненіе дѣвицамъ приношу:
Я бабъ почелъ за нихъ, не зная въ этомъ моды,
Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы . . .

Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ.
Вина не пьетъ она, однако пляшетъ,
И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ.
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь, стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ, иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ не перевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь;
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая вмигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать вельми искусно знаетъ,
Танцуетъ *голубца*, танцуетъ и *бычка* . . . .
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу;
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я:
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки,
И можно такъ сказать, всѣ праздничны излишки.
Баханки [1]) таковы: попляшутъ, покричатъ,

[1]) То есть вакханки.

Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ;
Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.
Частенько на кабакъ съ бутылкой посылаютъ,
Въ складчинку всѣ ее сивухой наполняютъ [1].

Стародавнія черты находимъ и при отправленіи семейныхъ праздниковъ въ нѣкоторыхъ домахъ. „Позванъ я былъ на „крестины (говоритъ издатель еженедѣльника „И то и сё") къ „нѣкоторому приказному человѣку, знакомцу моему и хлѣбо„солу. Во первыхъ разумѣлъ я это точно, что къ приказному „человѣку рѣдко ходятъ безъ денегъ, а въ такое время носятъ „деньги и не къ приказному. Итакъ завернулъ я полтинникъ „въ бумажку, и изготовилъ его положить родильницѣ на зу„бокъ, по древнему между нами обыкновенію, и притомъ взявши „съ собою мелкихъ двадцать пять копѣекъ бабушкѣ на кашу, „пошелъ праздновать на крестины. Въ воротахъ дома моего „хлѣбосола увидѣлъ я стоящаго человѣка, который былъ хотя „и не въ разодранномъ рубищѣ, однако имѣлъ на себѣ платье „похожее на то, то есть поношенное до дыръ. Кафтанъ былъ „на немъ французской малиноваго цвѣта, который, отъ стро„гости здѣшней суровой зимы, отъ частыхъ дождей и снѣговъ „и отъ неумѣреннаго солнечнаго сіянія, весьма много полинялъ „и казался двуличневымъ. Камзолъ на немъ былъ зеленаго „сукна, а штаны изъ синей канфы, скворцовые гарусные чулки „и въ поношеныхъ башмакахъ видны были розные пряжки. „Снявши съ себя картузъ, говорилъ онъ мнѣ такъ: милости„вѣйшій государь! не просительное ли дѣло имѣете вы до хо„зяина сего дома, то съ честію вамъ объявляю, что сего числа „оный вышерѣченный хозяинъ не имѣетъ производить ника„кихъ судебныхъ дѣлъ, хотя бы оныя и къ рѣшенію подлежали, „понеже онъ судьями уволенъ и секретаремъ отпущенъ, и оное „его небытіе въ приказѣ помѣчено протоколистомъ, и въ днев„номъ журналѣ объяснено добропорядочно, понеже сего дня „имѣются быть у него крестины, и соблаговолятъ собираться „въ компанію къ нему патроны, чего ради во извѣстіе вамъ „репортую, чтобы вы втунѣ трудовъ своихъ не прилагали, а „я имѣюся быть въ повытьѣ его милосердія первымъ ко-

[1]) Недѣл. 16—18, 22.

„піистомъ. Я ему отвѣчалъ, что иду въ гости, и былъ впущенъ „наконецъ въ покои. Родильница лежала тогда въ постелѣ, „охала съ довольною пріятностію, и была набѣлена и нарумя-„нена негораздо слегка. Я съ ней поцѣловался и сказалъ въ „поздравленіе слова съ два-три, а складно или нескладно, то „и самъ того не помню, и подсунулъ подъ подушку обернутый „въ бумажку полтинникъ, по общему всѣхъ обыкновенію. Въ „скоромъ времени прибыли изъ церкви кумъ и кума съ окре-„щеннымъ младенцемъ, и ни мало не медля зачали садиться „за столъ кушать, а попросту обѣдать. Народу было много, а „приборовъ напротивъ того не весьма довольно, и такъ я ви-„дѣлъ самъ, что въ концѣ стола попрашивали ножей и вилокъ „другъ у друга на подержанье, а хлебали двое и трое часто „одною ложкою; но правду выговорить, всѣ были довольны, а „хозяинъ повторялъ часто сіи слова: кушайте, государи мои; „хлѣбъ-соль на столѣ. А чтобы болѣе имѣли гости охоты къ „кушанью, то весьма часто подносилъ онъ разные напитки, „то есть секретарямъ водку, канцеляристамъ и нижнимъ чи-„намъ вино простое, а дамамъ всѣмъ вообще мартовское пиво „и домашнюю сдѣланную изъ пшена брагу, до которой иныя „дамы такія были охотницы, что каждую минуту выпивали „оной по доброму стакану, проговаривая къ тому, что это де „не хмѣльное. За столомъ ни одна дама не пила ни водки. ни „вина простаго, не смотря на то, что всѣ кавалеры каждую „чарку до дна осушали, и нѣкоторые, изъ усердія къ хозяину, „выпивъ все до капли, опрокидывали чарки къ себѣ на головы, „изъявляя тѣмъ, что выпито все, и что они любятъ хозяина „отъ искренняго сердца, для чего ни капли и не оставляютъ, „а другіе опрокидывали выпитыя чарки къ хозяину на под-„носъ. Какъ дамы, такъ и кавалеры говорили обо всемъ вдругъ, „и всякой всѣми силами старался заглушать другаго. Нѣкото-„рые говорили о войнѣ, другіе о продажѣ товаровъ, третьи о „дѣлахъ приказныхъ, а четвертые негодовали на то, что рано „стала зима, ибо не имѣли они у себя ни шубъ, ни епанечъ. „Дамы напротивъ того разговаривали совсѣмъ о другомъ. „Одна предлагала, чтобъ искоренить робронты и карнеты, а „ввести въ моду куньи шапки и чепчики съ шишами; другая „на то не соглашалась и говорила, что всякая женщина фи-„гурнѣе можетъ быть въ разлетаѣ, повязанномъ платкомъ ита-

„ліанскимъ, и чтобы тотъ платокъ былъ синяго цвѣта съ зе-
„леными каймами. Третья, какъ будто по реэстру, прокрики-
„вала своихъ соперницъ, всѣми силами старалася ихъ опоро-
„чить и привести въ безславіе, и наконецъ, пришедъ въ теат-
„ральную пассію, бранила ихъ безъ милосердія; словомъ ска-
„зать, въ короткое время сіе собраніе людей начало походить
„совсѣмъ на безпорядочную школу, въ которой за ученическимъ
„крикомъ не слышно учителя, а за учительскимъ толкомъ не
„слышно учениковъ. Наконецъ на бабушкиныхъ рукахъ въѣхала
„каша, которая весьма много походила на кутью; ибо изго-
„товлена она была изъ сорочинскаго пшена и съ изюмомъ.
„Въ сіе время приказано было выступить хозяину изъ ком-
„наты, а по выходѣ его принялась одна свѣтская дама за
„ложку, положила въ нее половину соли, третью часть кутьи
„той или каши, а четвертую толченаго сахару, и перемѣшавши
„все оное прикрыла тремя изюминами, и приказала вступить
„хозяину. По повелѣнію всѣхъ гостей, выключая одного меня,
„принужденъ онъ смѣсь сію кушать; но, глотая ее, поперхнулся
„и получилъ за сіе туза два-три самыхъ добрыхъ отъ усерд-
„наго гостя, чтобъ лучше та каша прошла ему въ горло.
„Потомъ бабушка подносила всѣмъ; всѣ выпивали рюмки и
„клали ей на подносъ мелкія деньги, каждой по своей силѣ,
„напримѣръ, иной пять копѣекъ, другой двѣ копѣйки, нѣкото-
„рые по деньгѣ и такъ далѣе; однако совсѣмъ тѣмъ накопилося
„у ней съ рубль мѣсто и побольше. Послѣ стола началася му-
„зыка, а на какомъ инструментѣ, онаго я сперва не разобралъ,
„а какъ сталъ всматриваться далѣе, то и увидѣлъ, что въ
„1768 или девятомъ году привезенныя изъ Украйны рыле пе-
„редѣланы были въ скрипку, на которой натянуты три струны
„и шипѣли весьма несогласно; однако дамы наши стали танцо-
„вать въ четыре пары *бычка* и *голубца*. Согласіе нашей чу-
„доскрипки умножилося тогда, когда кавалеры начали прито-
„пывать ногами, а дамы притяпули къ ней различными голо-
„сами. До одиннадцатаго часа по полудни продолжалося ве-
„селіе наше безъ помѣшательства, а съ сего времени на-
„чалъ я усматривать, что въ разныхъ углахъ различные
„люди задремали на стульяхъ. Иной человѣкъ неосторожный
„падалъ на полъ, а другой и поневолѣ ложился, потому что

„ноги ему болѣе не служили, а голова не держалася на пле-„чахъ“ [1]).

„На прошедшей недѣлѣ свершился бракъ у моего знакомца. „Я былъ на ономъ первымъ гостемъ, и пишу оное для того, „чтобы научились люди производить свадебные обряды. По „восходѣ солнца въ субботу пришелъ ко мнѣ мой знакомецъ „и началъ кланяться мнѣ гораздо ниже обыкновеннаго, а какъ „послѣ я о томъ узналъ, то должны кланяться такъ женихи. „Онъ просилъ меня на дѣвишникъ, которой долженъ былъ со-„вершиться того дня въ вечеру. По знакомству нашему не „хотѣлося мнѣ ему отказать, и такъ безъ отговорокъ на оное „я согласился, и далъ ему слово. Въ вечеру долженъ былъ я „пріѣхать къ нему, а какъ я прибылъ, то просили меня, чтобы „поклалъ я въ ящикъ порядочно новыя вещи, то есть: башмаки, „чулки, опахало и другія потребности, которыя должно было „везти къ невѣстѣ; я и отъ сего не отговорился и сдѣлалъ то „по просьбѣ многихъ. Потомъ всѣ люди присѣли на часокъ „и, вставши, поѣхали къ невѣстѣ. Вошедши въ горницу, велѣли „жениху невѣсту взять за руку, и посадили ихъ за столъ; „отца и мать посажоныхъ подлѣ ихъ, а меня, какъ перваго „гостя, первымъ по нихъ, и такъ далѣе. Посажоной отецъ „былъ отставной офицеръ, служащій въ гарнизонѣ лѣтъ сорокъ „или болѣ, слѣдовательно былъ онъ человѣкъ старинной и зналъ „совершенно всѣ оные обряды. Во первыхъ сказалъ онъ жени-„ху, чтобы оной во весь столъ держалъ за руку невѣсту и не „покидалъ бы ее ни на часъ, увѣряя его и всѣхъ гостей, что „отъ опущенія руки случается часто великое несогласіе между „мужемъ и женою, а для лучшаго прикрылъ ихъ руки сал-„феткою. Онъ же былъ раздавателемъ кушанья, а я не при-нимался за то, опасался, что можетъ быть по обыкновенію ихъ „ошибуся въ чемъ-нибудь, и не сдѣлаю имъ тѣмъ угожденія; „да и правду сказать, то бы я ошибся. Когда подали курицу, „по ихъ названію, въ похлебкѣ, то посажоной отецъ вытащилъ „ее къ себѣ на тарелку, и безъ помощи вилки искрошивъ ее „въ мелкіе кусочки, вывалилъ онъ въ чашу и приказывалъ „всѣмъ таскать ее ложками; это-де будетъ безъ дальняго труда; „а я бы такъ не сдѣлалъ, слѣдовательно, можетъ быть, было

[1]) Недѣл. 44.

„бы и не угодно. Всякого кушанья бралъ онъ на вилку и, по-
„давая жениху, приказывалъ подчивать невѣсту, которой не
„велѣлъ брать въ руки вилку, а принимать изъ жениховыхъ
„рукъ устнами, сказывая, что и въ этомъ есть нѣкоторая за-
„дача,—чего бы я сдѣлать также не догадался. Во все сіе время
„припѣвали къ намъ дѣвушки пѣсни, а мы посылали къ нимъ
„по стакану пива, въ которой опускала сваха по гривнѣ и
„больше мѣдной монеты, которые стаканы онѣ выпивали, не
„смотря на то, что деньги въ нихъ омывались. По окончаніи
„стола, старуха, мать невѣстина, приполнила по чаркѣ водки,
„а дочерѣ своей подала тарелку съ овощами и съ подаркомъ.
„Начали всѣхъ дарить, и меня не обошли; выпивъ я рюмку
„и взявши у невѣсты платокъ, кланялся ей много и положилъ
„его въ карманъ; но отецъ посажоной выговорился мнѣ, что я
„подарокъ принялъ не такъ, а должно, взявши съ тарелки,
„обтереть имъ губы, за что приневолили меня, чтобы я выпилъ
„другую рюмку и обтеръ устнѣ мои подаркомъ... Овощей на-
„сыпали мнѣ въ карманъ, а оные состояли изъ двухъ кусковъ
„вяземской коврижки, изъ тверскихъ пряничныхъ орѣховъ,
„изъ нѣсколькихъ изюминъ, винныхъ ягодъ и черносливу,
„между которыми проскакивали гвоздички и маленькіе куски
„корицы для лучшаго запаху. Въ срединѣ стола, какъ выпи-
„валъ отецъ посажоной стаканъ пива, то прихлебнувъ изъ
„него поставилъ и сказалъ: не очень, братъ, сладко; то тот-
„часъ женихъ поцаловалъ невѣсту. А отецъ, прихлебнувъ
„еще, поворотилъ (повторилъ) несладость: женихъ поцало-
„валъ опять. Итакъ продолжалось оное съ полчаса и боль-
„ше; а послѣ того дѣлали оное и всѣ, выключая меня. Послѣ
„всего этого сказалъ отецъ посажоной: *время уже хлѣбъ-соль*
„*величать*; я думалъ, что надобно пѣть, а у нихъ значитъ
„оное вставать изъ-за стола. Всѣ отвѣчали ему: воля ваша
„мы уже довольны. Итакъ онъ первой всталъ, а за нимъ уже
всѣ. Когда уже мы со всѣми простились и при многихъ чар-
„кахъ и стаканахъ хотѣли выходить вонъ, то дѣвушки-пѣвицы
„запѣли особливую пѣсенку, въ которой, называя невѣсту име-
„немъ, говорили: возьми у своего сокола ключи. Невѣста оста-
„новила жениха и просила у него ключа, а какого, объ этомъ
„я прежде не зналъ и для того-то казалось мнѣ сіе весьма
„чудно, а наконецъ провѣдалъ, что отъ того ларчика, въ кото-

„рый клалъ я по порядку купленные женихомъ невѣстѣ подарки. Посажоной отецъ присудилъ жениху отдать тотъ ключъ, „но не меньше какъ за пятьдесятъ поцалуевъ.. и велѣлъ невѣстѣ цаловать жениха. Они цаловались, отецъ считалъ, а мы „стояли; а чтобы не пропустить времени напрасно, то подмигивала мнѣ сваха и склоняла къ себѣ въ любовь, которая, „правду сказать, была молода и недурна. Наконецъ вышли мы „за вороты при громогласномъ пѣніи дѣвицъ и при великомъ „присутствіи различныхъ должностей народа. Отецъ посажоной, „какъ человѣкъ немолодой и къ тому же слишкомъ подгулялой, „садяся въ сани, перекувырнулся черезъ нихъ вверхъ ногами, „чѣмъ произвелъ ужасной смѣхъ между зрителями; а какъ не „было въ немъ больше силы бодрствовать, то положили его „попорегъ саней и повезли домой. Такимъ вступленіемъ гостины наши кончились, и мы пріѣхали домой всѣ въ добромъ „здоровьѣ, выключая отца посажонаго по причинѣ той, что онъ „больше всѣхъ заботился, а особливо въ приказываніи, чтобъ „подносили вино и пиво почаще.

„Наступившее утро принесло намъ больше увеселенія, „ибо и я приглашенъ былъ къ свадебному столу. Отобранные къ „тому люди поѣхали за невѣстою и, купивъ за гривну ее косу, „привезли невѣсту въ церкву; тутъ обвѣнчались и прибыли домой. „Съ хлѣбомъ и съ солью принимали уже жениховы родители „и послѣ посадили жениха и невѣсту въ передъ на двѣ овчинныя и весьма косматыя шубы, а сіе значило, чтобъ жить имъ „богато. Во весь столъ подкладывали жениху и невѣстѣ премножество кушанья, однако они и за ложку не принимались, „понеже у нихъ такое обыкновеніе, а кормятъ ихъ тогда и то „тайкомъ, когда поведутъ на подклѣтъ: тамъ, сказываютъ, ѣдятъ „они больше обыкновеннаго. Въ срединѣ стола, или ко окончанію онаго, подошли ко мнѣ съ подносомъ, на которомъ поставлено было стаканъ меду, стаканъ пива и рюмка водки. Я, взявши медъ, выпилъ и поставилъ пустой стаканъ; но привязались ко мнѣ просить, чтобы я выпилъ ихъ всѣ: это де „просятъ князья молодые; однако я отговаривался, что и для „старыхъ сдѣлать мнѣ сего не можно. Изъ почтенія ко мнѣ „они отъ меня отвязались, а другихъ приневолили всякого выпить тройку. По окончаніи стола ѣздили бабы на куль-

„кахъ, играли шемелою, скакали, прыгали и всячески рѣзвились“ [1]).

Къ этому описанію журнала „И то и се“ можно присоединить тѣ любопытныя черты, какія сохранены нашими старинными комедіями. Не смотря на слишкомъ-явное подражаніе драматической литературы нашей французскимъ образцамъ, екатерининскій вѣкъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, конечно немногихъ, коснулся и нравовъ чисто-русскихъ. Вотъ почему исторія литературы тогда только получитъ надлежащую полноту и интересъ, когда станетъ обращать свои пытливыя розъисканія и на другія драматическія произведенія, нынѣ забытыя, а не станетъ ограничиваться однѣми комедіями фонъ-Визина. Въ комедіи: „Подражатель“ (1779 г.) читаемъ такую характерную сцену, происходящую въ семьѣ дмитровскаго купца Скопидомова. Мать, обращаясь къ дочери своей Евдокіи, говоритъ: „Дура! ужь нынѣ такъ извольничалась, что и чужихъ людей не стыдишься... (мужу) Пришелъ давича, мой батька, къ тебѣ изъ ратуши подьячей, а она тутъ же стоитъ, какъ пестъ, и не уйдетъ.

Скопидомовъ. А вчерась племяннику кланялась. Эдакая повѣса! Развѣ забыла ты, что надобно уйти тогда въ свою горницу, когда у насъ чужіе люди?

Евдокія. Я, сударь, только ему поклонилась, а не говорила съ нимъ.

Скопидомова. Еще бы ты и говорила! Я бывало въ дѣвкахъ только сквозь щелочку на чужаго человѣка смотрю, и то однимъ глазомъ. А буде по улицѣ кто идетъ, такъ изъ-за косяка выглядывала... И на Спиридона Агафоновича, когда ужь онъ сговоренъ со мною былъ, смотрѣла изъ подлобья... Такъ ли, душинька?

Скопидомовъ. Точно такъ, сердце мое! Этого-та дѣвушкѣ и учиться надобно, чтобы ни на кого не смотрѣть и ни съ кѣмъ не говорить. Сиди себѣ въ своей конурѣ, какъ медъ кисни.

Скопидомова. Помнишь ли, лапушка, какъ меня къ тебѣ на сговорѣ подвели, а я плакала? Ты меня приголубиваешь,

[1]) Недѣля 43.

я тебя отталкиваю; лишь ты хочешь со мной заговорить, а я прячусь... Учись у меня, Авдотьюшка.

Скопидомовъ. Намъ ужь полно ее учить... Слушай, дочка! тебѣ выбралъ жениха, и онъ сейчасъ будетъ. Молодецъ состоятельной, табаку не пьетъ, волосовъ не корчитъ, уменъ, къ ому же и не глупъ. Въ Москвѣ въ Панскомъ ряду у него ять лавокъ, въ Суровскомъ лавки двѣ-три есть, да въ Гробоомъ торжокъ нарочитой имѣется. Наличныхъ круглевиковъ ысчняга друга—третья водится. Хотя онъ и строгъ, да тебя и ада держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а то ты востренька не о природѣ.

Скопидомова. Забудешь тогда кланяться и стоять при ужихъ людяхъ... Ну кабы это при женихѣ было, вить бы тѣдъ нашимъ головушкамъ!

Скопидомовъ (дочери). Какъ-же жениха-та встрѣтишь?

Евдокія. Какъ изволите приказать.

Скопидомова. А вотъ эдакъ, дѣвушка. Какъ онъ придетъ, акъ ты на него не смотри, закройся платкомъ, либо отворо-ись. Коли онъ станетъ съ тобой говорить, такъ ты молчи. Вотъ онъ и увидитъ, что ты честная дѣвица.

Скопидомовъ. Да и уйди отъ него.

Евдокія. По этому онъ заключитъ обо мнѣ, что я дура.

Скопидомовъ. Вотъ еще на! будто и велико дело, коли нъ подумаетъ, что ты дура! хоть дура, да смирна.

Скопидомова. Конечно! смиренье дѣвушкѣ ожерелье.

Скопидомовъ. А ну, какъ тебя къ вѣнцу повезутъ, такъ то ты тогда говорить станешь?

Евдокія. Ничего, для того что вы мнѣ нѣмою и слѣпою ыть велите.

Скопидомова. Завралась, завралась, сударыня... Ты тогда вой, для того что которая дѣвушка сговоренная не воетъ, къ житье будетъ дурно; завой вотъ такъ: благослови меня, сударь-батюшка и государыня-матушка, мнѣ идти ко злату нцу. А коли не поплачешь за столомъ, такъ наплачешься столбомъ.

Скопидомовъ. Помни же наше родительское поученіе... ойдемъ, жена, приготовимъ овощи къ сговору.

Скопидомова. Побѣлись еще, матка дѣвушка! Эдакое ди
тятко! не могу принудить бѣлиться, да зубы чернить. Вить
которой дѣвушки зубы чорны, та счастлива.

Скопидомовъ. Опусти голову-та пониже, да сложи руки.
Стоитъ какъ манежная лошадь.

Скопидомова (дочери). Тихонько положи на порогъ за
мокъ, и какъ женихъ перейдетъ черезъ порогъ, такъ ты замок
замкни и спрячь. Это примета, чтобы женихъ отъ сватовств
не отсталъ".

Въ другой сценѣ Скопидомовъ, разговаривая съ женихомъ
прибавляетъ: „для того-то я и выдаю дочь за своего брат
купца. Много за нее и приказныхъ сваталось, да я на это ух
глухъ; у нихъ причуды велики. Они захотятъ, чтобъ даров
и овощей не было, и чтобъ пѣсенъ ни на сговорѣ, ни на д
вишникѣ не пѣли; имъ надобетъ музыка, а у насъ какъ дѣвк
гаркнутъ, такъ што ихъ валтора" [1]).

Въ комедіи Пракудина: „Добродѣтель, увѣнчанная вѣ
ностью", изъ которой выше привели мы одну сцену, такъ ра
суждаетъ вдова Суевѣрова, просватавшая свою племянницу:

Суевѣрова. Здравствуй, матушка, съ женихомъ я ужь п
рукамъ ударила, и онъ скоро сюда будетъ.

Благоразумова. Какъ вамъ ни стыдно, сударыня; она з
него нейдетъ.

Суевѣрова. Полно, матушка, я сама за покойника-та св
его по неволѣ была выдана; да мы, правду сказать, съ ним
жили сорокъ лѣтъ, какъ у печки погрѣлись, да и вѣкъ пр
жили. Только досажалъ онъ мнѣ побоями; часто бивалъ вит
бывало, чѣмъ ни попало; да полно я и сама была зубы...

Благоразумова. И вы имѣли терпѣніе съ нимъ жить...

Суевѣрова. Какъ же? было бы кому побить, да и пож
ловать.

Благоразумова. Я, сударыня, сама замужемъ, и мы с
мужемъ никогда не бранимся, и онъ часто говоритъ свою п
словицу: „когда жену бранить, то ея не любить, а коли бит
то съ ней не жить".

Суевѣрова. Это у васъ ныньче по новоманерному; а
насъ было не такъ.

---

[1]) Стр. 5—11, 15.

„Всячина“ осуждала еще *вытье* по умершемъ. *Олимпіада Сердцекрадова* адресовала къ редактору этого журнала такое посланіе: „Какъ мнѣ быть? я не знаю. У матушки есть знако-„мая, отъ которой она видѣла много одолженія; у сей знакомицы „умерла дочь. Матушка вчерась велѣла мнѣ къ ней ѣхать на „похороны... и притомъ накрѣпко приказала плакать, кричать, „биться и прочая, какъ водится, или водилось изстари. Я же „притворяться не могу; покойница мнѣ почти незнакома была, „и я ни мало не печальна... Я думаю пригожѣе всего мнѣ „упасть въ обморокъ. Я видывала, какъ Татьяна Михайловна „(Троепольская) на ѳеатрѣ обмираетъ степенно; и упавъ такъ „съ начала пролежу до конца, и тѣмъ всѣхъ хлопотъ разомъ „избавлюся“.

Суевѣрные обычаи воспитывали въ своихъ приверженцахъ ту мнимую, ложную набожность, которая нерѣдко высказывалась съ непонятною для насъ наивностью, и противъ которой была направлена колкая сатира Кантемира, Сумарокова и періодическихъ изданій разсматриваемаго нами времени. Приведемъ выписки изъ двухъ сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ Новикова:

а) Племяннику моему Ивану здравствовать желаю! На послѣднее мое къ тебѣ письмо слишкомъ годъ дожидался я отвѣта, только и понынѣ не получилъ. Я безмѣрно удивляюся, откуда взялось такое твое о родственникахъ и о самомъ себѣ нерадѣніе. Мнѣ твое воспитаніе извѣстно: ты до двадцати лѣтъ своего возраста старанію покойнаго твоего отца соотвѣтствовалъ. Онъ изъ дѣтей своихъ на тебя всю полагалъ надежду, да и нельзя было не такъ: большой твой братъ, обучаяся въ кадетскомъ корпусѣ свѣтскимъ наукамъ, чему выучился? Ты знаешь, сколько онъ приключилъ отцу твоему раззоренія и печали. А ты, подъ присмотромъ горячо любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ, и учился не пустымъ нынѣшнимъ и не приносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божію; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библію. Вспомнишь ли, какъ тебѣ тогда многіе наша братья старики завидовали, и удивлялися твоей памяти, когда наизусть читывалъ ты многихъ святыхъ житія, разные акаѳисты, каноны, молитвы и проч.; и не только мы простолюдимы, но и священной левит-

ской чинъ тебѣ завидовалъ, когда ты, будучи еще сущимъ птенцомъ, шестнадцати только лѣтъ, во весь годъ кругъ церковнаго служенія зналъ, и отправляти могъ службу? Куда это все дѣвалося? Всеконечно Создатель нашъ, за грѣхи отецъ твоихъ, отъялъ отъ тебя благодать свою и попустилъ врагу нашему злокозненному діаволу искушати тебя и совращати отъ пути, ведущаго ко спасенію. Ты стоишь на краю погибельномъ, бездна адской пропасти подъ тобою разверзается, отецъ діаволовъ, разинувъ челюсти свои и испущая изъ оныхъ смрадный дымъ, поглотить тебя хочетъ, аггели мрака радуются, а силы небесныя рыдаютъ о твоей погибели,—ежели то правда, что я о тебѣ слышалъ! Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и, оставя увеселяющія чистыя сердца и духъ сокрушенный услаждающія священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, безъ нея же человѣкъ спасенъ быти не можетъ? Любве ли къ Богу и ближнимъ, ею же пріобрѣтается царствіе небесное? Надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты не возвратно. Я самъ грѣшникъ; вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ, и короче сказать—грѣшилъ и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ чрезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю его предъ всѣми творцомъ всея вселенныя... Сказано: постомъ, бдѣніемъ и молитвою побѣдиши діавола; я исполняю церковныя преданія, службу Божію слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ, посты, среды и пятки всѣ сохраняю не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вѣрѣ, и еще прибавилъ постовъ; ибо я и всѣ домашніе мои во весь годъ окромѣ воскресныхъ дней, ни мяса, ни рыбы не ядимъ... Перестань знатися по вашему съ учоными, а по нашему съ невѣждами. Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божія неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнаго? Помни только то, что *земля еси и*

въ землю отыдеши. На что тебѣ учитися рѣченіямъ иностраннымъ? языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы его прославляти; но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона...[1])

b) Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу... Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ-ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцовъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовной, Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ, свѣтъ, будь помянутъ! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-та, свѣтъ, грѣхи дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ... А ты, Ѳалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи. Колокольню строятъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статочное ли это дѣло? то дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? Вѣра-то тогда была покрѣпче; во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нынѣче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некресть дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Ѳалалеюшка, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые! Нынѣче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ кормчей книгѣ положено за это проклятіе. Нынѣче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать да проценты выше указныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ кормчей книгѣ ничего и

[1]) „Трутень“ 1769 г., стр. 113—8; смотри еще стр. 69, 222—3, и „Смѣсь“, стр. 75.

не написано. На моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями [1]).

Наконецъ прибавимъ, что сама императрица Екатерина Великая ратовала противъ ложной набожности, и въ превосходной своей комедіи: „О, время!“, сочиненной въ 1772 году, создала типическое лицо *Ханжихиной*.

III.

Въ частной и общественной жизни высшихъ слоевъ общества у насъ въ XVIII столѣтіи, въ свѣтскихъ нравахъ и обычаяхъ, замѣчается сильное чужеземное вліяніе. Въ этомъ отношеніи особенно важно было знакомство наше съ французами. Современники екатерининской эпохи признавались, что нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы не смягчили такъ нашихъ нравовъ, какъ смягчило ихъ частое обхожденіе съ французами и путешествія въ Парижъ.

Но какъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Европою общество русское стояло на весьма невысокой ступени умственнаго и нравственнаго образованія, то понятны крайности и односторонность его увлеченій внѣшностію европейской жизни, свѣтскими условными приличіями и обыкновеніями. Что въ разсадникъ истиннаго просвѣщенія, насажденный Петромъ Великимъ и его сподвижниками, вторглись разные плевелы, въ томъ виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша молодость и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы какъ дѣти бросились на то, что кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостію и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Подъ французскими кафтанами еще долгое время таились грубые старинные нравы; наружная утонченная вѣжливость очень часто прикрывала внутреннюю пустоту и мрачныя убѣжденія. Такія противорѣчія заставили Сумарокова и другихъ литераторовъ выступить съ обличительнымъ протестомъ. Сатирическіе журналы, со всею энергіей патріотическаго негодованія, наравнѣ съ темными

---

[1]) „Живописецъ“ изд. 2, ч. I, стр. 105—8.

явленіями старины, осмѣивали и крайности односторонняго увлеченія чужеземнымъ, и въ ихъ насмѣшкахъ замѣчается подчасъ желчное остроуміе.

На листкахъ „Кошелька“ напечатано слѣдующее письмо защитника французскихъ нравовъ:

„Чортъ меня возьми! по чести моей, я объ васъ сожалѣю. Вы (г. издатель „Кошелька“) родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумазбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила... Перестаньте понапрасну марать бумагу; нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтрены, насмѣшливы, вить они васъ засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью. Вамъ было должно родиться давно, давно, то есть когда древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе... сожигали въ срубахъ или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю, словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои оть просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ. Тутъ-то бы вы прославились! Я думаю, что вы бѣднымъ французамъ не дали бы и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ; но всѣхъ бы ихъ выгнали изъ государства, или еще изъ особенной ревности приказали бы всѣхъ ихъ сжечь: то-то бы славное было дѣло! Но шутки въ сторону; вы, государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, чтобы вамъ вѣрили... Вы стараетесь привлекать людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностію ихъ отторгали: вы конечно худо поняли намѣреніе Ж. Ж. Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систему. Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, чтобы путешествіе въ Парижъ, мо-

лодыми нашими дворянами предпріемлемое для познанія свѣт
и для просвѣщенія своихъ единоземцевъ, запретили? Не ж
лаете ли, чтобы науки, въ Россію, помощію обращенія с
французами, съ великимъ трудомъ введенныя, опять изъ Ро
сіи изгнаны были вмѣстѣ съ французами? Не того ли ищет
чтобы бросили французское платье, претворившее насъ из
варваровъ въ европейцевъ? И если это такъ, такъ вы велику
имѣете причину сожалѣть о старомъ платьѣ, ибо оно и красив
и покойно: въ которомъ платьѣ спишь, въ томъ можно и в
гости къ женщинамъ ходить... Ха, ха! какой вы чудакъ! Пр
славляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не п
трудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Ро
сіи писателяхъ, но довольствовались утвердиться на словесных
объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: въ старину-т
было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ ст
рину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны!“

Въ заключеніи письма высказано, что Россія только тогд
можетъ назваться просвѣщенною страной, когда всѣ крестьян
наши будутъ разумѣть по-французски [1]).

Рядомъ съ этимъ письмомъ любопытно будетъ прочитат
другое, подписанное *Люборуссовымъ*, на котораго уже избран
ный псевдонимъ указываетъ, какъ на защитника народности.

„Люблю я, говоритъ онъ, русскихъ, потому что происхож
отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо кажется мн
что у нѣмцевъ для русскихъ желудковъ оные голодноваты
люблю по-русски ужинать, ибо не вѣрю, чтобъ испортился от
того желудокъ, а полагаю, что тѣ, которые не ужинаютъ, ст
раются больше сберечь деньги, нежели ихъ здоровье. Щи, п
трохъ, селянка, рубцы, говядина, дворовыя птицы и прочі
русскія кушанья чрезвычайно мнѣ пріятны, а суповъ, фрика
сеевъ, рагу, дичи, биркесовъ, клюквы со сметаной, сыру с
червями и прочихъ иностранныхъ поваренныхъ выдумок
хотя бы для меня и на свѣтѣ не было! ибо кажется мнѣ, чт
многія изъ нихъ выдуманы не для вкусу, а только для того
чтобы чѣмъ-нибудь (хотя и худымъ) набить свой желудокъ
сберечь хорошіе припасы для продажи и скопленія денегъ
Почитаю русскую одежду для того, что она проста и покойна

[1]) Стр. 52—80.

це такъ какъ иностранная, которая изобильна ненужными многочисленными прорѣхами [1]). Говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу; ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно..."

Въ приведенныхъ нами письмахъ высказались тѣ два противоположныя убѣжденія, которыя и послѣ долгое время слышались въ нашемъ обществѣ, заправляли литературными отзывами и служили неисчерпаемымъ источникомъ журнальной полемики. Обѣ стороны желали высказать истину, но, подъ угломъ болѣе или менѣе крайнихъ воззрѣній, не всегда достигали своей цѣли. „Какъ истребить, спрашивалъ фонъ-Визинъ, два сопротивные и оба вредные предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?" *Временемъ и знаніемъ*, отвѣчала Екатерина Великая. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что трудная задача объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣческому образованію никогда не было разрѣшаема такъ *практично*, какъ въ сатирическихъ изданіяхъ 1769—1774 годовъ. Они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, ни тѣхъ, какія наслѣдованы отъ до-петровской старины, ни тѣхъ, какія возникли вслѣдствіе слѣпаго пристрастія къ чужеземнымъ обычаямъ; нападая на ложь условныхъ приличій и неразборчивость нашу при выборѣ иностранныхъ гувернеровъ, они съ чувствомъ полнаго уваженія относились къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Не мѣшаетъ указать на эту достойную подражанія черту тѣмъ изъ новѣйшихъ защитниковъ

---

[1]) „Трудолюбивый Муравей", въ которомъ напечатано письмо Люборуссова (стр. 169—171), помѣстилъ на своихъ страницахъ статью: О старинномъ русскомъ платьѣ бояръ, дворянъ, приказныхъ, купцовъ и боярынь (стр. 97). „Всякая Всячина", насмѣхаясь надъ тѣми, которые даже на своихъ крестьянахъ желали видѣть нѣмецкіе кафтаны, напечатала письмо, гдѣ въ защиту народной русской одежды выставлялись ея пластичность, удобство и соотвѣтственность съ климатическими условіями. Къ этому письму редакторъ присоединилъ свое замѣчаніе, что русское платье сходнѣе съ холоднымъ климатомъ, но что всякая долгая одежда отнимаетъ проворство и поворотливость: еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ.

народности, которые далеко не воспитали въ себѣ подобной трезвости взгляда: теперь, когда серьёзнѣе стали мы смотрѣть на задачу просвѣщенія, когда несравненно полнѣй и отчетливѣй, нежели наши предки, познали блага, доставляемыя цивилизаціей, когда въ самомъ обществѣ почти исчезло крайнее увлеченіе иноземнымъ,—теперь, казалось бы, съ большимъ правомъ можно ожидать и терпимости и безпристрастія!

Въ высшихъ кружкахъ русскаго общества, въ прошломъ столѣтіи, воспитаніе дѣтей и юношей поручалось иностраннымъ дядькамъ, мадамамъ и учителямъ, наиболѣе охотно французамъ и француженкамъ. Если богатыхъ и знатныя фамиліи, располагая огромными матеріальными средствами и усвоивъ себѣ европейскую образованность, безъ особенныхъ трудностей могли вызывать изъ-за границы учителей и гувернеровъ, дѣйствительно свѣдущихъ и достойныхъ; то для другихъ выгода эта была рѣшительно недоступна: при недостаточномъ образованіи самихъ родителей не легко было имъ выбрать добраго воспитателя, не говоря уже о препятствіяхъ, полагаемыхъ состояніемъ. Но духъ подражанія, владычество моды и примѣры большаго свѣта были слишкомъ сильны. Большинство стало принимать къ себѣ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, не разбирая ни нравственныхъ ихъ достоинствъ, ни познаній думали только о наружномъ лоскѣ и заботились, чтобы воспи ніе удовлетворяло принятымъ обыкновеніямъ и стало подешевле Въ статьѣ о воспитателяхъ, напечатанной въ „Вечерахъ", по этому поводу сказано: „Можно признаться, что мы через французскій языкъ, а не черезъ французскихъ учителей, новы пріобрѣли знанія, возстановили хорошій вкусъ въ литературѣ.. Но чѣмъ мы сей націи вподлинну обязаны, за то благодарит ее и почитать должно, не ослѣпляясь однако именемъ человѣка который на Сенѣ родился. По какому-то непонятному пристра стію къ уроженцу парижскому или другаго городка древних галловъ, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которы въ наше отечество втираются, находить сію великость духа остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ учоных и преславныхъ французахъ дивимся... Желать открыть дорог своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскі языкъ—похвально; но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любв

къ отечеству, любви къ ближнимъ--безбожно!“ [1]) Толпы иноземцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, явились на Руси съ предложеніемъ своихъ корыстныхъ услугъ, и имъ-то многіе родители стали неосторожно ввѣрять будущую надежду отечества. Насмѣшливый „Трутень“, въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ, публиковалъ:

„*Кронштадтъ*. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, до такой приведены крайности, что для пріобрѣтенія золота принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разсказахъ солгали очень мало, ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, всѣ они природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и въ должностяхъ третьяго рода; многіе изъ нихъ въ превеликой ссорѣ съ парижскою полиціей“, которая и попросила ихъ выбраться изъ столицы. „Ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей“ [2]).

Что дѣйствительно бывали подобные воспитатели, этотъ грустный фактъ засвидѣтельствовало самое законодательство. Въ именномъ указѣ 12-го января 1755 года, которымъ утверждено основаніе московскаго университета, сказано, что „у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали; оттого лучшее время для воспитанія пропадало даромъ. Иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали“. Въ замѣнъ такихъ невѣжественныхъ воспитателей необходимы, по словамъ указа, національные надежные люди для заведенія, при посредствѣ ихъ, училищъ по большимъ городамъ.

---

[1]) Ч. I, стр. 10—12 (изд. 2-е).
[2]) 1769 г., стр. 125—6.

И современныя записки, и комедіи оставили намъ довольно характеристическихъ указаній, подтверждающихъ отзывы журналовъ [1]). Не останавливаясь однако на этихъ источникахъ, воспользуемся обильными матеріалами, записанными въ сатирическихъ изданіяхъ. Прежде всего приведемъ письмо Ѳомы Стародурова къ пріятелю, съ просьбою пріискивать для его внуковъ учителя, письмо, написанное съ такимъ же талантомъ, какъ и всѣмъ извѣстное письмо его превосходительства Дурыкина, принадлежащее перу фонъ-Визина.

„Ты знаешь (пишетъ Стародуровъ), что я уже человѣкъ пожилой, слишкомъ лѣтъ въ шестьдесятъ; итакъ нынѣшнія поведенціи кажутся мнѣ очень чудны, такъ что имъ не могу надивоваться, и онѣ же денежки очень таскаютъ. Дѣды наши были хотя и не такъ смышлены, какъ нынѣшніе молодчики, однако. сказать правду-матку, были они насъ гораздо покрѣпче да и побогатѣе; иноземскія прихоти были имъ незнакомы. Я про себя скажу, чтобы конечно не прежде, какъ лѣтъ въ двадцать пять, зачалъ я учиться россійской азбукѣ, если бы не было у насъ государя императора Петра I, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу. Тогда и я попался на Сухареву башню и зѣло поученъ былъ въ арихметикѣ... Нынѣ же шестилѣтній ребенокъ болтаетъ по-французскому или по-нѣмецкому —хоть куда поди! Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ дворянъ, такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень, очень порядочныя денежки. Мнѣ, правда, хочется, чтобы и мои внучаты нынѣшнимъ-то наукамъ поучены были, однако не могу найдти учителя по своему достатку, а бросать деньги даромъ я право не привыкъ: мнѣ всякая полушка потомъ приходитъ. Третьяго года хотѣлъ было я ихъ записать въ кадетскій корпусъ и поубавилъ имъ года по четыре съ небольшимъ, однако ихъ по лицу узнали, что они старѣе шести лѣтъ. Итакъ я принужденъ былъ учить ихъ дома русской грамотѣ, и они у пономаря моего выучились читать и писать. Послалъ бы ихъ въ Питеръ въ школу, да право нѣтъ силы, а притомъ боюсь, чтобъ они отъ иноземцевъ не научились ихъ отступничеству и не при-

[1]) Записки Болотова („Отеч. Зап." 1850, № 5, стр. 31), комедіи фонъ-Визина и Екатерины II.

выкли бы по постамъ ѣсть мясо. Однако, что делать? надобно ихъ учить, а то нынѣ, сказываютъ, безъ наукъ-то немного получишь. Пожалуй, другъ мой, выпиши мнѣ изъ Питера какого добренькаго человѣчка, который бы взялся двухъ моихъ внучатъ учить по-французскому, по-нѣмецкому, егографіи, исторіямъ, иноземской пляскѣ, арихметикѣ и другимъ нынѣшнимъ наукамъ; только, пожалуй, поторгуйся съ нимъ хорошенько; а я уже, какъ быть! дамъ ему въ годъ рублей сорокъ, а особливо когда станетъ онъ у меня смотрѣть въ бѣдномъ моемъ домишкѣ за холопишками, за животиной, за хлѣбомъ и за сѣномъ. А то я уже становлюсь старъ, и за всѣмъ не усмотришь. Если за эти деньги найдти не можно, то что дѣлать! хоть рубли по полтора и прибавить, а болѣе платить я право не въ состояніи. Жить при старости съ голоду умереть не хочется, да мнѣ же и стѣны всѣ станутъ смѣяться, если въ одинъ годъ употреблю за иноземца столько, сколько самому мнѣ не издержать и въ три года. Отъ двухъ тысячъ душъ не кстати тянуться за большими боярами и учить дѣтей нынѣшнимъ наукамъ... Пожалуй, другъ мой. постарайся поискать подешевле, а великая бы милость Божія, когда бы можно было сыскать рубликовъ за двадцать за пять или ровно за двадцать" [1]).

При общемъ недостаткѣ въ учителяхъ, *дешевые* воспитатели были конечно и самые негодные, отъ которыхъ ничего было ожидать добра. „Всячина" разсказываетъ, что въ одномъ домѣ такъ дорого платили порядочному учителю, что мать за нужное сочла отпустить его, чтобъ имѣть возможность прибавить повару лишнихъ сто рублей; а для сына былъ выбранъ другой наставникъ *подешевле*, изгнанный изъ своего отечества „съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ" и не знавшій даже грамотѣ. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между имъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово: „воровалъ" крайнимъ, невѣжествомъ выдумано. Когда этотъ дешевый учитель попалъ въ тюрьму, матушка очень сожалѣла: „Гдѣ мнѣ найдти другаго столько дешеваго?" говорила она. Однако она утѣшилась тѣмъ, что

[1]) „Полезное съ Пріятнымъ", полумес. 2, стр. 23—7.

вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егерь французскаго посла, которые не захотѣли съ ним обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитанiемъ русскаго благороднаго юношества [1]) Можно ли, спрашивалъ сотрудник одного сатирическаго журнала, разсчитывать на нравственно развитiе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Францiи и дешево беретъ за ученiе? „Смѣхъ и жалость чувствую, когда вспомню о томъ контрактѣ, какой видѣлъ въ Москвѣ, между однимъ господиномъ и оборваннымъ французомъ, сдѣлавшимся изъ лотерейнаго разнощика учителемъ. Учитель показался не дорогъ, и контрактъ заключенъ съ ним такого содержанiя: 1) „Я Пьеръ де-Фаде обязуюсь получат отъ господина N N каждую недѣлю штофъ водки и кажды день по одной бутылкѣ французскаго вина; 2) потому что я де-Фаде, истинный норманскiй дворянинъ, то мнѣ должно имѣт три раза въ недѣлю для выѣзда экипажъ съ кучеремъ и лакеемъ, которымъ иного дѣла не будетъ, какъ возить меня де-Фаде, по всему городу къ моимъ товарищамъ; 3) когда своихъ прiятелей посѣщаю, то естественно, что и они посѣщат то естественно, что и они посѣщать меня будутъ, а для то имѣть мнѣ другiе три дни особый столъ... Жалованья мнѣ получать 500 рублевъ, а я, Пьеръ де-Фаде, обязуюсь обучат дѣтей помянутаго N N своему природному языку, благонравi и всему, что я знаю“. Отецъ и мать плакали отъ радост найдя такого учонаго мужа; стали *дѣтки* учиться, черезъ полгода позабыли русскую грамоту и плохо узнали французскую, черезъ годъ выучились въ банкъ и квинтичъ, скор потомъ узнали билiардные дома и наконецъ промотали отцовское имѣнiе [2]). И что другое могли дать подобные воспитател Сами чуждые основательнаго образованiя, они много-мно могли выучить своему родному языку. Науки оставались на второмъ планѣ, а то и вовсе до нихъ не было дѣла. Умѣн одѣваться со вкусомъ, любезность, грацiя внѣшнихъ прiемов ловкость въ танцахъ—вотъ главное, на что обращалось особенное вниманiе гувернеровъ. О твердомъ нравственномъ восп

[1]) Стр. 114—6.

[2]) „Вечера“ ч. I, стр. 12—15 (изд. 2).

таніи, безъ сомнѣнія, не могли думать ни фонъ-визиновскій Вральманъ, ни мусье де-Фаде. Такая сторона современнаго воспитанія особенно мѣтко осмѣяна сатирическими статьями „Кошелька". Въ этомъ журналѣ между прочимъ напечатано было письмо одного марсельскаго ремесленника къ сыну:

„Ты находишься въ Петербургѣ, ты французъ, ты мой сынъ... Послѣ всего этого я не умру съ голода. Безъ сомнѣнія ты уже нашелъ въ Петербургѣ прибыточное мѣсто и имѣешь деньги; раздѣли же ихъ съ отцомъ твоимъ. Ты требовалъ, чтобъ я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго, и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могши достать денегъ, упустилъ оный, а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу". По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ марселецъ на границахъ россійской имперіи произвелъ себя въ шевалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С. Петербургѣ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету. Чтобы ближе познакомить публику съ этимъ мнимымъ шевалье, „Кошелекъ" напечаталъ два разговора его съ нѣмцемъ и съ русскимъ.

„ — Скажите мнѣ, спрашиваетъ его нѣмецъ,—чему будете обучать поручаемыхъ вамъ воспитанниковъ? ибо между нами сказать, вы и сами, кромѣ французскаго языка, ничего не разумѣете, а въ этой наукѣ всякой французскій сапожникъ не менѣе вашего учонъ!

„ — Что за нужда! отвѣчаетъ французъ.—За что бъ ни давали мнѣ деньги, лишь бы я получалъ ихъ! Глупо дѣлаютъ родители, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ, а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получить деньги даромъ. Въ должность учителя я вступаю не для того, чтобъ учить моихъ воспитанниковъ, но чтобы запастись деньгами. А накопя нѣсколько денегъ и сойдясь съ молодыми людьми, сдѣлаюсь и учителемъ и купцомъ. Начну выписывать французскіе товары и постараюсь получать ихъ безпошлинно. Примѣчайте теперь, какъ они достанутся мнѣ дешево: пошлина не

плачена, лавки для нихъ не нанимаю, купеческихъ поборовъ не плачу и никакихъ тягостей не несу. Товары мои стану распродавать знакомымъ молодымъ людямъ за наличныя деньги а если въ долгъ, то стану приписывать въ счетахъ и брать векселя. Въ пять лѣтъ буду я имѣть нѣсколько тысячъ рублей, и ворочусь въ свое отечество. Межъ тѣмъ какъ и самая справедливость того требуетъ, буду ругаться орудіями, служившими къ моему обогащенію, какъ варварами и невѣждами!"

Съ такими надеждами приступалъ шевалье де-Мансонжъ къ труднымъ занятіямъ воспитателя. Вѣрный своей методѣ, въ свободное время занимался онъ передѣлкою простаго рульнаго, тертаго табаку въ *розовый*, и продавалъ его по 5 и по 10 рублей за фунтъ [1]). О торговыхъ спекуляціяхъ французскихъ гувернеровъ упоминаетъ и „Адская Почта" [2]).

Согласно съ принятою системой воспитанія, богатые родители считали необходимымъ отпускать своихъ взрослыхъ сыновей за границу, чтобы, путешествуя по западной Европѣ, закончили они тамъ свое блестящее образованіе: мысль прекрасная! Польза такихъ путешествій, предпринимаемыхъ послѣ достаточнаго приготовительнаго воспитанія, велика и несомнѣнна. Еще „Всякая Всячина" настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. По порученію императрицы, И. И. Бецкій въ 1782 году составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но юные недоросли, избалованные дома и привычкою къ роскоши, и окружавшею ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ и отцовъ, мечтали не о трудахъ, а о наслажденіяхъ парижской жизни. Что могли они вывезть прочнаго изъ-за границы, куда вырывались на полную свободу, и гдѣ на каждомъ шагу искали однихъ соблазновъ, гдѣ женщины были такъ увлекательны, а общественныя развлеченія такъ легко доступны, гдѣ роскошь въ то время являлась во всемъ изящномъ блескѣ? По отзывамъ современниковъ, они со страстію предавались праздной и шумной жизни, проматывали въ большихъ европейскихъ городахъ цѣлыя состоя-

---

[1]) Стр. 138—144, 17—44.

[2]) Стр. 25.

нія, и никогда не заглядывали въ тѣ мѣста, гдѣ обитали науки [1]). „Трутень" жаловался, что молодые люди вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и узаконеніяхъ просвѣщенныхъ народовъ [2]). Много смѣшного можно было подмѣтить въ этихъ путешественникахъ, и комедія не замедлила воспользоваться такимъ богатымъ источникомъ. Комедія у насъ постоянно шла объ руку съ сатирою, взаимно восполняя другъ друга и помогая одна другой. Подобно сатирѣ, комедія обратила самое тревожное вниманіе на воспитаніе, какъ на главный жизненный вопросъ. Фонъ-Визинъ посвятилъ этому вопросу три комедіи. Въ яркихъ, типическихъ образахъ и строго-комическихъ положеніяхъ, осмѣялъ онъ и недостатки того воспитанія, которое основывалось на букварѣ, и пустоту легкаго свѣтскаго воспитанія, подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ. Въ *Бригадирѣ* фонъ-Визинъ коснулся тѣхъ безплодныхъ, совершаемыхъ глупыми недорослями путешествій, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь *къ уму своему*, онъ говоритъ:

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить,
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совета
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила...
Но, видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ, и пр. [3]

---

[1]) „Адская Почта", стр. 193. „И то и се", недѣля 2, 4

[2]) 1770 г., стр. 63—64. Сличи съ первою сатирой Кантемира. На подобныхъ путешественниковъ „Трутень" (1769 г., стр. 45—46) въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ напечаталъ слѣдующую злую замѣтку; „Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который воротился уже совершенною свиньею, желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

[3]) Въ 1774 году была напечатана при московскомъ университетѣ комедія: „Воспитаніе" (въ пяти дѣйствіяхъ), касающаяся того же вопроса.

Въ подобныхъ нападкахъ сатирическихъ писателей XVIII вѣка на французскихъ гувернеровъ и русскихъ баричей, странствовавшихъ въ Парижъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли преувеличенія; сатира такъ легко переходитъ въ каррикатуру, а писатель, тревожно занятый интересами своей эпохи и возмущенный ея недостатками, съ большимъ насиліемъ для себя можетъ выдерживать хладнокровное безпристрастіе; обыкновенно овладѣваетъ имъ жажда безпощаднаго осмѣянія тѣхъ крайностей, въ которыхъ видится ему источникъ нравственнаго зла. Зло конечно существовало; это засвидѣтельствовано передовыми людьми прошлаго столѣтія, вовсе не староверами, а людьми, горячо преданными европейскому образованію, каковы: фонъ-Визинъ, Новиковъ и сама императрица. Но нападая на него, писатели не всегда выдерживали должную мѣру. Не все же были Вральманы; были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому добру. Особенно рѣзкая односторонность замѣчается въ журнальныхъ обвиненіяхъ французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они внушали своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ отечественнымъ нравамъ и безконечное уваженіе къ французскимъ. Понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей цивилизаціи и привыкшіе къ инымъ, болѣе мягкимъ и человѣчнымъ нравамъ и обычаямъ, съ гордымъ сознаніемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ, и непривѣтливо смотрѣли на на наши суровыя обыкновенія и откровенную грубость въ обхожденіи. Если фонъ-Визинъ, одинъ изъ замѣчательно-свѣтлыхъ умовъ своего времени, съ непріязненнымъ чувствомъ замѣтилъ, что во Франціи лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ съ мѣстъ передъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*; если фонъ-Визинъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что французскіе офицеры гуляли по улицамъ безъ слуги, то какъ должны были поражаться европейскими нравами люди, стоявшіе далеко ниже фонъ-Визина по уму, по образованію, и съ дѣтства воспитанные въ грубыхъ и не совсѣмъ человѣчныхъ убѣжденіяхъ? Съ другой стороны, какъ должны были поражать иноземцевъ, выросшихъ среди иныхъ обычаевъ, наше безцеремонное обращеніе съ подчиненными и слугами, наша барская спѣсь и семейная автократія! Передавая своимъ ученикамъ

презрѣніе къ такимъ суровымъ нравамъ, они конечно дѣйствовали не совсѣмъ недобросовѣстно.

Въ воспитаніи дѣвицъ мадамами и гувернантками также главное вниманіе было обращено на внѣшній лоскъ и наружныя формы. Почти съ того дня, какъ разставались дѣвочки съ своими кормилицами, начинали ихъ наряжать, потомъ учили танцовать, выпрямливали станъ, заставляли голову носить предписаннымъ образомъ и поворачиваться по циркулю, подъ опасеніемъ не выйдти никогда замужъ, если не будутъ ходить, глядѣть и двигаться прямо; о томъ же, чтобы приготовить изъ нихъ добрыхъ хозяекъ, образовать ихъ умъ и сердце, почти совсѣмъ не заботились [1]). Приведемъ откровенное признаніе модницы, записанное „Трутнемъ":

„Батюшка покойникъ, скончавшись третьяго года, избавилъ меня отъ ужасныхъ хлопотъ и безпокойства. Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу; у васъ въ Петербургѣ и въ голову никому это не входило. Послушай, да не засмѣйся: уморишь, радость! Я принуждена была смотрѣть за курами, за гусями и деревенскими бабами—ха, ха, ха! Разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за эдакою подлостью... Я знала только, какъ и когда хлѣбъ сѣютъ, когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, что нужно знать дураку прикащику. Ужасное знаніе! А того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной, пріѣхала въ Москву, и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, что такое мода. Повѣришь ли, мнѣ стыдно признаться, я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша! Разсуди теперь, какъ меня приняли московскія щеголихи. Онѣ съ головы до ногъ меня засмѣяли, и я три мѣсяца принуждена была сидѣть дома, чтобы только выучиться по модѣ одѣваться. Ни день, ни ночь не давала я себѣ покоя, но, сидя, передъ туалетомъ, надѣвала карпеты (чепчики), скидавала, опять надѣвала, разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налѣпливала мушки, училась различному употребленію опахала, смѣялась, ходила, одѣвалась, и словомъ въ три мѣсяца все то научилась дѣлать по

---

[1]) „Всячина", стр. 124, 325—6.

модѣ. Мнѣ кажется, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще и сама, научиться. Я тебѣ это таинство открою: по счастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она предложила мнѣ свои услуги, разсказала мнѣ, въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ французы дѣлаютъ превращеніе! Изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху—для человѣка невозможно, а французы дѣлаютъ..." [1])

Понятно, что при такомъ направленіи воспитанія, учители танцованія почитались наиболѣе необходимыми, и потому передъ всѣми другими учителями пользовались особеннымъ предпочтеніемъ [2]).

Въ жизни высшихъ общественныхъ кружковъ на первомъ планѣ стояла *мода*, а она требовала ловкости, свободныхъ пріемовъ и веселой, непринужденной болтовни. Нынѣ, жаловались сатирики, на все мода: одѣваются по модѣ, ходятъ по модѣ, даже и бранятся по модѣ. Эти моды измѣнчивы и убыточны: не успѣла утвердиться одна, какъ ее вытѣсняетъ другая, готовая вскорѣ уступить третьей, и т. д. Въ такихъ превращеніяхъ уходитъ время, и что сегодня было любимымъ, завтра будетъ называться стариннымъ. Петербургъ внимательно слѣдитъ за измѣненіями парижскаго вкуса. Петербургу подражаетъ Москва, а столицамъ—провинціи [3]).

По требованію моды, роскошь въ костюмахъ доходила до крайностей: бархатъ, кружева и блонды, серебреныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились съ золотымъ шитьемъ или съ золотымъ галуномъ, и не имѣть такого кафтана для свѣтскаго человѣка значило быть осмѣяннымъ. Щеголь долженъ былъ имѣть такихъ богатыхъ кафтановъ и камзоловъ по нѣскольку, и какъ можно чаще перемѣнять ихъ, сообразуясь съ временемъ года и съ принятымъ модою цвѣтомъ. Шубы бывали бархатныя, съ зо-

---

[1]) 1770 г. стр. 43—44.

[2]) „И то и сё", недѣля XIV.

[3]) „И то и се", недѣля XXIX. „Смѣсь", стр. 148. „Полезное съ Пріятнымъ", IV полумѣсяцъ, стр. 22, 29.

лотыми кистями; на кафтанахъ тоже подлѣ петель привѣшивались иногда кисти, а на шпагѣ — ленточка; манжеты носились тонкія, кружевныя [1]). Щоголи заказывали себѣ платье у французскихъ портныхъ, которые продавали свое искусство весьма дорого и, возвращаясь на родину съ нажитымъ въ Россіи состояніемъ, сказывали, что нѣтъ лучшей дороги къ счастію, какъ быть французскимъ портнымъ въ Россіи, потому что тамъ за всякое платье даютъ вдвое и втрое, исключая то, что догадливый портной сумѣетъ самъ украсть [2]). Франты прошлаго вѣка носили чулки со стрѣлками, башмаки съ красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имѣли при себѣ лорнетъ, карманные часы, по нѣскольку золотыхъ, иногда осыпанныхъ бриліянтами табакерокъ съ миніатюрными портретами красавицъ или съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой, и другія драгоцѣнныя бездѣлки; на пальцахъ дорогіе перстни, а въ рукахъ трость [3]).

Но особенное вниманіе щеголей было обращено на головную уборку: завиваніе волосъ, пудру и парики. Убрать голову согласно съ требованіями свѣтскихъ приличій и для мущинъ и для женщинъ было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь въ двадцать и болѣе, и (по свидѣтельству „Трутня“ щоголи просиживали за такимъ занятіемъ часа по три и по четыре [4]). Французскимъ парикмахерамъ платились большія деньги за прическу головы со вкусомъ, по всѣмъ правиламъ искусства. „Поденьщина“ упоминаетъ о французѣ-парикмахерѣ, который жилъ у богатаго помѣщика и получалъ по 200 рублей, платье, столъ и экипажъ [5]). „Пустомеля“ насмѣхается надъ тѣми, которые, гоняясь за богачами, три

---

[1]) „Всячина“, стр. 81. „Смѣсь“, стр. 314. „Вечера“, ч. II, стр. 172 „Поденьщина“, стр. 24, 32—36. „Адская Почта“, стр. 33, 61, 169. „И то и се“, недѣля 34.

[2]) „И то и се“, недѣля 24. Въ „Вечерахъ“ (ч. II, стр. 242) напечатана похвальная эпистола *новому кафтану*; въ „Старинѣ и Новизнѣ“ — стихи *на смерть закройщика Брокара* (ч. II, стр. 208), а въ „Щепетильникѣ“ (стр. 147) — стихи *на смерть шляпоръза Г. К.*

[3]) „Адская Почта“, стр. 161. „Модное ежемѣсячное изданіе“ 1779 г. ч. I, стр. 240. „Трудолюбивая Пчела“ 1759 г. стр. 276—7. Комедіи Лукина.

[4]) 1769 г. стр. 54. „Адская Почта“, стр. 169.

[5]) Стр. 8—14.

четверти своего дохода издерживали будто бы на одно завиваніе кудрей и пудру [1])! Пудра употреблялась разная, смотря по цвѣту волосъ: poudre grise, poudre blonde [2]). „До сихъ поръ объявлялъ сатирикъ, завивали волосы и ставили кудри *на подобіе заливныхъ трубъ и винныхъ боченковъ*; я нынѣ упражняюся въ изобрѣтеніи новаго манеру. Выдумка моя состоитъ въ томъ, чтобы ставить кудри на подобіе цвѣтка розы и пропудривать волосы красною съ нѣкоторою бѣлизною пудрой" [3]). Журналы записали насмѣшливыя указанія на употребленіе париковъ и кошельковъ [4]).

Въ 1769 году между свѣтскими дамами вошло въ моду носить на башмакахъ высокіе каблуки и какъ можно выше подымать свои прически, что послужило обильнымъ матеріаломъ для журнальныхъ нападокъ. По словамъ „Всячины", женщины всѣ выросли на пядень съ тѣхъ поръ, „какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало", и появились высокія прически. Еслибъ это случилось съ мущинами, тогда пожалуй можно-бъ было догадаться, зачемъ стараются они прикрывать свои головы высокими прическами; но дамы!... Какъ не дивиться высокому зданію, поднятому на женской головкѣ „Устоитъ ли это обыкновеніе или нѣтъ, неизвѣстно; но то правда что кареты будутъ дороже. Каретники уже принялись дѣлать оныя выше, чтобы дамамъ можно было сидѣть прямо". Я, прибавляетъ сатирикъ, заказалъ въ своемъ домѣ всѣ двери сдѣлать выше, дабы дочь моя какъ-нибудь головою не увязла. „Лѣтъ съ двадцать назадъ, бывало, расширяй домы, двери, кареты и прочая—для фишбейновъ; а нынѣ возвышай домы. Въ Петербургѣ уже всѣ строенія, сооруженныя нынѣшнимъ лѣтомъ не въ примѣръ выше тѣхъ, кои строили, когда носили большіе фишбейны; тогда и домы имъ повиновалися, и расли въ ширину поземисто, не подымая стропилъ до облаковъ... Прочитавъ это, быть можетъ, дамы позадумаются, а вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться и скажутъ: дѣвка! повыше, пожалуй

---

[1]) Стр. 55.
[2]) „Смѣсь", стр. 26—7.
[3]) „И то и се", недѣля 1, 2, 4.
[4]) „Всячина", стр. 284. „Кошелекъ", стр. 47. „Сочин. Сумарокова" ч. V, стр. 19.

повыше!" [1]). Моду носить высокія прически осмѣяла сама императрица в комедіи: *Именянины г-жи Ворчалкиной*, представленной въ 1772 году на придворномъ театрѣ [2]). Въ „Модномъ ежемѣсячномъ изданіи, или Библіотекѣ для дамскаго туалета", на 1779 годъ, приложены любопытныя гравированныя изображенія дамскихъ головныхъ уборовъ, поражающихъ своею изысканностію и размѣрами, таковы: *шишакъ Минервинъ или по-драгунски, рогъ изобилія, чепецъ побѣды, уборъ а ла белль пуль*, и др. Мода эта прекращается въ восьмидесятыхъ годахъ: „Вечерняя Заря" (1782 г.) уже напечатала *эпитафію широкимъ накладкамъ и высокимъ прическамъ* [3]).

Румяна, бѣлила и мушки были необходимою принадлежностію щегольскаго туалета; къ нимъ прибѣгали не только женщины, но даже мущины. Въ праздничные дни щеголи, по словамъ Чулкова, ни о чемъ не думали, кромѣ нарядовъ и убранства:

Но только ото сна взглянувъ на свѣтъ очами
Во первыхъ мажутся пахучими водами,
Гнутъ волосы въ крючки......
Потомъ касаются сурмилами бровямъ,
Румянъ и горсть бѣлилъ бросаютъ по щекамъ,
Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ,
И наклеивъ на перстъ, для моды прилѣпляютъ,
Который въ старину именовался *врачъ*[4]).

Но преимущественно украшенія эти, разумѣется, оставались за дамами, которыя бѣлились, румянились, налѣпливали на лица мушки разной величины и формы и часто перемѣщали ихъ съ одного мѣста на другое. Въ назиданіе щеголихъ „Полезное съ Пріятнымъ" публиковало статью о женскомъ уборѣ, въ которой между прочимъ сказано: „Хотя и все на свѣтѣ подвластно непостоянству времени, однако женскій головной уборъ всего скорѣе перемѣняется, и уже на нашемъ вѣку весьма много возвышался и понижался. Правда, нынѣ и мущины своими

---

[1]) Стр. 390—2.

[2]) „Сочин. Екатерины II", ч. II, стр. 170, 160.

[3]) Ч. III, стр. 250, 243—6.

[4]) При этомъ стихѣ находимъ слѣдующее примѣчаніе: О именахъ ручныхъ перстовъ справиться можно въ *Безстрашномъ гражданинѣ* (сатирическій романъ), который въ скоромъ времени печататься будетъ." („И то и сё", неделя 17-ая). „Всячина", стр. 145—6; „Живописец" (изд. 3) ч. II, стр. 49.

возвышенными вержетами прибавляютъ себѣ росту; но что мы бѣдные можемъ учинить всклочиваніемъ своихъ волосъ противъ непостижимаго могущества женскихъ чепчиковъ, которые по пропорціи возвышаются на желаемые градусы?“ Опутывая свою голову бахромками, блондами, кружевами и проволокою, испещряя лицо черными пятнами и закрашивая его румянами, дамы своевольно затмѣвают свою природную красоту: такова-то польза отъ ихъ уборовъ[1])!

„Смѣсь“ напечатала на своихъ листкахъ насмѣшливую статью подъ заглавіемъ: „Происхожденіе, польза и употребленіе опахала“. Опахало, говоритъ авторъ, прекрасно и полезно. Оно исправляетъ должность зефира, отвращаетъ солнечные лучи, прикрываетъ нехорошіе зубы и непристойныя усмѣшки. При мнѣ одна пожилая вдова учила свою внучку: когда начнешь сердиться, покраснѣешь, станутъ напрягаться жилы и морщиться лицо; то ни мало не теряя времени, надлежитъ развернуть опахало и изо всей силы махаться, такъ чтобы слышны были: *кли, кли*!... Знающія свѣтъ женщины умѣютъ опахаломъ изображать разныя страсти; ревность, держа у рта свернутое опахало, не говоритъ ни слова, непристойное любопытство, сохраняя стыдливость, закрываетъ лицо развернутымъ опахаломъ и смотритъ на то сквозь кости опахала, на что стыдно смотрѣть простыми глазами; а любовь играетъ опахаломъ, какъ младенцы игрушками. Не безъ причины опахало падаетъ изъ рукъ красавицы: это часто дѣлается для испытанія обожателей. Они всѣ за нимъ бросятся съ великою скоростію, и первый, кто, поднявъ, подастъ красавицѣ и поцѣлуетъ ея руку, получитъ побѣду надъ своими совмѣстниками; его благодарятъ за учтивость, и въ такомъ случаѣ прелестный полъ болѣе говоритъ глазами, нежели языкомъ. Опахало имѣетъ свои выраженія, которыя любовники легко познаютъ, какъ напримѣръ: будучи въ гостяхъ, красавица нарочно позабудетъ свое опахало, то ея любовникъ, конечно, отвезетъ его къ ней и симъ посредствомъ заведетъ знакомство, или по крайней мѣрѣ отошлетъ при любовномъ письмѣ или стихахъ, на что всегда есть причина отвѣчать... Теперь скажу о тѣхъ веселыхъ часахъ, въ кои

---

[1]) IV-й полумѣсяцъ, стр. 30—32. „Всячина“, стр. 285. „Смѣсь“, стр. 28—29.

волокиты говорятъ красавицамъ страстныя и пустыя рѣчи, то если вырвется словцо двоякаго смысла, тогда свернутымъ опахаломъ, на подобіе палочки, должно съ великою скоростію и умѣренною силою ударить по пальцамъ или по рукѣ такого смѣльчака, а послѣ сего усмѣхнуться и вымолвить: *перестань пожалуй!* Такое пріятное словцо тронетъ самое нечувствительное сердце" [1]).

Въ 1772 году стали было по свидѣтельству „Живописца" подражать англичанамъ [2]); но французская мода одержала верхъ, и ей долгое время суждено было властвовать надъ нашими петиметрами и свѣтскими дамами.

Свѣтское модное воспитаніе не обошлось безъ сильнаго вліянія на отечественный языкъ. Періодическія изданія, проникнутыя строгимъ сатирическимъ направленіемъ, горячо вступились за родное слово, которое въ большомъ свѣтѣ искажалось и передѣлывалось на французскую и нѣмецкую стать [3]): здѣсь создался свой особенный разговорный языкъ, съ странною примѣсью множества иностранныхъ словъ и оборотовъ [4]). По замѣчанію „Смѣси", в большомъ свѣтѣ безъ французскаго языка и умнымъ прослыть было невозможно: хорошій тонъ требовалъ по крайней мѣрѣ примѣшивать къ рѣчи отборныя французскія слова. Разсуждая о такомъ пристрастіи къ французскому языку, „Кошелекъ" прибавляетъ: „Неоспоримая есть истина, что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойдти"; почему издатель и его знакомые согласились постановить между собой такое правило, по силѣ котораго каждый за всякое иностранное слово, произнесенное имъ въ разговорѣ безъ крайней нужды, повиненъ заплатить пять копѣекъ въ пользу воспитательнаго дома, а вновь отысканныя или сочиненныя, по примѣру нѣмцевъ, коренныя россійскія слова сообщать для напечатанія къ пользѣ любителей

---

1) Стр. 3—8.

2) Ч. I (изд. 2), стр. 95.

3) „Всячина", стр. 290.

4) „И то и се" напечатало цѣлый списокъ общепринятыхъ иностранныхъ словъ (авантажъ, амбиціи, галантъ, консилъ, реваншъ и пр.), съ объясненіями (недѣля 26-я).

россійскаго слова [1]). Вмѣстѣ съ иностранными рѣченіям
цѣликомъ взятыми, въ разговорномъ языкѣ моднаго свѣта з
мѣчалось и неумѣренное употребленіе буквально переведенных
французскихъ словъ и выраженій, противныхъ генію нашег
языка, и постройка цѣлыхъ предложеній по правиламъ фра
цузскаго синтаксиса. Народный строй рѣчи былъ постоян
нарушаемъ; кореннымъ русскимъ словамъ нерѣдко придавал
новый и странный смыслъ; самыя грамматическія формы по
вергались нѣкоторымъ искаженіямъ, напримѣръ говорил
увидаю, *услыхаю*, *какъ ли ни*, и пр. Словомъ, говоря
русски, модный свѣтъ думалъ по французски [2]).

„Живописецъ" сообщаетъ интересные образцы подобных
искаженій въ статьѣ: „Опытъ моднаго словаря щегольска
нарѣчія":

Болванчикъ—ласкательное названіе, которое придава
другъ другу любовники, то-же что *idole de mon âme*: „Ах
мущина, какъ ты забавенъ! Ужесть, ужесть! Твои *гнил*
взгляды и томные вздохи и мертваго разсмѣшить могут
Ахъ, какъ ты славенъ, безподобный *болванчикъ*! Ну, есліб
сказала я тебѣ: люблю, такъ вить бы я пропала с тобою.
чести, ты бы до смерти меня залюбилъ, не правда ли? Пер
тань, радость, шутить, это ни чуть не славно".

Маханье—волокитство; *махаться*—волочиться: „Ха, х
ха! ахъ, монкёръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года
женою, и по сю пору ее любитъ! Перестань, мущина, э
никакъ не можетъ быть; три года имѣть въ головѣ сво
вздоръ!... съ чужою женою и *помахаться* не смѣетъ, еще
за грѣхъ ставитъ! Прекрасно! Перестань шутить; по чести,
меня отъ этого сдѣлается тѣснота въ головѣ. Ахъ, какъ э
славно! Они до смерти другъ друга залюбятъ. Ахъ, мущи
ты уморилъ меня"!

Безподобно и *безпримѣрно* въ особенномъ новомъ смысл
напримѣръ: „*Безподобные* люди! она дурачиться по-дѣдовски
тѣмъ *безподобно* его терзаетъ, а онъ такъ теменъ въ свѣтѣ. ч

---

[1]) Стр. 11—16.

[2]) „Смѣсь", стр. 150. „Трудолюб. Пчела", стр. 58—61, 225. „Пус
меля", стр. 15. „Сочиненія Сумарокова", ч. VII, стр. 368—370.

по сю пору не примѣтитъ, что это ни пичуть не славно и совсѣмъ не ловко; онъ такъ развязанъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтъ"[1]). „*Безпримѣрное маханье*! Онъ посадилъ себѣ въ голову вздоръ, а у нея вѣчный въ головѣ безпорядокъ".

Частое употребленіе слова: *ахъ*! „Мущина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница. *Ахъ*, какъ ты славенъ! Ужесть, ужесть: я от тебя падаю... *ахъ*!..." [2])

Вотъ еще образчикъ моднаго нарѣчія: „Mon coeur, Живописецъ! пишет щеголиха. Ты, радость, безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ! Читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; как все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь что я всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи... А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубіанъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ (намекъ на комедію императрицы Екатерины: „Имянины г-жи Ворчалкиной"): куда онъ много выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти: анъ право никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся. Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. Ужесть какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ*: со всѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда въ почтеніи; а его *Дремовъ* никогда не выдетъ изъ дураковъ[3]). Еслибъ узнала я этого автора, то оттѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита; онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи („О, время!") я и сама до смерти захохоталась: ужесть какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ! а эта комедія такую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась на *имянины* не ѣздить. Правда,

---

[1]) Переводъ: „Редкіе люди! Она любитъ его постоянно, а онъ совсѣмъ незнающъ въ щегольскомъ обхожденіи, и не разумѣетъ того, что постоянная любовь въ щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами онъ такъ глупъ, что и самъ любитъ ее равномѣрно".

[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 69, 71, 74—6, 115—7. „Всячина", стр. 56. „Сочинен. Екатерины II", ч. II, стр. 172, 215.

[3]) *Фирлифюшковъ* и *Дремовъ*—дѣйствующія лица въ комедіи Екатерины II.

ты и самъ зацѣпился, но это шуткою... точь-въ-точь высказал ты дражайшаго моего папахина. Какой это несносный человѣкъ Ужесть, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ. По счастью скор выдали меня замужъ; я пріѣхала въ Петербургъ, подвинулас въ свѣтъ, разняла глаза, выкинула весь тотъ изъ головы вздор который посадили мнѣ мои родители, и поправила опрокинуто мое понятіе. Но я никакъ не ушла отъ бѣды: мужъ мой влюблен въ меня до дурачества, а къ тому-жъ еще и ревнивъ. Фуй! как это не ловко: мужъ растрепанъ отъ жены; это, радость, гадко!.. Сказать ли, чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка Одними обмороками. Какъ привяжется онъ ко мнѣ со своим декларасіонами и клятвами, то я сперва говорю ему: отцепис но онъ никакъ не отстаетъ; послѣ этого резонирую, что стыдн и глупо быть мужу влюблену въ свою жену, но онъ никакъ не вѣритъ. Итакъ остается мнѣ одно средство — взять об морокъ"[1]).

Модное нарѣчіе столичныхъ петиметровъ и щеголихъ ото звалось и въ провинціяхъ. Изъ Полтавы было прислано въ „Живописецъ" извѣстіе, что тамошніе молодые люди и дамы произнося *новоманерныя петербургскія слова*, старались при шепетывать и картавить: такъ-де нѣжнѣе[2]). Современная комедія не разъ осмѣивала этотъ „новоманерный" языкъ. Императрица Екатерина, Сумароковъ, Лукинъ и фонъ-Визинъ оставили памя живые памятники такого языка въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ своихъ комедій.

Воспитанные и одѣтые по модѣ, щеголи въ обращеніи старались подражать парижскимъ свѣтскимъ баловнямъ. Пустота легкаго, поверхностнаго образованія, праздная жизнь, полная различныхъ удовольствій, увеселеній, и увлеченіе внѣшними формами, искусственными, но блестящими и роскошными, отразились на ихъ характерѣ рѣзкими и яркими чертами. Вотъ какъ, по свидѣтельству сатирическихъ листковъ, проводилъ время модный человѣкъ, которому придавали тогда названія: *петиметра*, *щоголя* и *вертопраха*.

Проснувшись въ полдень или немного позже, онъ мажетъ лицо свое парижскою мазью, которая дѣлаетъ кожу мягкою и

---

1) „Живописецъ", ч. I (изд. 2), стр. 60—65.
2) Ч. II (изд. 1), стр. 301—2, и ч. I (изд. 2), стр. 147.

нѣжною, натирается разными соками и кропитъ себя пахучими водами; потомъ набрасываетъ *пудреманъ* и понѣскольку часовъ проводитъ за туалетомъ, причесываясь, чистя зубы, румяня губы, подсурмливая брови и налѣпливая мушки, смотря „по погодѣ петиметрскаго горизонта". Какъ бы хорошо ни причесывалъ волосъ его собственный слуга, хотя бы ставилъ пукли на подобіе горлицыныхъ крылышекъ, а вержетъ бекасинымъ носомъ, но петиметръ ни за что не поручитъ ему собственной прически; его чешетъ, помадитъ, украшаетъ кудрями и осыпаетъ пудрою новомодный французскій парикмахеръ, за что беретъ рублей 30 въ мѣсяцъ. Каждый день петиметръ переодѣвается въ различные кафтаны различныхъ цвѣтовъ, строго слѣдуя модѣ. По окончаніи своего туалета онъ садится въ маленькую манерную карету, на которой часто изображались купидоны со стрѣлами, и ѣдетъ вскачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ; везде онъ собираетъ и разглашаетъ новости, насмѣхается въ одномъ домѣ тому, что видѣлъ въ другомъ, и прилыгаетъ то, чего не видалъ. Петиметръ непремѣнно долженъ усвоить себѣ счастливое дарованіе говорить обо всемъ и важно, и шутливо: ротъ его всегда долженъ быть открытъ для веселой болтовни и передачи безконечнаго числа глупостей и житейскихъ мелочей; онъ на все ищетъ противорѣчій, и на всякой случай запасается готовыми эпиграммами: онъ самолюбивъ, тщеславенъ, смѣлъ и даже дерзокъ, но веселъ, говорливъ, насмѣшливъ, и потому нравится женщинамъ. „Когда вы увидите молодаго человѣка, который говоритъ громко, съ безразсудною рѣзвостью, и поминутно хохочетъ, знайте навѣрное, что онъ — женскій временщикъ!" Съ своей стороны петиметръ все свое благополучіе полагаетъ въ томъ, чтобы услужить и угодить дамамъ, и для того старается быть какъ можно чаще въ ихъ обществѣ и не пропускаетъ ни одного публичнаго увеселенія. На Каменномъ островѣ, въ Екатерингофѣ, въ Лѣтнемъ саду, на Дворцовой набережной и на балахъ—вездѣ онъ дамскій собесѣдникъ. Театръ онъ посѣщаетъ не для того, чтобы слѣдить за ходомъ піесы и игрой актеровъ, но чтобы бѣгать по ложамъ, услуживать красавицамъ, или помощію зрительной трубки разсматривать женскіе уборы. Всѣ усилія петиметра направлены на то, чтобы прослыть волокитою. Онъ почитаетъ „за нѣкоторый родъ честолюбія посѣщать женщинъ и говорить съ ними

о любви“. Только увидитъ незнакомую даму, какъ спѣшитъ съ ней познакомиться, сочинить ей мадригалъ и признаться въ любви: такое поведеніе обратилось въ необходимое условіе свѣтской жизни. Петиметръ такъ привыкъ говорить женщинамъ о своихъ чувствахъ, разсыпать передъ ними щедрыя похвалы и повторять французскіе стихи, въ которыхъ воспѣвается любовь, притворно восхищаться ихъ прелестями, и казаться страстно-задумчивымъ, что все это почитаетъ необходимою жертвою прекрасному полу. Въ разговорахъ его съ свѣтскими красавицами безпрестанно слышатся эти обычныя слова: *любовь, склонность, горячность, страсть*, и тому подобный бредъ, который, однакожъ, нравится женщинамъ [1]).

„Моя наука, разсуждаетъ петиметръ, состоитъ въ томъ чтобъ умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ говорить всякія трогающія бездѣлки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану, словомъ дойдти до того, чтобы называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дураками называемъ. Въ бесѣдѣ со щеголихами бываю я воленъ до наглости, смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости: меня за это называютъ *рѣзвымъ ребенкомъ*, и хотя ударятъ меня по рукѣ и скажутъ: „перестань! ты очень дерзокъ“, однакожъ я никогда отъ того не краснѣю. Слова: „я не могу владѣть собою!“ меня въ такомъ случаѣ извиняютъ. Впрочемъ, всегда я долженъ быть вѣтренъ и злоязыченъ. Съ которою *машусь*, ту одну хвалю; въ ней одной всѣ нахожу совершества, а въ прочихъ вижу только недостатки и пороки... Открытіе любви долженъ я дѣлать по новому обыкновенію и никогда не допускать, чтобы въ такіе разговоры вмѣшивалось сердце: это было бы дурачиться по-дѣдовски. По нашему надобно любить такъ, чтобы всегда отстать можно было. Открытіе дѣлаю я всегда какъ будто это ненарочно случилось; напримѣръ, разсказывая кра-

---

[1]) „Полезное съ Пріятнымъ“, полумѣс. VI, стр. 17. „И то и сё“ недѣл. 23-я „Смѣсь“, стр. 38, 77, 178, 249, 253, 262, 294. „Пустомеля“ стр. 30, 35. „Трутень“ 1769 г., стр. 77, 257, 261. „Кошелекъ“, стр. 75—77 „Всячина“, стр. 10, 347. „Вечера“, ч. II, стр. 172, ч. I, стр. 184. „Трудолюбивый Муравей“, стр. 138. „Сочин. Сумарокова“, ч. V, стр. 272; ч. VII стр. 35. „Сочин. Екатерины II“, ч. II, стр. 384, 604. „Вечерняя Заря“ ч. III, стр. 70—73.

савицѣ о какомъ ни-на-есть любовномъ приключенiи, вдругъ прерываю разговоръ: „Э! кстати, сударыня, сказать ли вамъ новость? вить я влюбленъ въ васъ до дурачества; вы своими прелестями так вскружили мнѣ голову, что я не въ своей сижу тарелкѣ!“ - Шутишь, она мнѣ отвѣтствуетъ; ужесть какъ славно ты себя раскрываешь! „Безпримѣрно славно, сударыня! что мнѣ нужды, какъ вы это почитаете: рѣзвостью или дурачествомъ, только я вамъ говорю, въ настоящую, что дурачусь. Пусть я не доживу до *мѣднаго таза*, ежели говорю неправду!“ Послѣ такой клятвы бросаю на нее *гнилой* взглядъ, а между тѣмъ начинаю хвалить ее, и тутъ даю полную свободу языку моему. Она часто потупляется, будто стыдясь слушать себѣ похвалу; иногда усмѣхается, иногда удивляется и почасту говоритъ: „перестань шутить! вить не утѣшно слушать вздоръ“. Послѣ этого я даю свободу рукамъ, мнѣ говорятъ: „ это ужъ и въ истинную глупость!“ а я далѣе, далѣе, а наконецъ она и сама повѣритъ, что это была не шутка. Потомъ бываемъ мы нѣсколько дней смертельно другъ въ друга влюблены, и это называется дурачиться до безумiя. Мы распологаемъ дни такъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ: въ *сѣринькой* ѣздимъ въ англiйскую комедiю въ *пестринькой* бываемъ во французской, въ *колетца* —въ маскарадѣ, въ *мѣдный тазъ*—въ концертѣ, въ *сайку* смотримъ русскiй спектакль, въ *умойся*—дома, а въ *красное* ѣздимъ прогуливаться за городъ [1]). Такимъ образомъ держу ее *болванчикомъ* до того времени, какъ встрѣтится другая“ [2]).

Много времени уходило еще на карты и на заботы добыть взаймы денегъ. Прiѣзжая занимать, петиметръ входитъ съ надменнымъ видомъ, говоритъ о своемъ богатствѣ и проситъ денегъ увѣряя честью, что въ назначенный срокъ непремѣнно заплатитъ. Если ему отказываютъ, то, оставляя надменность, онъ доходитъ до самой унизительной подлости, а когда получитъ деньги и выйдетъ за двери, тотчасъ возвращается къ нему и прежняя гордость [3]). Такимъ образомъ вся жизнь петиметровъ тратились среди пировъ и увеселенiй, на волокитство, занятiя туалетомъ и пустую болтовню; трудъ считали они

---

[1]) Модныя названiя дней недели.
[2]) „Живописецъ“, ч. I (изд. 2), стр. 26—29.
[3]) „Вечера“ ч. I, стр. 186.

подлымъ [1]) и легко проматывали большія состоянія. Но и въ тотъ печальный періодъ, когда деревни были разорены или прожиты, и когда ни одинъ ростовщикъ не хотѣлъ давать взаймы денегъ, а купцы переставали вѣрить въ долгъ, петиметръ остается вѣренъ своему призванію. Онъ послѣдній свой кафтанъ перешиваетъ разовъ пять и увѣряетъ всѣхъ, что золотомъ обложенные кафтаны носить тяжело, и за границею-де они не въ модѣ [2]). Вотъ еще любопытная черта истиннаго петиметра: онъ раскланивается учтиво изъ своихъ знакомыхъ только съ тѣми, которые одѣты по модѣ; прочимъ кланяется съ гордостью и съ нѣкоторымъ видомъ покровительства или вовсе ихъ не узнаетъ [3]). Модные старички не отставали отъ молодежи, также волочились, нашептывали любезности, рыскали по баламъ, комедіямъ и гульбищамъ, и дѣлали шалости [4]). „Мы прежде, говоритъ „Смѣсь", походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками" [5]).

Таковы петиметры прошлаго столѣтія. Въ ихъ характерѣ много общихъ сторонъ съ характеромъ львицъ того же времени, которыя въ сатирическихъ изданіяхъ называются „кокетками". Вліяніе этихъ послѣднихъ въ общественной жизни было весьма значительно. Черезъ нихъ выходили въ люди; онѣ внушали молодымъ людямъ понятія о модахъ и свѣтскомъ обращеніи и заправляли общимъ вкусомъ [6]). Свѣтская женщина высшею цѣлью поставляла нравиться мущинамъ; она одѣвалась щегольски, старалась умножить свою природную красоту искусствомъ и заслужить отзывъ: „ужесть какъ мила", постоянно посѣщала собранія, театральныя зрѣлища и маскарады [7]). День свой она проводила такъ:

Утро посвящалось туалету, при чемъ на долю служанокъ выпала самая жалкая роль. Если тѣни на лицѣ свѣтской дамы

---

[1]) „Всячина", стр. 252. „Смѣсь", стр. 14, 253, 318.
[2]) „И то и сё", недѣля 23-я.
[3]) „Адская Почта", стр. 125—6.
[4]) „Вечера", ч. I, стр. 39; ч. II, стр. 194—5.
[5]) Стр. 150—2.
[6]) „Живописецъ", ч. II (изд. 3), стр. 42—43. „Адская Почта", стр. 29.
[7]) „Смѣсь", стр. 101, 201. „Трутень" 1770 г., стр. 20, 41—42; 1769 г., 29.

были ни такъ привлекательны, какъ наканунѣ, за это отвѣчали служанки; если ленточка, которую сама же она приколетъ, нейдетъ ей къ лицу—опять виноваты бѣдныя дѣвки и должны поплатиться за такую вину терпѣніемъ, а иногда и щеками. Однимъ словомъ, говоритъ сатирикъ, все время, посвящаемое щеголихою уборамъ, что продолжается часовъ пять, кажется имъ ужасомъ; „да ежели и мужъ попадется въ это время, то и ему эти часы раемъ не покажутся"; но, Боже сохрани! если осмѣлится он упомянуть о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе,—тутъ онъ пропалъ! Жена, вскрикнувъ: *ахъ*! упадетъ въ обморокъ, потомъ, прійдя въ память, прольетъ изъ своихъ прекрасныхъ глазъ токи слезъ, начнетъ умирать и бѣдный мужъ волей-неволей принужденъ будетъ просить прощенія. А жена и послѣ того продолжаетъ свою прежнюю жизнь съ тою прибавкой, что жалуется всѣмъ на нестерпимый нравъ своего мужа Когда она одѣнется, тотчасъ же ѣдетъ въ гости, гдѣ злословитъ всѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ несчастіе быть красивыми или живутъ не такъ, какъ предписываютъ уставы моднаго свѣта. Тамъ дожидается ея толпа молодыхъ людей, прельщенныхъ ея нарядами, и забавляетъ ее пріятною болтовней на языкѣ, вполовину русскомъ, вполовину французскомъ. Послѣ обѣда она отправляется на какое-нибудь публичное увеселеніе, ведетъ за собою цѣлую толпу обожателей, и „ни одного изъ нихъ не любя, ни у одного не отнимаетъ надежды"; того даритъ нѣжною улыбкой, другому скажетъ пріятное слово, и всякого старается привязать къ себѣ, ни къ кому сама не привязываясь. Въ обществѣ свѣтская женщина всѣми силами старается обратить вниманіе мущинъ на свою красоту; ни одного движенія не сдѣлаетъ даромъ: она поднимаетъ глаза свои вверхъ, чтобы примѣтили, какъ прекрасны они въ этомъ положеніи; протягиваетъ руку, чтобы дивились ея бѣлизнѣ; вотъ какъ бы нечаянно уронила опахало и, наклонясь за нимъ, открыла свою грудь болѣе чѣмъ принято; а подымая опахало, какъ будто не нарочно приподняла свою юпку, чтобы показать свою маленькую ножку. Нѣкоторыя дамы думаютъ даже притворными ужимками возвысить свои прелести; онѣ жеманятся, громко хохочутъ, бросаютъ на щеголей страстные взгляды и часто повторяютъ нескромный вопросъ: *хороша ли я?*—Далеко за полночь возвращается домой

модная дама, и долго еще думаетъ о тѣхъ уборахъ, какіе видѣла у знакомыхъ львицъ, а кстати и о средствахъ, какъ бы выпросить у мужа денегъ на подобные же наряды [1]).

Свѣтское обращеніе прошлаго столѣтія допускало много вольности. Разговоры между дамами и мущинами преимущественно касались любовныхъ похожденій, страстныхъ признаній и сплетень двусмысленнаго содержанія о разныхъ знакомыхъ лицахъ; волокитство было и общимъ развлеченіемъ и цѣлью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нѣжная, предупредительная любовь между мужемъ и женою на языкѣ моднаго свѣта называлась смѣшнымъ старовѣрствомъ. Сатирическія изданія жалуются на свѣтскихъ дамъ, которыя нарядами занимались болѣе, нежели хозяйствомъ, и чужіе дома любили больше своего [2]). Но торжество моды было, если мужъ и жена жили на двѣ раздѣльныя половины, и имѣли свой особенный кругъ знакомства, если жена была окружена роемъ обожателей, а мужъ содержалъ „метрессу“, что конечно стоило большихъ суммъ [3]).

Эти характеристическія черты нравовъ и образа жизни моднаго свѣта уже достаточно поясняютъ источникъ общаго стремленія къ роскоши и великолѣпію, блеску которыхъ не можемъ не удивляться, читая дошедшія до насъ достовѣрныя описанія. И въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, роскошь являлась въ небывалыхъ размѣрахъ. Знать проживала огромныя богатства. Чего стоили одни торжественные обѣды? Вспомнивъ пиръ Потемкина, прославленный стихами Державина. Столъ П. А. Зубова, графини Броницкой и графа Н. И. Панина стоилъ по 400 рублей въ день каждому, кромѣ напитковъ, которые вмѣстѣ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ стоили не менѣе 200 рублей. Безбородко издерживалъ громадныя суммы: въ квартирѣ своей онъ собралъ горы серебра и золота и осыпалъ себя бриллiантами. Много надѣлали шуму праздники, данные имъ въ 1796 году, во время пріѣзда шведскаго короля въ

---

[1]) „Вечера“, ч. I, стр. 187—9; ч. II, стр. 106—9. „Всячина“, стр. 374. „Трутень“ 1769 г., стр. 244. „Смѣсь“, стр. 191, 242.

[2]) „Всячина“, стр. 143, 158. „Трутень“ 1769 г., стр. 47; 1770 г., стр. 106. „Смѣсь“, стр. 191. „Адская Почта“, 238.

[3]) „Смѣсь“, стр. 43. „Трутень“ 1769, стр. 67 „Живописецъ“, ч. I (изд. 2), стр. 123—4, 133; ч. II (изд. 3), стр. 62. „Адск. Почта“, стр. 60, 140.

С.-Петербургъ. Въ торжественные праздники пріѣзжалъ онъ ко двору въ раззолоченной восьмистекольной каретѣ; андреевская звѣзда на немъ, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжки на башмакахъ—были всѣ изъ брилліянтовъ. Одной италіянской пѣвицѣ давалъ онъ въ мѣсяцъ по 2,000 рублей золотомъ, а при отпускѣ ея въ Италію подарилъ деньгами и брилліянтами на 500,000 рублей. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку, имѣлъ отъ нея дочь, которую выдалъ потомъ замужъ и далъ за нею въ приданное домъ въ 300,000 рублей да имѣніе, приносившее 80,000 руб. доходу. Графъ Остерманъ въ торжественные дни ко двору и на святой недѣлѣ подъ качели выѣзжалъ въ богато-вызолоченной каретѣ, съ большими по сторонамъ и спереди стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гайдука въ казакинахъ съ серебряными шнурами, голубыхъ епанчахъ, высокихъ картузахъ съ перьями и серебряными бляхами. Передъ каретою шли два скорохода съ булавами и въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь [1]) А. А Нарышкинъ славился роскошнымъ гостепріимствомъ; современныя вѣдомости сохранили для насъ интересное описаніе великолѣпнаго бала и маскарада, данныхъ имъ на собственной дачѣ, съ различными аллегорическими представленіями и чудесными фейерверками [2]).

Знати старалось подражать и все высшее, сколько-нибудь знакомое съ европейскими обычаями, общество. Журналы упоминаютъ, въ своихъ сатирическихъ нападкахъ, о золоченныхъ каретахъ, запряженныхъ шестерней дорогихъ коней молочнаго цвѣта. По словамъ „Трутня", были такіе щеголи, которые держали по шести каретъ и по шести цуговъ лошадей, кромѣ верховыхъ и санныхъ [3]); а „Смѣсь" разсказываетъ о такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ по 14,000 рублей[4]). Красный кабачекъ, билліардные и игорные домы и клубы много отнимали времени и денегъ. Въ отвѣтахъ своихъ фонъ-Визину

---

[1]) Записки о Екатеринѣ Великой, статсъ-секретаря Грибовскаго, стр. 60, 65, 72.

[2]) „Сѣверный Архивъ" 1827 г., ч. 27, № 11, стр. 261.

[3]) Стр. 219 (1769). „Смѣсь", стр. 77.

[4]) Стр. 185, 210.

императрица замѣтила, что общества въ столицахъ перевелись между благородными „отъ размножившихся клубовъ“. Впрочемъ журналы часто упоминаютъ о балахъ, маскарадахъ и визитахъ. Сверхъ того большой свѣтъ любилъ прогулки по петербургской набережной, по моднымъ лавкамъ и гостинному двору, гдѣ, разбирая ново-привезенные товары и разные уборы, петиметры и щеголихи не забывали болтать, сплетничать и волочиться. Отъ такихъ прогулокъ по гостинному двору купцы, по свидѣтельству „Живописца“, получали большія прибыли, ибо у модныхъ дамъ въ такое время рождалось „ превеликое желаніе покупать, или лучше сказать—брать всякіе нужные и ненужные товары“[1]). Всѣ эти чрезвычайные расходы должны были вести къ разстройству состояній и долгамъ. „Отчего всѣ въ долгахъ“? спрашивалъ фонъ-Визинъ императрицу.—Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ, отвѣчала она. За богачами тянулись и люди съ посредственными состояніями; за столицами —провинціи. По отзыву „Полезнаго съ Пріятнымъ“, и простые люди при деньгахъ старались изъ тщеславія устраивать свои домы, экипажъ, столъ и гардеробъ также великолѣпно, какъ дѣлалось то у знатныхъ, и такимъ образомъ весь достатокъ, накопленный трудами ихъ отцовъ, безрасудно расточали неумѣренными расходами[2]). Въ „Смѣси“ было напечатано та-

[1]) „Живописецъ“., ч. I (изд. 2), стр. 37, 144—6. „Всячина“, стр. 173. „Вечера“, ч. II, стр. 109—110. Въ „Живописцѣ“ отъ имени купцовъ напечатано: „Когда пріѣзжаютъ къ намъ любовникъ и любовница, мы наперехватъ стараемся звать ихъ къ себѣ въ лавки, не щадя трудовъ своихъ, стараемся показывать всякіе товары и перебиваемъ всѣ куски. Въ такомъ случаѣ господа любовники весьма мало съ нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорятъ почасту: „ахъ, какъ это дорого! ужасно! нѣтъ, я этого не возьму; я бы хотѣла это купить, но это черезчуръ дорого“, но мы непугаемся такихъ отговорокъ. На любовномъ языкѣ это значитъ: ежели ты не скупъ, такъ заплати деньги. И мы такъ примѣнились къ такимъ двусмысленнымъ словамъ, что изъ требуемой цѣны ни копѣйки никогда не уступаемъ, говоря при томъ: это, сударыня, очень дешево; другому бы я за такую цѣну не уступилъ, а его чести уступаю для того, что онъ всегда соизволитъ покупать товары на готовыя деньги... повѣрьте, его милость копѣйки даромъ не броситъ! Тутъ мы всѣ трое усмѣхнемся, а господинъ тотчасъ станетъ увѣрять госпожу, что это не дорого и, заплатя деньги, скажетъ: онъ дѣтина совѣстный, обманывать не станетъ“.

[2]) Полумѣсяцъ V, стр. 3—7.

кое письмо: „Хотя я живу не въ столичномъ городѣ, но въ отдаленной отъ васъ губерніи; однако не думайте, чтобы здѣсь не имѣли понятія о пышныхъ вашихъ веселостяхъ... Наши балы и собранія подобны малымъ картинамъ, изображающимъ ваши маскарады и прочія веселости. Разстояніе тысячи верстъ не препятствуетъ новымъ модамъ доходить къ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Знаете ли, что петербургскій или московскій чепчикъ столько же здесь примѣчается, какъ Венерино прохожденіе мимо солнца наблюдается астрономами? Онъ долгое время составляетъ матерію всѣхъ женскихъ разговоровъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, привлекаетъ общее вниманіе, производитъ удивленіе и стараніе сдѣлать ему подобный. Конечно, вамъ надлежитъ думать, что и здесь по модѣ одѣваются, когда высота нарядовъ на головѣ больше, нежели долгота лица“[1]).

Проживать доходы и проматывать имѣнія много помогала усиленная картежная игра. Въ 1763 году, императрица писала къ московскому главнокомандующему графу Салтыкову: „До меня доходятъ непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣрныя игры ни къ чему болѣе ни служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ“. Сатирическіе журналы разсказываютъ о такихъ страстныхъ игрокахъ, которые дни и ночи просиживали за картами и спускали всѣ деньги съ экипажемъ и лошадьми, на которыхъ пріѣхали [2]). Грибовскій въ своихъ интересныхъ запискахъ упоминаетъ о статсъ-секретарѣ В. С. Поповѣ, что онъ много проживался на игру: часто выносилъ онъ изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, которые однакожъ никогда назадъ не возвращались [3]). Лукинъ въ предисловіи къ своей комедіи: „Мотъ, любовью исправленный“ высказалъ откровенное признаніе, которое любопытно какъ характеристическая черта своего времени. „Мнѣ опытами извѣстно, говоритъ онъ, сколь много молодыхъ людей, завидными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ время въ позорномъ мотовствѣ, и сколь многіе отъ того приходятъ

---

[1]) Стр. 305—6. „Живописецъ“, ч. II (изд. 1-го), стр. 298—9.
[2]) „Смѣсь“, стр. 77. „Адская Почта“, стр. 32.
[3]) Стр. 82.

въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, отъ крайности въ дѣла предосудительныя. Многіе, коротко меня знающіе, свѣдомы, почему я толь подробно сужу о слѣдствіяхъ, могущихъ отъ мотовства случиться; а тѣмъ, кто меня не знаетъ, скажу не стыдясь, что я самъ въ ономъ ремеслѣ долго упражнялся: я игралъ... Игравши, видѣлъ я болѣе ста человѣкъ, не только совершенно промотавшихся, но и въ самую погибель пришедшихъ. Большею частію случалось сіе съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ своихъ съ глупыми дядьками или къ несмысленнымъ и безпечнымъ родственникамъ. Разорялися они обычайно ремесленными картежными игроками... Тогда было такое время и обычай, чтобы всѣмъ, то есть богатымъ и убогимъ, въ золото и щегольскія одежды наряжаться, но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старалися избирать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія, пускалися въ игру и оною обогащались. Вообрази, читатель, толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую; обычайно собираются оные *художники* въ большую палату... хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся... Всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять все до последней полушки и лишить не только пропитанія, но и самыя чести... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, имѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя отъ иждивенія несчастныхъ противоборниковъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотяся, и, имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами ужаснымъ фуріямъ; иные унылостію духа преступникамъ, на казнь ведущимся... Бо́льшая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе клянутъ день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты!“ [1]) На подобныя сцены наме-

---

[1]) Сочиненія и переводы В. Лукина (С.-Петербургъ, 1765), ч. I, стр. V—XI.

каетъ и еженедѣльникъ „И то и сё“ [1]). Роскошь, мотовство и высокая игра заставляли щеголей прибѣгать къ частымъ займамъ. Появились ростовщики, которые за свои услуги брали слишкомъ огромные проценты и втайнѣ скопляли большія богатства. Журналы не оставили безъ обличительной сатиры ни ростовщиковъ ни тѣхъ господъ, которые, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, не платили долговъ и при всякой просьбѣ объ уплатѣ отвѣчали своимъ кредиторамъ вѣчное *завтра* [2]).

IV.

Начиная съ Петра Великаго, въ литературѣ нашей не переставало слышаться обличительное слово, направленное противъ лихоимства, ябеды, беззаконныхъ судей и приказныхъ. Противъ „*застарѣлой* неправды“ рѣзко говорилъ Посошковъ въ своихъ проектахъ, гремѣла проповѣдь Ѳеофана Прокоповича, писалъ сатиры Кантемиръ, колко и откровенно выражались сатирическіе памфлеты Сумарокова и Нахимова, явился цѣлый рядъ комедій, между которыми встрѣчаемъ „Ябеду“ Каписта и „Неслыханное диво или честный секретарь“ Судовщикова. Ни императрица Екатерина II, ни фонъ-Визинъ не обошли этого общественнаго вопроса, и перо послѣдняго завѣщало намъ превосходныя „письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника *Взяткина*“; сатирическія изданія прошлаго столѣтія съ самымъ живымъ, энергическимъ участіемъ возвышали свой голосъ противъ неправосудія и взятокъ, и это одна изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ этихъ изданій. Невольно рождается вопросъ: почему же, несмотря на такое дружное литературное противодѣйствіе, „застарѣлая неправда“ долго оставалась и—нечего таить—до сихъ поръ остается въ нашихъ нравахъ?

Справедливы ли жалобы на недостатокъ правосудія? спрашиваетъ „Всякая Всячина“, журналъ, издававшійся статсъ-секретаремъ Екатерины II, Козицкимъ; справедливы ли эти жа-

---

[1]) Недѣля 29 и 50.

[2]) „Трутень“ 1769 г., стр. 48, 72; 1770 г., стр. 5. „И то и сё“, недѣля 34-я. „Парнасск. Щепетильникъ“. стр. 8—9. „Вечера“, ч. II, стр. 93—97. „Живописецъ“, ч. II (изд. 3), стр. 49—50.

лобы теперь, когда честный гражданинъ долженъ признаться, что можетъ быть никогда правительство не имѣло болѣе заботы о своихъ подданныхъ, какъ въ настоящее время? Мы не можемъ сомнѣваться, что „великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣть справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области. О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ коммиссіи уложенія, где упомянуто, что никакой народъ не можетъ процветать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть что правосудія нѣтъ? Источникъ этого зла кроется въ законахъ, судьяхъ и въ насъ самихъ. Законы представляютъ много запутанности; но можно надѣяться, что такая невыгода скоро будетъ устранена, ибо императрицею созвана вся нация для составления новаго проекта узаконеній. Судьи, опредѣляемые обыкновенно изъ военныхъ или приказныхъ, не отличаются познаніями; но врождено ли въ нихъ чувство правды на столько, чтобы оно могло вознаградить недостатокъ свѣдѣній? того никакъ утверждать нельзя. Наконецъ въ самомъ обществѣ замѣчается постоянная наклонность къ тяжбамъ и ябедѣ“ [1]).

Дѣйствительно, судьи прошлаго столѣтія не могли похвастаться образованіемъ ни умственнымъ ни нравственнымъ. Рѣдко даже знали они основательно тѣ указы, которыми должны были руководствоваться при разборѣ и рѣшеніи дѣлъ, что впрочемъ при отсутствіи стройнаго, систематическаго свода законоположеній и при накопленіи разнообразныхъ указовъ не чуждыхъ сбивчивости и противорѣчій, было нисколько не удивительно. Нужна была долгая опытность, постоянное обращеніе съ дѣлами, чтобы помнить узаконенія и умѣть пріискать необходимыя въ данномъ случаѣ. Такими дѣльцами скорѣе другихъ могли сдѣлаться секретари, долго продержавшіеся на службѣ,— и какъ много было судей, которые, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, прямо подписывали всѣ опредѣленія, подготовленныя секретаремъ! Рѣшеніе дѣла главнымъ образомъ зависѣло отъ такого секретаря, и челобитчики уже напередъ старались задобрить его и склонить на свою сторону [2]). Еще ниже стояли приказ-

---

[1]) Стр. 276—8.

[2]) „Трутень“ 1769 г., стр 260—1. „И то и сё“, неделя 48.

ые и подьячіе; сатирическая литература изображаетъ ихъ съ ѣзкою и колкою насмѣшливостію. Понадобилось мнѣ, разсказываетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Трутня“, чтобъ подписали въ Москвѣ мою подорожную; я пошелъ въ коллегію. „Сторожъ, отставной солдатъ, бывшій въ походахъ при первомъ императорѣ, ввелъ меня въ большую комнату, гдѣ всѣ стѣны замараны чернилами и въ которой навалено великое множество бумагъ, столовъ и сундуковъ. Человѣкъ восемьдесятъ подьячихъ разнаго рода, и оборванныхъ, и напудренныхъ, наполняли комнату. Многіе изъ нихъ *драли друг друга за волосы*, а прочіе кричали и смѣялись. Столь странное зрѣлище привело меня въ удивленіе; я спрашивалъ: зачѣмъ тутъ такая драка? и насилу могъ довѣдаться, что такъ *наказывали* приказныхъ служителей за разныя неисправности“ [1]. „Всячина“ напечатала на своихъ листкахъ весьма характеристичныя „нравоучительныя заповѣди подьячимъ“:

1) Не бери взятокъ.

2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго.

3) Не сотвори крючковъ.

4) Не обходися грубо съ людьми.

5) Не говори челобитчикамъ: *завтра.*

6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей.

7) Не давай наставленій въ ябедѣ.

8) *Не напивайся пьянъ.*

9) *Чеши всякой день голову, ходи чисто.*

10) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ [2].

Отъ такихъ судей и подьячихъ, конечно, не легко было добиться правды. Съ другой стороны, вредная страсть къ ябедѣ и тяжбамъ, крывшаяся въ разныхъ классахъ общества, много помогала судейскому произволу, и по справедливости заслуживала то строгое обличеніе, съ какимъ выступили противъ нея передовые люди своего времени. „Все поглощаетъ ненасытное время! сказано въ „Вечерахъ“, не исчезаютъ однѣ ябеды и

---

[1]) 1770, стр. 85. „И то и сё“, недѣля 34.

[2]) Стр. 376.

крючкотворства; онѣ отъ потомства въ потомство переходят
ябеды узловатѣе становятся, крючки больше растутъ, подьяч
богатѣютъ!“ [1]) Въ крестьянской отпискѣ къ помѣщику, напеч
танной Новиковымъ, читаемъ: „Прикажи, государь, добивать
по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную че
битную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и пото
его челобитью была за мною (старостою) изъ города посыл
Меня въ отчинѣ тогда не было; посыльные забрали въ горо
шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору, и я, го
дарь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и кр
стьянъ нашихъ выпустили; только по тому дѣлу стало мі
денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба да пять возовъ сѣна. *Н
храпцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять
тюрьму засадить; секретарь ему родня... а воевода никаки
дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ се
ретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ!“ [2]). Друг
случай: въ томъ же уѣздѣ, гдѣ мои деревни (жалуется оди
помѣщикъ), живутъ въ отставкѣ два родные брата *Вертяев*
извѣстные ябедники и грабители. Послѣ покойной родственни
моей досталась мнѣ деревнишка. Одинъ изъ этихъ господ
провѣдавъ, что я человѣкъ нехлопотливый, приказныхъ дѣ
не люблю, вздумалъ присвоить эту деревеньку себѣ. Что
имѣть какую-нибудь привязку, выискалъ онъ одну дуру, ко
рая доводилась покойницѣ сродни, хотя и не имѣла никако
права на наслѣдство; привезъ ее въ городъ и взялъ съ н
купчую, по которой и сталъ отыскивать принадлежащей м
деревни. Долго бы не избавился я отъ безпокойныхъ судебны
хлопотъ, еслибъ не защитилъ меня графъ Р*, мой благод
тель, который писалъ по этому поводу къ губернатору. Спр
шивалъ я одного сосѣда: какъ они могутъ жить съ таки
ябедниками и душевредниками, каковы господа *Вертяев*
Онъ отвѣчалъ мнѣ: „ваше приключеніе есть еще малый опы
ихъ бездѣльничества! За нѣсколько лѣтъ передъ симъ одно
небогатому старику-дворянину досталось по наслѣдству соро
душъ. Младшій *Вертяевъ* призвалъ этого дворянина къ се

[1]) Ч. I, стр. 5. „Трудолюб. Муравей“, стр. 172.
[2]) „Трутень“ 1769, стр. 206.

и говоритъ: ты приказныхъ порядковъ не знаешь, и врядъ ли получишь свою деревеньку! Хочешь, для твоей бѣдности я на себя возьму хожденіо по дѣлу? только мнѣ стыдно быть за тебя повѣреннымъ, ты лучше дай мнѣ закладную; а я какъ выхлопочу деревню, закладную тебѣ назадъ отдамъ. Тотъ по простотѣ своей не разсудилъ дѣла, выдалъ ему закладную, по которой *Вертяевъ* и записалъ деревню за собою. А бѣдный старикъ съ печали переселился въ то жилище, въ которомъ чужихъ душъ никто не желаетъ... Подобные-то люди пріятную деревенскую жизнь напояютъ ядомъ!" [1]). „Вечера" публиковали *для извѣстія*: „Одинъ знающій всѣ законы наизусть стряпчій, котораго ни къ какому суду за ябедничество допускать не велѣно, желаетъ вступить въ службу къ какому-нибудь доброму помѣщику, съ тѣмъ обязательствомъ, что онъ помѣщиковымъ именемъ у всѣхъ его сосѣдей оттягаетъ луга, лѣса и земли, и клянется совѣстію вскорѣ его обогатить, ежели кто изъ сосѣдей не дастъ ему больше денегъ, нежели сколько онъ отъ своего помѣщика получитъ. Въ противномъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ за то, останется ли его хозяинъ при своей деревнѣ, и не продастъ ли онъ его самого" [2]).

Проволочка дѣлъ, чрезвычайная медленность въ ихъ рѣшеніи и взятки, по единогласному свидѣтельству литературныхъ памятниковъ, были обычными недугами XVIII вѣка у насъ. Тяжбы длились десятки лѣтъ; судьи и приказные подчивали докучливыхъ челобитчиковъ безконечнымъ *завтра* [3]). „Всячина" жаловалась, что трудно привести къ концу правдивое и ни мало незапутанное дѣло, хотя бы о ничтожной ссорѣ и личномъ оскорбленіи: „надобно тутъ много и крючковато писать, довольно бумаги и денегъ тратить, стряпчаго нанять и взять терпѣніе на годъ, на другой, *буде не станетъ это дѣло перевозиться съ мѣста на мѣсто*". У какого-то бѣдняка была пустошь съ семьею людей; ею насильно завладѣлъ нахальный сосѣдъ, и вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ судится, а толку нѣту: дѣло къ концу не подвигается за ябедами и пересылками изъ одного мѣста въ другое. Истецъ, по словамъ

[1]) „Трутень" 1769, стр. 51—53. „Адская Почта", стр. 58.
[2]) Ч. I, стр. 173—4.
[3]) „Трутень", ч. II, стр. 86.

„Всячины“, уже думаетъ самъ отстать отъ процесса, пока с
всѣмъ не разорился [1]).. *У* одного мясника увели быка. Ка
скоро узналъ мясникъ вора, онъ сейчасъ же отправился
канцелярію, билъ челомъ секретарю и, вѣдая канцелярс
обычаи, впустилъ ему въ руку два крестовика. Секретарь сд
лалъ истцу приличный выговоръ: „я, другъ мой, не так
человѣкъ, чтобы взятки брать!“ и опустилъ деньги въ ка
манъ. Воръ былъ отысканъ и представленъ, но отдѣлался им
ріаломъ, а мясника началъ секретарь допрашивать *по форм*
то-есть о чемъ не надобно, и „завелъ съ нимъ такую матер
которой мужикъ не разумѣлъ. Онъ началъ дѣло почти о
потопа. Мужикъ все отвѣчалъ не кстати, потому что не кста
его допрашивали. Наконецъ написано опредѣленіе, что мя
никъ *въ рѣчахъ своихъ замѣшался*, и рѣшено его высѣчь
напрасное оклеветаніе своего ближняго“. Мужикъ подалъ апп
ляцію. Разсказывая этотъ случай, „Адская Почта“ Эмина пр
бавляетъ: „Мало же добра будетъ мяснику, когда дѣло пош
на апелляцію. Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати—не боль
то можетъ статься, дождется конца своего дѣла“ [2]). Чтобы дѣ
двигалось, нужно было подмазывать колеса судебно-админ
стративной машины. „Иной скажетъ, зачѣмъ лихоимцу дава
Отвѣчаю, безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чре
волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ ра
ряются да не только спорными дѣлами, но и безспорным
Но и деньги надо было давать умѣючи. Нѣкоторые подья
хоть и брали взятки, но дѣло волочили по прежнему; и толь
погрози пожаловаться на нихъ за проволочку дѣла, подьяч
сейчасъ отвѣтитъ: „изволь просить, а я скажу, что ты м
деньги давалъ; а за то де *наказаніе одно, что плуту-лих
цмцу, что доброму человѣку-просителю*!“ [3]).

Сатирическіе журналы упоминаютъ о разнообразныхъ с
собахъ брать взятки, многіе изъ этихъ способовъ любопыт
по той благовидности, какою старались прикрывать сущнос
дѣла. Въ одномъ кружкѣ разсказывалъ про свое горе выгна
ный изъ службы воевода: „По отставкѣ изъ арміи опредѣли

---

[1]) Стр. 274, 396—7.
[2]) Стр. 48—50.
[3]) „Всячина“, стр. 52, 306—8.

меня на воеводство; я не поладилъ съ подьячими; они подослали ко мнѣ одного челобитчика съ подарками: съ табакомъ, французскою водкой и сахаромъ, а сами за тѣмъ подсматривали. Смотрю, на другой день уже одинъ подьячій подалъ на меня доносъ во взяткахъ, и вотъ я по слѣдствію отрѣшенъ отъ мѣста и другой годъ скитаюсь по дворамъ съ женою и ребятишками". Въ отвѣтъ на эту жалобу кто-то изъ слушателей сказалъ ему: „то-то, братъ! говорится пословица: не учась въ попы не ставятся. Кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и по сю пору тамъ жилъ и дѣтямъ бы кой-что оставилъ!" —Какъ же брать-то? „А вотъ какъ: ты посадилъ бы просителя играть въ карты: онъ нарочно-бъ тебѣ проигралъ; или продалъ ему свою дешевую вещь за дорогую цѣну, или далъ ему порученіе купить что-нибудь на твой счетъ: это-бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло; или промѣнялъ бы ему свою плохую вещь за его добрую, или наконецъ научилъ бы своего мальчика собирать съ просителей оброкъ, а еслибы началось дѣло—могъ бы его куда-нибудь сослать; да полно, слугамъ и безъ того не повѣрятъ въ случаѣ доноса на господъ! Это тѣ-же взятки, да въ руки другимъ путемъ попадаютъ!" [1]). „Адская Почта" почти тоже засвидѣтельствовала. „Хотя многіе указы, говоритъ этотъ журналъ, гласятъ, чтобъ приказные не брали взятокъ; но они увѣряютъ, что ничего не брать отъ просителей есть дѣло сверхъестественное... Теперь многіе изъ сихъ господъ выдумали средство воровать *политическимъ образомъ*, то есть сами взятокъ не берутъ, но надобно просителю сходить на поклонъ къ хозяюшкѣ, которая весьма ласково его приметъ. Прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою. Есть и еще хитрѣе: нѣкоторые приказные грабятъ благороднымъ способомъ. Они того просителя, который въ нихъ имѣетъ нужду, попросятъ къ себѣ обѣдать, потомъ сядутъ съ нимъ играть въ карты; проигрывая, показываютъ видъ весьма сердитый, а выигрывая, чрезвычайно ласковый, и этотъ языкъ скоро сталcя просителямъ вразумителенъ: они въ угожденіе хозяина въ ломберѣ и три матедора сбрасываютъ и, проигравъ рублей съ 200 или сколько хозяину получить

---

[1]) „Всячина", стр. 394—5.

отъ нихъ прилично, на другой день получаютъ своему дѣлу рѣшеніе“ [1]).

Взятка на подьяческомъ языкѣ называлась *акциденція* и *барашекъ въ бумашкѣ* [2]). Для объясненія этого послѣдняго термина „Барышокъ Всякой Всячины“ предлагаетъ слѣдующій интересный разсказъ:

„Было у меня въ нѣкоторомъ приказѣ дѣло, по причинѣ котораго принужденъ я былъ почти ежедневно ходить и кланяться г. подьячему, у коего дѣло мое было. Онъ носилъ шпагу и парикъ, и для того былъ спѣсивъ... Всякое почти утро, нашедъ его въ приказѣ, пойду и низехонько поклонясь—милостивый государь! скажу ему, сдѣлайте милость, о чемъ я вчерась ваше благородіе просилъ. Онъ, сидя на стулѣ, имѣя въ рукахъ перо и передъ собою лежащую на столѣ бумагу, взглянетъ на меня изъ подлобья и кивнетъ головою, давая тѣмъ знать, чтобы я ему не мѣшалъ, будто бы онъ что ни есть сочиняетъ важное и о томъ думаетъ; а я мню, что онъ думалъ о томъ, какъ-бы лучше съ кого что счистить. Погодя нѣсколько, опять къ нему подойду и еще того учтивѣе попрошу. Я хотѣлъ учтивостью моею его умилостивить; но послѣ узналъ, что подьячіе ни учтивостей, ни просьбъ не разумѣютъ, а его хоть брани, хоть высѣки, дай только деньги. Какъ раза три или четыре такимъ образомъ ему поклонюся, оборотясь съ сердцемъ скажетъ; ты думаешь, что твое дѣло у меня одно; скоро тебѣ захотѣлось, и *завтра* вить такой же будетъ день!—или, когда понравится его благоутробію, лаконическій отвѣтъ мнѣ дастъ, но обыкновенно съ грознымъ видомъ: *завтра*! Прошло нѣсколько недѣль, что онъ говорилъ мнѣ почти ежедневно: завтра... Узналъ я, что подьяческое *завтра* не похоже на то *завтра*, какое прочими употребляется. Пришелъ я еще его попросить, въ чаяніи—не назначитъ ли онъ дѣлу моему иного срока; но онъ съ превеликимъ сердцемъ закричалъ на меня: вить сказано тебѣ, что *завтра*! Оробѣвъ, я не смѣлъ его милости доложить, коликое число мѣсяцевъ состоитъ въ его *завтра*; но съ огорченіемъ отошелъ прочь, сѣлъ на стоящую въ томъ приказѣ порожнюю скамейку и повѣся голову размышлялъ, что это за *завтра?* Одинъ незнакомый мнѣ отставной

---

[1]) Стр. 218.

[2]) „Трутень“ 1769, стр. 71. „Живописецъ“, ч. I (изд. 2), стр. 107.

офицеръ, коего я часто тутъ видѣлъ, сжалясь надо мною, спросилъ меня: о чемъ я такъ грустенъ? Я разсказалъ ему про все. Офицеръ сказалъ мнѣ, что подьячіе имѣютъ два *завтра*: одно —денежное, а другое—безденежное; денежное *завтра* содержитъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ, больше или меньше, смотря по обстоятельствамъ и по деньгамъ, а безденежное *завтра* не ограничено временемъ. —Какъ же мнѣ сдѣлать, спросилъ я, чтобъ подьячій по моему дѣлу употреблялъ денежное *завтра*? „Принеси ему *барашка въ бумажкѣ*.“—Что это такое за барашекъ, спросилъ я, и какъ обвернуть его въ бумажку?—„Подьячіе, отвѣчалъ офицеръ, со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги эти челобитчики обвертываютъ бумагою *благопристойности рады*... А чтобы выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подьячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: принеси мнѣ *барашка въ бумажкѣ*! Это оставляютъ они на догадку челобитчика, вѣдая, что кому есть нужда, тотъ и поневолѣ догадаться будетъ долженъ. Коли тебѣ хочется, продолжалъ онъ, чтобы твое дѣло шло по ограниченному *завтра*, то встань поранѣе и поди къ подьячему на дворъ, а не въ приказъ, и спеси ему *барашка*, а безъ того и дѣти твои конца дѣлу твоему не дождутся“. Поблагодаря офицера, пошелъ я домой. На другой день всталъ я въ такое время, въ какое добрые люди не встаютъ, не имѣя кровной нужды, и завернувъ двадцать рублей въ бумажку, поѣхалъ къ подьячему“. Долго пришлось ожидать просителю, пока отперлась передъ нимъ калитка и достигъ онъ передней подьячаго. „Вышла баба въ сарафанѣ и босикомъ, и велѣла мнѣ войдти къ барину. Онъ сидѣлъ противъ топящейся печки и обуваясь охалъ; знать, что наканунѣ носъ у него былъ *понасандаленъ*. Я вошелъ и, не сказавъ ни слова, поднесъ ему деньги съ низкимъ поклономъ. Подьячій, увидя деньги, вскочилъ со стула и, подбѣжавъ ко мнѣ, принялъ ихъ отъ меня съ учтивостью. На что вы столько трудитесь? сказалъ онъ; право, это напрасно... Я началъ просить о моемъ дѣлѣ.—Знаю, знаю, говорилъ подьячій, оно по всѣмъ законамъ право; я буду стараться, чтобъ оно кончилось въ вашу пользу.—Слова эти привели меня въ сомнѣніе: ежели дѣло мое, думалъ я, по всѣмъ законамъ право, такъ о чемъ же ему стараться, чтобъ кончилось въ мою пользу? оно и

безъ его старанія должно такъ рѣшиться; а стараться ему осталось только о томъ, чтобъ оно рѣшено было поскорѣе. Подьячій видно примѣтилъ, что я недогадливъ на ихъ подьяческіе обиняки, и для лучшей ясности спросилъ меня: были-ль вы у судьи? — Нѣтъ, не былъ — Надобно и у него *также* побывать и его *также* попросить. Чрезъ повторенное въ послѣдней рѣчи слово *также* далъ онъ разумѣть, чтобъ я у судьи побывалъ не съ голыми руками, а также съ *барашкомъ*. Посидя немного, откланялся я подьячему и пошелъ. Подьячій проводилъ меня до сѣней; изъ того я заключилъ, что *барашекъ* мой ему понравился. Хотя онъ и не смотрѣлъ при мнѣ барашку въ зубы, но, видно, узналъ и по вѣсу, сколько ему отъ роду лѣтъ. Вотъ что дѣлаетъ прилежаніе и частое упражненіе во всякомъ дѣлѣ! думалъ я, ѣдучи отъ него; къ подьячему я свезъ барашка, такъ къ судьѣ надобно свезти телушку. Исполнилъ совѣтъ подьяческій. Дѣло мое скоро рѣшено въ мою пользу“ [1]).

Былъ обычай, слѣдуя которому всѣ нуждавшіеся въ подьячихъ ходили къ нимъ на поклонъ въ дни семейныхъ ихъ праздниковъ, такъ напримѣръ: на родины, имянины и т. п., и приносили въ кулькахъ, бумагахъ, мѣшкахъ и мѣшечкахъ различные подарки [2]).

Въ „Трутнѣ“ находимъ сатирическое описаніе обѣда, которымъ одинъ купецъ угощалъ приказныхъ. Въ трактиръ вошли два человѣка; одинъ былъ одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются городскіе купцы, а другаго можно было по платью признать, что онъ изъ приказнаго племени. Купецъ подошелъ къ трактирщику и спросилъ: „Что возьмешь за обѣдъ, чтобы хорошенько накормить восемь человѣкъ?“—А кто будетъ обѣдать? „У его милости, отвечалъ приказный, завтра здѣсь обѣдать будетъ *правосудіе*; онъ вознамѣрился его потрактовать, понеже дѣло его имѣетъ быть въ скорости предложено къ слушанію; того ради и надлежитъ помянутое *правосудіе* трактовать весьма богато“. Сторговались. На другой день купецъ цѣлые два часа стоялъ на крыльцѣ трактира, ожидая своихъ гостей. *Правосудіе* явилось въ образѣ нѣсколькихъ секрета-

---

[1]) Стр. 447—9.

[2]) „И то и сё“, недѣля 30-я.

рей и приказныхъ служителей. Сѣли за столъ и началось угощеніе. Одинъ изъ подьячихъ налилъ себѣ рюмку вина, и только хотѣлъ выпить, какъ почувствовалъ, что *правосудіе* оскорбляется, ибо вмѣсто бургонскаго вина оказалось ординарное. Купецъ долженъ былъ перемѣнить ординарное вино на бургонское, и тѣмъ удовлетворилъ *правосудіе*. Послѣ того начали пить здоровье всѣхъ гостей шампанскимъ, венгерскимъ и прочими дорогими винами. Купецъ, подавая каждую бутылку, испускалъ вздохъ. По окончаніи стола начали они играть на бильярдѣ алагеръ. „*Правосудіе* положило было съ каждой персоны по нѣскольку имперіяловъ своихъ денегъ; но случившійся тутъ приказный крючекъ тотчасъ сталъ тому противорѣчить, и сказалъ: понеже почтенный сей купецъ звалъ обѣдать на свой коштъ, того ради и сія игра должна по правосудію быть на его коштъ. Между тѣмъ купцу шепнулъ на ухо, что это самое удобное время. Купецъ согласился, они начали играть, а межъ тѣмъ почасту пили... Было замѣтно, что *правосудіе* начинало уже шататься“ [1]).

Есть нѣсколько столь же колкихъ замѣчаній, въ періодическихъ изданіяхъ семидесятыхъ годовъ, и противъ лицъ, посягавшихъ на казенные доходы [2]): въ этомъ послѣднемъ отношеніи такъ называемыя *хлѣбныя* мѣста экономическихъ казначеевъ, управителей дворцовыхъ волостей, въ таможняхъ, при подрядахъ и поставкахъ, обратили на себя особенное вниманіе журнальной сатиры. „Адская Почта“ представила злую характеристику *таможенной крысы* [3]); „Трутень“ разсказалъ о *сутягѣ*, который непозволительными средствами нажилъ при откупахъ и подрядахъ большое состояніе [4]). Въ письмѣ дяди къ Ѳалалею читаемъ такое рѣзкое замѣчаніе:

„Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка! ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, наприкладъ, въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда-нибудь къ подрядамъ, либо таможеннымъ

[1]) 1769, стр. 268—272.

[2]) „Адская Почта“, стр. 252, 300. „Смѣсь“, стр. 117.

[3]) Стр. 58.

[4]) 1770, стр. 6—7.

дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, так всѣ—Богъ съ ними!—сытёхоньки стали. Иной уже теперь въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни по двѣ и по три. Н въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя он недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣх дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками десять тысячъ далъ, да деревню тысячъ въ пять. А н совсѣмъ таки разорился, Богъ съ нимъ; про себя еще оста лось! А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо на грѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору опре дѣлились: не житье имъ, масляница! Я бы-ста и самъ не по брезговалъ пойдти въ эдакіе управители. Перепало бы кое что и мнѣ въ карманъ... Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? кто передъ царемъ н виноватъ? Не нами свѣтъ начался, не нами и окончается Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь тольк подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неушто всѣх станутъ вѣшать?" [1]).

„Трутень" и „Адская Почта" записали любопытныя ука занія на то, какими юридическими уловками старались въ т время обходить указъ, запрещавшій продажу крестьянъ въ рекруты [2]). Оканчивая свой разсказъ, „Почта" замѣтила, чт приказные въ этомъ и другихъ случаяхъ „умѣютъ подбират указы, какъ игроки карты"—выраженіе, прямо заимствован ное изъ извѣстнаго указа Петра Великаго.

При такихъ условіяхъ, судейскій и приказный людъ мог богатѣть очень скоро насчетъ просителей и подвѣдомственных ему управленій. Нерѣдки бывали случаи, что дѣдъ топилъ въ приказѣ печи, а внукъ, сдѣлавшись секретаремъ, катался п городу на борзыхъ коняхъ въ позолоченой каретѣ, что отец таскался въ приказъ въ китайчатомъ казакинѣ, а сынъ и дом надѣвалъ парчевой шлафрокъ [3]).

---

1) „Живописецъ", ч. I (изд. 2-е), стр. 173—4.

2) „Трутенъ" 1769, стр. 199—200. „Адская Почта", стр. 10. См эпиграмму въ изданіи „И то и сё", недѣля 12-я.

3) „И то и сё", недѣля 33 и 48.

Вотъ какъ одинъ опытный дядюшка поучалъ житейской мудрости своего племянника:

„Увѣдомился я, что ты и по сіе время ни въ какую еще не опредѣлился службу... скажи пожалуй, что ты съ собою задумалъ дѣлать? Я тебя не приневоливаю идти ни въ придворную, ни въ военную службу для сказанныхъ мнѣ тобою причинъ; пусть это будетъ по твоему, а притомъ и службы сіи никакой не приносятъ прибыли, а только разоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь идти въ приказную? Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли; но со всѣмъ тѣмъ, годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ наживочно бывало прежде, самъ разсуди; *нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!* Тебѣ извѣстно, что, по пріѣздѣ моемъ на воеводство, не имѣлъ я за собою больше шестидесяти душъ дворовыхъ людей и крестьянъ; а нынѣ, благодаря Подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неусыпнымъ попеченіемъ нажилъ около трехъсотъ душъ, не считая денегъ, серебра и прочей домашней рухляди.. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня, просись къ намъ въ городъ въ прокуроры. Во всѣхъ дѣлахъ положися на меня, а ты—со стороны ни дай, ни вынеси—будешь брать жалованье; а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, то на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ невелика: отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ-те на, какая бѣда! для чего не жить, коли нажито чѣмъ жить; то худо, какъ прожито чѣмъ жить; а какъ нажито?—этого никто не спроситъ. Пожалуста послушай меня, добивайся этого мѣста. Ты вѣдь уже не маленькій ребенокъ! можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень-брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать“ [1]).

Любопытно, къ какимъ діалектическимъ уловкамъ прибѣгали въ свою защиту любители скорыхъ благопріобрѣтеній-

---

[1]) „Трутень“ 1769, стр. 12—16.

„Трутень“, разсказывая объ одномъ правдивомъ судьѣ, котораго нельзя было подкупить ни деньгами, ни подарками, продолжаетъ: „Всѣ удивлялись его ополченію противъ искушателей, и наконецъ другіе судьи его правосудіе почли *гордостію*. Гордость его наказали отрѣшеніемъ отъ службы, а на его мѣсто посадили другого судью, въ которомъ ни малой нѣтъ гордости“ [1]) Въ письмѣ практическаго дядюшки, съ которымъ мы сейчасъ познакомились, высказанъ тотъ-же взглядъ: „Развѣ ты думаешь, пишетъ онъ племяннику, что когда не вступишь въ приказную службу, то уже и согрѣшить не можешь? Обманываешься, дружокъ: и въ приказной, и въ военной, и въ придворной, и во всякой службѣ и должности слабому человѣку не можно пробыти безъ грѣха. Мы бренное сотвореніе, сосудъ скудельный, какъ возможемъ остеречься отъ искушенія?... Змій, искусившій праотца нашего, не въ единомъ живетъ эдемскомъ садѣ; онъ пресмыкается по всѣмъ мѣстамъ. И не тяжкій ли это и смертный грѣхъ, что вы, молодые люди, дерзновеннымъ своимъ языкомъ говорите: за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости... Вѣдаете ли вы, несмысленные, ибо сіе не припишу я злобѣ вашего сердца, но несмыслію — вѣдаете ли, что и Богъ не за всякое наказываетъ согрѣшеніе но, вѣдая совершенно немощь нашу, требуетъ сокрушеннаго духа и покоянія? Вы твердите: я бы не бралъ взятокъ! Знаете ли вы, что такія слова не что иное, какъ первородный грѣхъ *гордость*? Развѣ думаете, что вы сотворены не изъ земли, и что вы крѣпче Адама? Когда первый человѣкъ не могъ избавиться отъ искушенія, то какъ вы, будучи въ толико кратъ его слабѣе, гордитеся несвойственною сложенію вашему твердостію? Какъ вамъ не быть тѣмъ, что вы есть? Удивляюся, Господи, твоему долготерпѣнію! Какъ такихъ кичащихся тварей и громъ не убьетъ, и земля, развершися, не пожретъ въ свое нѣдро, стыдяся, что таковыхъ въ свѣтъ произвела тварей, которыя вещество ея забываютъ! Опомнись, племянничекъ! и посмотри, куда тебя стремительно влечетъ твоя молодость! Оставь сіи развращающія разумы ваши науки, къ которымъ ты толико прилѣпляешься; оставь сіи пагубныя книги, которыя

---

[1]) Ibiqem, стр. 72.

дѣлаютъ васъ толико гордыми, и вспомни, что гордымъ Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать" *).

Не менѣе убѣдительныя доказательства приводитъ отецъ Ѳалалея въ письмѣ, адресованномъ къ издателю „Живописца": „Слушай-ка, братъ! пишетъ онъ. На шутку что-ли я тебѣ достался? Не на такого ты наскочилъ! Развѣ ты еще не знаешь приказныхъ, такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ, что я передъ Владимірскою поклялся и снялъ ее матушку со стѣны въ томъ, что какъ скоро пріѣду въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, молокососъ, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣвается признавать меня за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго совѣтника?.. А ты забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня якобы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожъ не за воровство, а за взятки а за взятки не что иное, какъ *акциденція*. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ; а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я ни кого до смерти не убилъ. Правда, согрѣшилъ передъ Богомъ и государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? У кого же украсть какъ не у царя? благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша; то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое не что иное, какъ утайка; а другое—преступленіе противъ законовъ и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ. При блаженной памяти, при ***, это случалось, но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно: не заводи дѣла изъ бездѣлицы! Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и

*) Ibidem, стр. 117—8.

такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?... Послушай, хотя ты меня и обидѣлъ однакожъ я суда съ тобою заводить не хочу, ежели ты раздѣлаешься со мною добрымъ порядкомъ и такъ, какъ водится между честными людьми. Сдѣлаемъ мировую, заплати только мнѣ да женѣ моей безчестье, что надлежитъ по законамъ; а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копейки. Мнѣ заплатишь безчестье по моему чину, женѣ моей вдвое, тремъ сыновьямъ недорослямъ вполы противъ моего жалованья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, вчетверо каждой: а къ тому времени авось-либо Богъ опростаетъ мою жену и родитъ дочь, такъ еще и пятой заплатишь. Къ эдакимъ тяжбамъ мнѣ уже не привыкать; я многихъ молодчиковъ отбрилъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей и дочерей безчестьемъ накопилъ тремъ дочерямъ довольное приданое. Что-жъ дѣлать, живучи въ деревнѣ, отставному человѣку? чѣмъ-нибудь надо промышлять. Многіе изволятъ умничать, что, живучи въ деревнѣ, можно-де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбопашествомъ, да я эдакимъ вракамъ не вѣрю: хлѣбъ таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ. Которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье?... Итакъ, разсудя хорошенько, послушайся меня и не заводи тяжбы, такъ мы и останемся пріятелями; а это ничего, что ты меня выбранилъ: брань на вороту не виснетъ, лишь бы деньги у меня были въ карманѣ[1])".

Изъ послѣдняго письма видно, что приказный людъ готовъ былъ при всякомъ удобномъ случаѣ начать дѣло за безчестье. „Трутень" разсказываетъ объ одномъ чиновномъ господинѣ, который задолжалъ купцу по векселю и нашелъ средство раздѣлаться съ нимъ безъ платежа. Случилось имъ быть вмѣстѣ въ гостяхъ: купецъ подпилъ, а чиновный господинъ не упустилъ поразгорячить его, хвастаясь тѣмъ, что долгу ему не заплатитъ, да если онъ и проситъ станетъ, такъ ничего не сыщетъ. Купецъ не вытерпѣлъ и отвѣчалъ бранью, а чинов-

[1]) „Живописецъ", ч. I (изд. 5), стр. 105—112.

ный господинъ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: *милости прошу прислушать!* и на другой день подалъ челобитную. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто безчестья получилъ онъ обратно свой вексель съ надписью, что долгъ полученъ, да супругѣ своей къ зимѣ нехудой на шубу мѣхъ [1])

Въ сатирическихъ журналахъ прошлаго столѣтія встрѣчаемъ и статьи, направленныя противъ пытокъ, какія самопроизвольно допускались тогда чиновниками при судебныхъ разбирательствахъ. И въ этомъ отношеніи журналы явились ревностными распространителями гуманныхъ идей, выраженныхъ самимъ правительствомъ [2]). Приведемъ интересный разсказъ, помѣщенный въ „Трутнѣ". У одного судьи пропали золотые часы; легко догадаться, что они были не купленные. Въ комнату, гдѣ часы лежали, входили двое: подрядчикъ и приказный, судейскій племянникъ. Послѣдній приходилъ поздравить дядю съ добрымъ утромъ и при этомъ укралъ часы. „Худой тотъ судья, который черезъ побои правду изыскиваетъ, а еще хуже тотъ, который всякія преступленія только низкой породѣ по предубѣжденію приписываетъ". Судья, хватившись часовъ и не находя ихъ, такъ разсуждаетъ: „Племянникъ мой не украдетъ, онъ человѣкъ благороднаго происхожденія, а пуще всего мой родственникъ; конечно, часы укралъ подрядчикъ, онъ человѣкъ *подлый*, да къ тому-жъ я ему долженъ по векселю и не плачу"! Заключилъ, утвердился и опредѣлилъ предать подрядчика истязаніямъ „Видно онъ никогда не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества! Уже страдаетъ подрядчикъ подъ побоями судейскими, и плети адское причиняютъ ему мученіе. Чѣмъ больше невинный старается оправдать себя клятвами и призываніемъ Бога во свидѣтели, чѣмъ больше проситъ, плачетъ и стонетъ, тѣмъ безжалостнѣе судья усугубляетъ мученіе". Будучи не въ силахъ болѣе терпѣть, бѣдный подрядчикъ вынужденъ былъ взять на себя небывалое воровство, и судья тотчасъ же сдѣлалъ ему такое предложеніе:

---

¹) 1769 г., стр. 198—9. „Смѣсь", стр. 156—9.

²) „Адская Почта", стр. 347. „Живописецъ", ч. II (изд. 3), стр. 33

„Если ты не согласишься изодрать моего векселя и не дашь мнѣ на себя другаго въ двухъ тысячахъ рублей, то попробуешь за воровство твое въ трехъ застѣнкахъ и будешь сосланъ на вѣчную работу въ Балтійскій портъ. А коли сдѣлаешь то, что теперь я требую отъ тебя межъ четырехъ глазъ, то будешь свободенъ, и воровство твое не пойдетъ въ огласку; а для заплаты двухъ тысячъ рублей даю тебѣ сроку цѣлый годъ: видишь, какъ съ тобою человѣколюбиво и по-христіански поступаю! иной бы заставилъ тебя заплатить пять тысячъ да и въ самое короткое время“ Истерзанный подрядчикъ, обливаясь слезами, снова клянется въ своей невинности, говоритъ, что признаніе въ кражѣ сдѣлалъ онъ ложно, не стерпя несноснаго мученія и увѣряетъ, что не въ силахъ заплатить двухъ тысячъ рублей. Судья, раздраженный этими словами, отсылаетъ подрядчика въ свой приказъ, яко пойманнаго и признаніе учинившаго вора. Весьма скоро рѣшаются дѣла въ тѣхъ приказахъ, въ которыхъ судьи сами истцами бываютъ: въ тотъ же день подписано всѣми присутствующими опредѣленіе, чтобы вторично допрашивать подрядчика подъ плетьми, и въ тотъ же самый день это было бы исполнено, еслибъ, къ счастію подрядчика, не захотѣлось судьямъ обѣдать, и еслибъ на другой день не было вербнаго воскресенья, а потомъ страстной и святой недѣль, въ которыя присутствія не бываетъ. Подрядчика заклепали въ кандалы и бросили въ темный погребъ, вмѣстѣ съ разными злодѣями. Между тѣмъ судейскій племянникъ проигралъ украденные имъ часы въ карты; переходя изъ рукъ въ руки, часы эти достались наконецъ прокурору того приказа, въ которомъ было дѣло о подрядчикѣ. Праздники кончились; судьи съѣхались въ приказъ, и подрядчикъ былъ уже приведенъ, какъ прокуроръ, пріѣхавши послѣ судей и удивясь ихъ раннему съѣзду, вздумалъ посмотрѣть на свои часы. Судья-истецъ и другіе присутствующіе тутъ же признали украденные часы, „безъ всякихъ справокъ положили, что подрядчикъ продалъ оныя той особѣ, отъ которой ихъ прокуроръ получилъ; а чтобъ подрядчика доказательнѣе въ воровствѣ обличить, то отправили секретаря взять у той особы росписку въ покупкѣ часовъ у подрядчика, коего между тѣмъ начали подъ побоями допрашивать: не былъ ли кто изъ богатыхъ купцовъ съ нимъ въ умыслѣ? не крадывалъ ли онъ

и прежде сего? кому продавалъ краденыя вещи? и проч.". Разспросы эти дѣлались для того, чтобъ изъ бездѣлицы создать великое дѣло и чтобъ припутать къ нему зажиточныхъ людей, съ которыхъ можно поживиться. Пока секретарь наводилъ справки, подрядчикъ насказалъ подъ ударами то, чего никогда не дѣлалъ, и допросы, едва умѣщенные на трехъ тетрадяхъ, ясно показывали, „что не всегда нужны побои къ изысканию злодѣянія, и что одинъ золотникъ здраваго судейскаго разсудка больше истины открываетъ, нежели плети, кошки и застѣнки". Удивились судьи, когда секретарь донесъ, что часы у дяди своего укралъ племянникъ, и *приказали:* „вора племянника, яко благороднаго, наказать дядѣ келейно; а подрядчику при выпускѣ объявить, что *побои ему впредь зачтены будутъ* [1]).

Нападая на темныя стороны современной юстиціи, сатирики прошлаго столѣтія выставляли образованіе, какъ главное и вѣрнѣйшее исправительное средство противъ сутяжничества, взятокъ и лихоимства. „Я увѣренъ (читаемъ во „Всякой Всячинѣ"), что если къ должностямъ употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и знаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи. Человѣкъ, который съ молодыхъ лѣтъ привыкъ слышать и читать похвалу добродѣтелей и поношеніе пороковъ, несомнѣнно болѣе воздержанія имѣетъ отъ послѣднихъ и болѣе почтенія къ первымъ, нежели тотъ, который почти различія не знаетъ между пороками и добродѣтелями" [2]). „Трутень" совѣтовалъ во всѣ должности, большія и малыя, стараться выбирать людей просвѣщенныхъ; ибо только при посредствѣ такихъ людей могутъ быть водворены въ народѣ благоденствіе и добрые нравы. Быть добродѣтельными—нельзя приказать; для этого необходимы добрые примѣры, тщательное воспитаніе и науки [3]). Взглядъ этотъ оправдывался на самомъ дѣлѣ. Народное образованіе, насажденное Петромъ Великимъ и расширенное впослѣдствіи, подъ вліяніемъ гуманныхъ предначертаній Екатерины II, уже тогда начинало приносить свои благотворные плоды.

---

[1]) 1769 г., стр. 97—104.
[2]) Стр. 200.
[3]) 1770 г., стр. 62.

Правительство сознавало необходимость требовать отъ чиновниковъ и общаго образованія и спеціальныхъ, по своей части, познаній, но оно далеко не имѣло возможности замѣстить всѣ должности лицами, получившими надлежащее воспитаніе, и прибѣгло къ слѣдующей мѣрѣ: для надзора за правильнымъ отправленіемъ дѣлъ и исполненіемъ законовъ оно старалось установить постоянный контроль изъ людей образованныхъ и облеченныхъ властію, какими при императрицѣ Екатеринѣ II являются *прокуроры*. Понятно, что мѣра эта должна была вызвать ропотъ въ невѣжественной и развращенной толпѣ старинныхъ подьячихъ. Въ этомъ ропотѣ сказалось предчувствіе грядущаго паденія тѣхъ грубыхъ и своекорыстныхъ подьяческихъ нравовъ, надъ которыми такъ зло посмѣялась современная сатира. Еженедѣльникъ „И то и сё“, разсказывая, что въ прошлый вѣкъ приказные не знали даже азбуки, драли со всякого акциденцію, а нынѣ ужь не то—начинаютъ учиться и понемногу отставатъ отъ лихоимства, приводитъ жалобу *крючкотворца* на новый вѣкъ: прежде, говоритъ подьячій,

Со всѣхъ сторонъ ходилъ ко мнѣ народъ;
Съ слезами милости моей они просили
И невозбранно мнѣ подарки приносили.
А нынѣ, о напасть! о случаи суровы! и т. д. [1]).

Престарѣлый судья, выключенный изъ службы, такъ жаловался на свое время, въ которое, по замѣчанію „Смѣси“, взятки начинали становиться не въ модѣ [2]): „Что нынѣ услуги не награждаются—тому примѣромъ я... Я знаю всѣ указы наизустъ, умѣю ихъ толковать по своему желанію, но не смотря на то, меня отставили. Одинъ человѣкъ имѣлъ дѣло въ нашей коллегіи, и хотя, правду сказать, оно и неправильно было, но какъ онъ считался въ роднѣ одному большому барину, такъ мнѣ и захотѣлось сдѣлать услугу; товарищи-то мои были въ отпуску, я оставался одинъ и рѣшилъ, какъ хотѣлъ. А большой баринъ, свѣдавъ про то, предостерегъ *прокурора*; дѣло остановили, да къ тому-жъ войди на меня доносъ, что я кое съ кого деньжонки взялъ; анъ меня и отставили. Вѣдь

[1]) Недѣли 25 и 32.
[2]) Стр. 22.

кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; да въ нынѣшнее время о томъ не разсуждаютъ!" [1]). О добромъ вліяніи на судопроизводство прокуроровъ, назначаемыхъ изъ людей, получившихъ образованіе, сохранились литературныя свидѣтельства. Въ наставительномъ письмѣ дяди къ племяннику, читаемъ: „Тебѣ извѣстно, что по пріѣздѣ моемъ на воеводство нажилъ я около 300 душъ, не считая денегъ, серебра и домашней рухляди; да нажилъ бы еще и не то, ежели бы прокуроръ со мною былъ посогласнѣе, но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ несговорчивымъ, что какъ его ни уговаривай, только онъ какъ козьи рога въ мѣхъ не лѣзетъ; и ежели бы стараніемъ моимъ не склонилъ я на свою сторону товарища, секретаря и прочихъ, такъ бы у меня въ мошнѣ не было ни нула. Прокуроръ нашъ—человѣкъ молодой, и сказываютъ, что учоный; только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я одиножды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ, котораго святаго въ тотъ день празднуется память; такъ куда онѣ годятся? Я на всѣ его книги святцевъ своихъ не промѣняю... Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ, а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка какъ приняться за дѣло. А судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобъ умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію" [2]). Въ крестьянской отпискѣ къ помѣщику, изъ которой выше приведено нами одно мѣсто, находимъ подобное же указаніе. „Отпиши, государь, (просятъ крестьяне) къ прокурору: онъ бояринъ добрый, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь; авось-либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ [3])".

Умственное и нравственное образованіе, воспитывая въ народѣ чувство справедливости и человѣколюбія, несомнѣнно является главною и наиболѣе вѣрною мѣрой противъ всякого

[1]) „Вечера", ч. II, стр. 174—5.
[2]) „Трутень" 1769 г., стр. 13—14.
[3]) Ibidem, стр. 206.

общественнаго зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, противъ судейскаго произвола, подьяческихъ притязаній и духа ябедничества. Но образованіе, всегда и вездѣ, весьма медленно переходитъ въ народныя массы и дѣлается ихъ достояніемъ; необходима еще другая мѣра, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на устраненіе въ обществѣ „застарѣлой неправды": это *гласность*. Сатирическая литература XVIII столѣтія не выяснила этой столько важной и знаменательной стороны вопроса. Сколько извѣстно, лишь одинъ фонъ-Визинъ поднялъ голосъ въ пользу судебной гласности, обратившись съ такимъ вопросомъ къ императрицѣ: „отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?" Отвѣтъ Екатерины[1]) подалъ ему утѣшительную надежду, что размноженіе въ Россіи типографій послужитъ не только къ распространенію знаній, но и къ подкрѣпленію правосудія. „Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества, говоритъ фонъ-Визинъ. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ". Надежда эта не осуществилась; вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались и сатирическія нападки на ябеду, взятки, казнокрадство и неправосудіе. Литература честно совершала свое дѣло, обличая передъ всѣми общественные недуги, но она, по самому назначенію своему имѣла дѣло съ типическими сторонами народнаго быта; противъ отдѣльныхъ лицъ она не могла выступать съ обвинительными пунктами, и не выступала. А что значатъ сатирическіе громы, хотя направленные противъ живаго зла, но имѣющіе дѣло съ лицами, созданными фантазіей писателя, что значатъ подобные громы для тѣхъ господъ, которые не боятся самыхъ строгихъ наказаній, опредѣляемыхъ законами? Только то общественное осмѣяніе и сильно, и страшно, которое передъ глазами всѣхъ и каждаго падаетъ на дѣйствительнаго, служащаго взяточника и казнокрада, и падаетъ такъ, что не остается ему ни малѣйшей возможности *кивать украдкой на Петра*; только страхомъ неизмѣнно-грядущаго за всякимъ дѣйствіемъ обществен-

[1]) „Отъ того, отвѣчала государыня, что вольныхъ типографій до 1782 года не было".

наго мнѣнія многіе удержатся отъ того, чего не страшатся дѣлать подъ непроницаемымъ покровомъ канцелярской тайны. Такое явленіе единственно возможно только при существованіи судебной гласности, о которой думала еще Екатерина.

Главная задача европейскаго образованія, перенесеннаго на русскую почву, заключалась въ умягченіи нравовъ общества и въ водвореніи тѣхъ гумманныхъ идей, которыя были выработаны энциклопедистами и которыя за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ требовали признанія его человѣческаго достоинства. Ту-же задачу имѣла въ виду и журнальная сатира. Она съ строгими обличеніями выступила противъ вельможъ, гордыхъ своимъ высокороднымъ происхожденіемъ, а не личными заслугами, надменныхъ блескомъ своего богатства и готовыхъ оказывать незаслуженное презрѣніе къ нисшимъ классамъ. Еще Кантемиръ осмѣялъ эту боярскую спѣсь во второй сатирѣ; но предразсудки живучи! Надо было снова толковать, что всѣ сословія равно почтенны, что трудъ (каковъ бы онъ ни былъ) заслуживаетъ полнаго уваженія, а праздность, пожирающая плоды чужихъ усилій,—полнаго презрѣнія, что не порода, а личныя достоинства и заслуги даютъ право на почетъ и вниманіе. Въ обществѣ еще встрѣчались такіе господа, какъ *Недоумъ*, характеръ котораго рѣзко очерченъ „Трутнемъ“: „онъ презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней за 500 лѣтъ доказать не могутъ; онъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила его тѣмъ-же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которыми пользуется простой народъ; онъ презираетъ всѣ науки и художества, почитая ихъ безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякой шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася; гербовники и патенты, едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ; александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ. Короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилаго сучка, каковъ онъ самъ“. Размышляя о вредныхъ сторонахъ подобнаго характера, сатирикъ пришелъ къ тому справедливому заключенію, что похвальнѣе быть бѣднымъ дворяниномъ или мѣщаниномъ, полезнымъ го-

сударству, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажу и ливреѣ [1]).

Блескъ роскоши и могущество власти, окружавшіе знать, и ея собственное легковѣрное тщеславіе должны были породить ту пріятную для слуха лесть, которую несли имъ въ дань люди мелочные и расчетливые. „Наука льстить или правила, по которымъ можно въ скоромъ времени приходить въ милость у большихъ бояръ“, была постоянно преслѣдуема сатирическими изданіями; ибо язва ласкательства, по свидѣтельству „Трутня“, распространилась не только въ прихожихъ, но и во внутреннихъ комнатахъ случайныхъ людей [2]). Стоитъ попасть *въ случай*, какъ сейчасъ же явится стихотворецъ съ похвальною одою, въ которой произведетъ вашъ родъ, пожалуй, хоть отъ римскихъ императоровъ [3]), а пріемныя ваши комнаты, особенно по праздникамъ, станутъ наполняться кліентами, поспѣшающими отдать свой нижайшій поклонъ и ожидающими богатыхъ и великихъ милостей [4]).

По поводу этихъ сатирическихъ замѣтокъ появилось въ „Трутнѣ“ письмо *Чистосердова:*

„Господинъ издатель! Въ вашемъ „Трутнѣ“ печатаемыя „сочиненія многими разумными и знающими людьми похва„ляются. Это хорошо; да то бѣда что многіе — испорченные „нравы и злыя сердца имѣющіе люди принимаютъ на себя „осмѣиваемыя вами лица, и критикуемые вами пороки берутъ „на свой счетъ. Это бы и не худо; ибо зеркало для того и „дѣлается, чтобы смотрящіеся въ него видѣли свои недостатки „и оные исправляли; и то зеркало почитается лучшимъ, которое „вѣрнѣе показываетъ лицо смотрящагося. Но дѣло-то въ томъ „состоитъ, что въ вашемъ зеркалѣ видятъ себя и многіе знат„ные бояре... Намнясь при мнѣ одинъ придворной господчикъ „говорилъ о вашемъ „Трутнѣ“: не въ свои де этотъ авторъ са„дится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ „господъ, знатныхъ бояръ, судей именитыхъ, на всѣхъ; такая „де смѣлость не что иное есть, какъ дерзновеніе... Въ старыя

---

[1]) 1769 г., стр. 178—180.

[2]) 1769 г., стр. 25, 157—8, 250—1.

[3]) „Адская Почта“, стр. 222. „Курьеръ, стр. 170.

[4]) „Трутень“ 1769 г., стр. 4. „Смѣсь“, стр. 25.

„времена послали бы де его потрудиться для пользы государ„ственной, описывать нравы какого ни-на-есть царства рус„скаго владѣнія; но нынче де дали волю писать и пересмѣ„хать и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь де знатной „господинъ—не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыски„вать, что и на простолюдимахъ... Гораздобъ было лучше, „ежели бы де онъ обиралъ около себя и писалъ сказочки, „или что-нибудь посмѣшнѣе". Далѣе слѣдуетъ совѣтъ остерегаться наводить сатирическое зеркало на сильныхъ земли. „Я, говоритъ авторъ, слыхалъ слѣдующія разсужденія: въ положительномъ степенѣ или въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть *преступленіе* противъ законовъ; въ увеличивающемъ степенѣ или средостепенномъ человѣкѣ воровство есть *порокъ*, а въ превосходительномъ степенѣ или человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ исчисленіямъ, воровство не что иное, какъ *слабость*. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительный умъ и превосходительныя знанія; слѣдовательно и преступленіе такого человѣка должно быть превосходительное... но полно, вѣдь вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится". Посланіе свое Чистосердовъ оканчиваетъ желаніемъ, чтобы изданіе „Трутня" всѣмъ большимъ господамъ нравилось также, „какъ нравится оно семерымъ знатнымъ боярамъ, которыхъ онъ знаетъ: сіи господа читать сатиры великіе охотники, и читая оныя, никогда не краснѣютъ, для того что никогда не дѣлаютъ того, отъ чего краснѣть должно". Это упоминаніе о семи просвѣщенныхъ вельможахъ, сочувствовавшихъ требованіямъ образованія и правды, драгоцѣнно. Въ другомъ мѣстѣ „Трутень" прибавляетъ, что онъ можетъ указать, какъ на достойный подражанія примѣръ,—на знатныхъ: О... П... Н... С... В... Ш... Б... В...[1]). Любопытно было бы опредѣлить, кого означаютъ эти начальныя буквы? Мы знаемъ, что первая часть „Трутня" посвящена Л. А. Нарышкину въ знакъ искренняго почтенія издателя къ его достоинствамъ; а вторая В. А. Всеволодскому, обращаясь къ которому Новиковъ говоритъ: „почтеніе мое къ вамъ велико и искренно;

---

[1]) 1769 г., стр. 60—64, 254.

однакожъ не знатность вашего чина во мнѣ оное производитъ, но ваши добродѣтели: ибо знатный господинъ, неимѣющій душевныхъ добродѣтелей, столь же малъ въ моихъ глазахъ, какъ и послѣдній гражданинъ, неимѣющій оныхъ". „Живописецъ" упоминаетъ еще о Г. Г. Орловѣ, какъ о добромъ и человѣколюбивомъ помѣщикѣ. Представляя идеалъ вельможи, „Трутень" говоритъ, что истинный вельможа любимъ простымъ народомъ, не слушаетъ льстецовъ, старается о государственномъ благосостояніи болѣе, нежели о самомъ себѣ, защищаетъ бѣдныхъ и слабыхъ, не затворяетъ своего слуха къ ихъ просьбамъ и думаетъ о ихъ нуждахъ [1]). Если лица, на которыя указывалъ еженедѣльникъ Новикова, приближались къ этому идеалу; то они, конечно, имѣютъ все право на благодарное наше воспоминаніе.

Гуманное направленіе замѣчается въ большей части журнальныхъ статей избраннаго нами времени. Касаются ли онѣ военной службы, тотчасъ требуютъ отъ офицеровъ кроткаго и сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ обращенія съ нижними чинами, требуютъ, чтобы солдата исправляли болѣе ласкою и примѣромъ, нежели безумною строгостію [2]). Касаются ли журналы состоянія и быта крестьянскаго населенія — они непремѣнно имѣютъ въ виду указать его нужды, возбудить участіе къ его судьбѣ и выяснить высокія требованія христіанской любви.

На обыкновенномъ языкѣ той эпохи нисшіе общественные слои назывались *подлыми*; эпитетъ этотъ, по первоначальному употребленію, не заключалъ ничего въ себѣ колкаго и оскорбительнаго и служилъ только для прямаго обозначенія нисшихъ классовъ народа; въ такомъ смыслѣ употребляло прежде это слово и самое законодательство. Но въ послѣдствіи тщеславная гордость стала употреблять его въ томъ презрительномъ смыслѣ, какой и теперь удержался за этимъ прилагательнымъ. Журналы немедленно возвысили свой голосъ противъ такого названія и рѣзко высказали по этому поводу свои правдивыя замѣчанія. „*Подлыми* людьми, говоритъ „Жи-

---

[1]) 1769 г., стр. 252. 1770 г., стр. 9—11.

[2]) „Трутень" 1769 г., стр. 5. 182. „Всячина", стр. 119. „Живописецъ", ч. II, стр. 263—4 (изд. 2-ое).

вописецъ". по справедливости должны называться тѣ. которые худыя дѣла дѣлаютъ: но у насъ. не вѣдаю — по какому предразсужденію вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ. кои находятся въ низкомъ состояніи" [1]). „Трутень" убѣждаетъ. что не порода. а добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія: что нельзя назвать человѣка *подлымъ* за то только. что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худые поступки равно встрѣчаются и между благорожденными и между простолюдинами [2]). Осмѣивая безразсудное тщеславіе породою. сатирическія изданія не разъ напоминали гордецамъ. что всѣ люди имѣютъ одного общаго праотца — Адама. и совѣтовали имъ почаще разсматривать кости. оставшіяся по смерти простолюдина и боярина: не найдется ли между ними какого различія? [3]).

О нравственномъ и матеріальномъ положеніи крестьянскаго населенія новиковскіе журналы. „Смѣсь" и другія повременныя изданія представили нѣсколько превосходныхъ статей, проникнутыхъ истиннымъ чувствомъ любви къ человѣчеству и написанныхъ съ одушевленіемъ и остроуміемъ неподдѣльными. Мы только укажемъ эти статьи. не входя въ подробный ихъ разборъ... Въ „Живописцѣ" былъ помѣщенъ „Отрывокъ путешествія въ ***. соч. И*** Т***. Авторъ набросалъ здѣсь нѣсколько неотрадныхъ сатирическихъ картинъ. и въ противуположность имъ обѣщалъ въ послѣдствіи показать бытъ жителей „*Благополучныя* деревни" [4]). Еще въ пятомъ изданіи „Живописца" было повторено это обѣщаніе [5]). но осталось безъ исполненія. „Отрывокъ путешествія" написанъ нѣсколько рѣзко. и въ освѣщеніи и краскахъ не вездѣ соблюдена должная мѣра. Самъ издатель замѣтилъ о статьѣ И*** Т***, что блюдо это приготовлено очень солоно и горьковато для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ: но что онъ рѣшился попотчивать имъ читателя. потому что Премудрость. возсѣ-

---

1) Ч. I (изд. 5). стр. 106.
2) 1769 г., стр. 30—31, 98.
3) „Трутень", ч. I, стр. 191. „Всячина", стр. 221. „Смѣсь", стр. 16.
4) Ч. I (изд. 2), стр. 29—36, 98—102.
5) Ч. II, стр. 193.

дающая на престолѣ, покровительствуетъ истинѣ во всѣхъ дѣяніяхъ [1]). Сочиненіе это въ свое время вызвало разные бранчивые толки, въ опроверженіе которыхъ „Живописецъ" напечаталъ прекрасную статью подъ заглавіемъ: „Англійская прогулка" [2]) и которые такъ мастерски осмѣялъ этотъ-же журналъ въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ этого любопытнаго письма. „Меня (разсказываетъ уѣздный житель въ негодованіи своемъ „на новое время отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ „большихъ не бери; такъ отъ чего же и разбогатѣть: вѣдь не „всякому Богъ дастъ кладъ, а съ мужиковъ. . . немного при„были. Я, кажется, таки и не плошаю, да что ты изволишь „сдѣлать... Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжаловъ* и при„везъ съ собою какіе-то печатные листочки и, будучи у ме„ня, читалъ ихъ. Что это у васъ, Ѳалалеюшка, дѣлается; „никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ? да я „бы ему проклятому и ребра живаго не оставилъ. Что за „Живописецъ" такой у васъ проявился? какой-нибудь нѣ„мецъ, а православный этого не написалъ бы... О коли бы „онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы „кости у него сдѣлалъ, какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить, дали „волю; тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ... „Да что ужь и говорить, и они свихнулись. Недалеко отъ „меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь „ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать—по пол„тора рубли съ души, а угодьевъ-та сколько! и мужики ка„кіе богатые! живутъ себѣ, да и *гадки* не маютъ, богатѣе „инаго дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ „этого прибыль... То-то Ѳалалеюшка, не къ рукамъ едакое „добро досталось... Эхъ! перевелись старые наши бояре... а „нынѣшніе господа что за люди, и себѣ добра не хотятъ! Что „ужь и говорить: все пошло на нѣмецкой маперъ" [3]).

Въ „Трутнѣ" напечатаны двѣ любопытныя „Копіи съ крестьянскихъ отписокъ государю Григорью Сидоровичу" и

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 36—37.

[2]) Ibidem, стр. 91—96.

[3]) Ч. I (изд. 2), стр. 109—111.

„Копія с помѣщичья указа" [1]): эти характеристическія статьи, отличающіяся вѣрностію изображенія, перепечатывались потомъ въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ изданіяхъ „Живописца". Кромѣ того, въ „Трутнѣ" читатель найдетъ нѣсколько другихъ краткихъ замѣтокъ, если не столько выдержанныхъ и обработанныхъ, за то не менѣе интересныхъ по своему содержанію: таковы характеристики: *Змѣяна, Злорада, Безразсуда* и проч. [2]). Наконецъ въ „Смѣси" были помѣщены двѣ остроумныя статьи, облеченныя въ самую оригинальную форму и согрѣтыя живымъ чувствомъ состраданія къ меньшей братіи; это „Рѣчь о существѣ простаго народа" и сатирическое письмо, написанное отъ имени камчадала [3]).

Такова была журнальная сатира 1769—1774 годовъ. Требуя умственнаго и нравственнаго образованія, проповѣдуя человѣколюбіе и необходимость труда, она въ тоже время осмѣивала все, что противорѣчило общественному благу и вѣчной правдѣ. Конечно, эти колкія насмѣшки и смѣлыя нападки не могли всѣмъ нравиться. Если лучшая, образованная часть публики сочувствовала такому литературному движенію, то съ другой стороны масса, выросшая въ невѣжествѣ и привыкшая въ мутной водѣ ловить рыбу, не очень таила свою невольную досаду. Журналы записали и эти ходячіе толки. Едва появилась „Всячина", какъ уже стали подозрѣвать на ея листкахъ такія *тонкости*, о которыхъ и не снилось издателю. Въ одной бесѣдѣ вздумало нѣсколько человѣкъ разсуждать объ этомъ изданіи; старички, „соединясь за одно, говорили: оныя „де сочиненія ни къ чему не кстати: нынѣча де всякій себя „умнымъ ставитъ, а лучшебъ де было, еслибъ издали въ печать разныя духовныя душеполезныя книги; а то де ребята „молодые нынѣча думаютъ только, какъ бы что поиграть... „Если бы сочинитель не написалъ о понедѣльникахъ [4]) и о

---

[1]) 1769 г., стр. 203—8, 233—240.

[2]) Ibidem, стр. 41—2, 188—191, 199—200, 211—2, 283. Подобные разсказы попадаются и во „Всякой Всячинѣ" и въ „Адской Почтѣ".

[3]) Стр. 193—8, 209—213.

[4]) Намёкъ на статью „Всячины", направленную противъ суевѣрія, будто понедѣльникъ—тяжелый день.

„прочемъ, почитая за суевѣріе самое благочестіе, то-бъ и мы „такъ горячо не вступались. Чему наши дѣды и отцы послѣ-„довали, тому и мы должны“ [1]). „Смѣсь“ жаловалась, что ее многіе хулили за высказываемую правду, и смѣялась надъ тѣми, которые были убѣждены, что писатели ничего полезнаго для общества не дѣлаютъ; „диво, что ихъ за то не наказываютъ!“ [2]) „Адскую Почту“ обвиняли, что соль своего остроумія она смѣшиваетъ съ ядомъ беззаконія, что изображенія, нарисованныя ею, такъ колки, что должны быть всѣми почитаемы за обиду, какъ будто слѣдуетъ быть нѣжнымъ къ порокамъ. Издателя этого журнала нѣкоторые слишкомъ ревностные противники сатирическихъ сочиненій называли беззаконникомъ, и прибавляли, что такихъ дерзкихъ писателей надо выгонять изъ города [3]). Издатель „Трутня“ также не избѣгъ злословія; объ немъ распускались слухи, что онъ человѣкъ опасный, что въ его изданіи встрѣчаются одни ругательства. Были и такіе обидчивые люди, которые готовы были принимать на свой счетъ всякую сатирическую статью. Разсуждая о своихъ читателяхъ, „Трутень“ въ числѣ ихъ указываетъ и такихъ, которые „златой вѣкъ, въ коемъ позволено всѣмъ мыслить, называютъ желѣзнымъ“ [4]). Честь и слава тѣмъ писателямъ, которые не смотря на подобные возгласы, подвизались на избранномъ ими литературномъ поприщѣ съ искреннимъ желаніемъ добра, съ непритворною любовью къ отечеству, съ полнымъ уваженіемъ къ просвѣщенію и правдѣ и съ неослабною энергіею! Мы обязаны почтить ихъ труды благодарнымъ воспоминаніемъ тѣмъ болѣе, что положеніе писателя было въ ту эпоху несовсѣмъ завидное. „Эхъ, судьба! „восклицаетъ Чулковъ, для чего ты опредѣлила быть мнѣ со-„чинителемъ; лучше бы быть мнѣ подьячимъ. Ничего-бъ я „больше не дѣлалъ, какъ переписывалъ съ чернаго на бѣло, „но имѣлъ бы домъ, карету и лошадей; плакали бы отъ меня „люди, но я былъ бы спокоенъ... Откупщикъ отъ своей долж-„ности дѣлаетъ приращеніе своему брюху, судья умножаетъ

[1]) Стр. 6, 161—2.
[2]) Стр. 31, 118. „Трутень“ 1770 г., стр. 89.
[3]) Стр. 203—8, 343.
[4]) 1769 г., стр. 142, 255, 275—7, 280—3.

„свои сундуки, безмозглый танцмейстеръ отягощаетъ свои „плеча разнымъ дорогимъ платьемъ; а ты, который препро- „вождаешь день и ночь за книгою, и стараешься сдѣлать нѣ- „которую пользу твоимъ согражданамъ твоими правоученіями, „отъ неусыпности твоей тщедушенъ и блѣденъ, и не только „сундука, но и кармана полнаго никогда не имѣешь: платье „носишь коноплянаго цвѣта, но и то отъ четырехъ-лѣтняго „употребленія поистаскалось и обветшало; худо оно, но ты и „перемѣнить его не имѣешь надежды!" [1])

Потребность чтенія была слишкомъ невелика, и сочиненія раскупались въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и медленно. „Нынѣ, говоритъ „Живописецъ", многія наилучшія „книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ и на- „печатаны на россійскомъ; но ихъ и въ десятую долю противъ „романовъ не покупаютъ... Что-жъ касается до подлинныхъ „нашихъ книгъ, то онѣ никогда не были въ модѣ и совсѣмъ „не расходятся, да и кому ихъ покупать? Просвѣщеннымъ на- „шимъ господчикамъ онѣ не нужны, а невѣждамъ и совсѣмъ „не годятся. Какой бы лондонской книгопродавецъ не ужас- „нулся, услышавъ, что у насъ двѣсти экземпляровъ напечатан- „ной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся? Обо- „дряйтесь россійскіе писатели! сочиненія ваши скоро и со- „всѣмъ покупать перестанутъ" [2]). — Наконецъ въ обществѣ еще продолжалъ существовать нелѣпый предразсудокъ, признававшій званіе писателя постыднымъ [3]). „Нѣкоторые (по сви- „дѣтельству „Вечеровъ") думали, что дворянину стыдно при- „своивать себѣ имя писателя. Не стыдятся того вѣнчанные „главы, ни важные министры, о пользѣ государствъ пеку- „щіеся: а наши дворяне симъ титломъ гнушаются! Стыдно „быть писателемъ, но дурнымъ, разсѣвающимъ семена поро- „ковъ, осмѣивающимъ правду, честь и добродѣтели... Даро- „ванія людямъ природою напрасно не даются, и не даромъ это „сказано: *скрывый талантъ да будетъ проклятъ!*" [4])

---

[1]) „И то и сё", недѣля 48-я.

[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 39—40.

[3]) Образчикъ такого мнѣнія представленъ въ „Живописцѣ", ч. I (изд. 2), стр. 180.

[4]) Ч. I, стр. 7.

Библіографическія замѣтки.

1) „Всякая Всячина", съ такимъ объявленіемъ на первомъ листкѣ: „Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующія впредь изволь покупать", еженедѣльное издание, выходило листами по пятницамъ (за листъ $1^1/_2$ коп.). Спб., 1769 г., въ 8-ю долю листа. Въ объявленіи объ изданіи „Барышка Всякія Всячины" на 1770 годъ сказано было, что изданіе это будетъ продолжаться, пока станетъ матеріаловъ прошлогодняго запасу (стр. 408). Краткія свѣдѣнія объ этомъ журналѣ были сообщены М. Макаровымъ въ „Отечеств. Запискахъ" 1839 года, № 4, „Смѣсь", стр. 22 — 30. Во „Всячинѣ" помѣщались прозаическія статьи и оригинальныя и переводныя; издатель самъ замѣчаетъ, что переводы въ его журналѣ слабѣе оригинальныхъ сочиненій (стр. 295). Кромѣ статей сатирическихъ, здѣсь напечатаны: Слово Монтескье, говоренное имъ въ 1728 году, при избраніи его въ члены французской академіи; переводы изъ Анакреона, Овидіевыхъ Превращеній, Тита Ливія, Еліана и Валерія Максима, письмо Плинія-младшаго къ Тациту о смерти дяди его, естествоиспытателя Плинія-старшаго, и нѣсколько стихотвореній; между ними: „Надпись къ статуѣ государя Петра Великаго", соч. А. Сумарокова (стр. 138 [1]). Имена

---

[1]) „Надпись къ статуѣ государя Петра Великаго" многіе изслѣдователи приписываютъ Сумаркову, но это невѣрно. Надпись, дѣйствительно, была включена въ 1-ое изданіе сочиненій Сумаркова, но во 2-мъ изданіи, въ концѣ части Х-ой (М. 1787 г., стр. 279) находится слѣдующее извѣстіе: „Къ читателю. Въ первомъ изданіи сочиненій г. Сумарокова ошибкою внесено было въ IX часть Письмо къ Господамъ Издателямъ Всякія Всячины, съ пріобщеніемъ Надписи къ статуѣ Петра Великаго, которая сочинена не имъ, но неизвестнымъ сочинителемъ, почему оныя въ нынѣшнемъ изданіи и выключены". Однако, Сумароков всетаки участвовалъ въ „Всякой Всячины", такъ г. Автономовъ въ своей работѣ—„Всякая Всячина" (Сатирико-нравоучительный журналъ 1769—1770 г.). Опытъ изслѣдованія М. 1913 г. (Оттискъ изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ") сообщаетъ, что Сумарокову принадлежитъ еще басня (стр. 33), затрагивающая тяжелое положеніе крестьянъ. Г. Автономовъ предполагаетъ, что и другое, помѣщенное рядомъ, стихотвореніе принадлежитъ Сумарокову; къ этому мнѣнію присоединяется и В. В. Семенниковъ, обращая вниманіе на то, что оба стихотворенія были напечатаны не въ очередь и по словамъ издателя

двухъ сотрудниковъ „Всячины" на стр. 380 и 381 напечатаны навыворотъ—это: Григорій Кушалевъ и Михайло Жуковъ; г. Буличъ догадывается еще о двухъ сотрудникахъ этого журнала: И. Елагинѣ и А. Лобысѣвичѣ (См. Сумароковъ и современ. ему критика. стр. 215—6). Объ издателѣ „Всячины", Г. В. Козицкомъ смотри: Essai sur la littérature russe. стр. 9; Опытъ историческаго словаря росс. писат. Новикова. стр. 101—2, Словарь рус. свѣтск. писателей митрополита Евгенія. т. I, стр. 295—7 и Московск. Городск. Листокъ. стр. 112 (анекдотъ).

2) „И то и се", съ объявленіемъ на первомъ листѣ: „Строками служу, бумагой бью челомъ, а обое вообще извольте покупать; купивъ же считайте за подарокъ для того, что небольшаго оное стоитъ", еженедѣльное изданіе, выходило полулистами по вторникамъ; всѣхъ полулистовъ 52. Спб. 1769 г., въ 8 д. лист., стоило 1 р. 4 коп. Статьи, вошедшія въ этотъ журналъ, преимущественно сатирическія; кромѣ того, здѣсь напечатаны стихотворенія (элегіи, эпиграммы, мадригалы, загадки, эпитафіи), переводы изъ нѣмецкаго стихотворца Даніила Каспера Логенстейна и Геллерта, краткое исчисленіе именъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ (въ томъ числѣ указаны и божества славянскія) и списокъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ русскими. „Трутень" (1769 г. на стр. 95—96) указываетъ на заимствованія журнала „И то и се" изъ итальянской Венероніевой грамматики. Издателемъ этого журнала въ Московск. Телеграфѣ (1827 г., XVIII, стр. 82, журналистика) и въ Росписи книгъ Смирдина ошибочно показанъ Семенъ Башиловъ; въ Опытѣ историческаго словаря Новикова (стр. 17—18) и въ Словарѣ русск. свѣтск. писателей митрополита Евгенія (т. 1, стр. 31—32) сказано только, что Башиловъ написалъ нѣсколько сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ журналѣ: „Ни то, ни се". Настоящимъ издателемъ журнала: „И то и се" былъ М. Д. Чулковъ (надв. совѣт., скончался 1793 г.), о которомъ смотри: „Опытъ истор. слов.", стр. 243—4, Словарь митр. Евгенія, т. 2, стр. 242—5 и Бу-

---

„обходясь дюжинки полторы писемъ", раньше полученныхъ. Ясно, что такое предпочтеніе было сделало изъ уваженія къ знаменитому писателю. Возможно, что Сумарокову и еще кое-что принадлежитъ въ журналѣ. Н. К.

лича „Сумароковъ". стр. 253. примѣчаніе. Мнѣніе это мы основываемъ на положительномъ показаніи Новикова и на собственныхъ словахъ издателя журнала „И то и се". который самъ о себѣ говоритъ, что онъ приготовляетъ поэму: „Плачевное паденіе стихотворцевъ" (недѣля 41). Сверхъ того, въ этомъ періодическомъ изданіи встрѣчаемъ описанія простонародныхъ обрядовъ и повѣрій, а Чулковъ извѣстенъ, какъ первый собиратель этнографическихъ матеріаловъ. Въ журналѣ Чулкова участвовалъ Михайло Поповъ, помѣстившій здѣсь (недѣли 7, 12, 18—21, 31) разныя стихотворенія; сличи съ первою частью „Досуговъ или Собр. сочин и переводовъ М. Попова. Спб. 1772". О Поповѣ см. „Опытъ истор. слов.". стр. 170—1. и Слов. митрополита Евгенія. т. 2. стр. 133—4.

3) „Ни то, ни се", въ прозѣ и стихахъ, ежесубботное изданіе на 1769 г., съ эпиграфомъ: „Maxima de nihilo nascitur historia. Propertius. Пространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть. Проперцій". Выходило полулистами съ 21 февраля по 11 іюля включительно. Спб., въ 8-ю д. л. Всѣхъ полулистовъ было 20. Здѣсь напечатаны: 1) въ переводахъ: LXXXII-е письмо Сенеки о суетахъ сего міра и смерти, и его же разсужденіе: „О Провидѣніи", перевелъ С. Б. (Семенъ Башиловъ?), изъ Овидіевыхъ Превращеній и Элегіи (одна подписана буквою Р. — Рубанъ?), разговоръ дикаго съ баккалавромъ изъ Вольтера, „Должности общежитія". ода Томаса, переведенная В. П. (Василіемъ Петровымъ: смотри въ Сочиненіяхъ В. Петрова. Спб., 1811. ч. 1. изд. 2-го. стр. 194: послѣдняя строфа здѣсь передѣлана); 2) ода: „Деньги". переводъ изъ Горація (въ стихахъ) о серебрѣ и золотѣ, и соглашеніе этихъ двухъ стихотвореній: 3) стихотворенія: „Рокъ", изъ „Амстердамскаго Гонца" (курьера), надписи, эпиграммы и другія: нѣкоторыя изъ нихъ подписаны буквами В. Р. (Рубанъ); иныя принадлежатъ М. Попову. Одна эпиграмма заимствована изъ „Голландской Пчелы": 4) разсказы: „Покрывало, скинутое вѣтромъ съ лица одной женщины, было причиною смерти одного султанскаго сына". „Зависть одной женщины противъ своей сестры открываетъ путь къ консульству", и проч. (съ француз. Ил. Дебольцовъ). „Омаръ, восточная повѣсть" (перев. Ѳ. Лозинскій). „Великодушіе дикаго человѣка" (перев. съ нѣмец.

каго изъ „Берлинскаго Магазина" Ѳ. Л. — Лазинскій?): два письма (о вспыльчивости), перев. съ нѣмецкаго студентъ Яковъ Хорошкевичъ, и сатирическія вѣдомости—съ нѣмецк. И. Пырскій. Въ 1771 году вышло въ Сп-бургѣ второе изданіе журнала „Ни то, ни се", въ 8 д. л.; на заглавномъ листѣ сказано: „съ исправленіемъ противъ прежняго"; но всѣ исправленія состоятъ въ томъ, что на первомъ листѣ втораго изданія выкинуты названія журнала на другихъ языкахъ и слѣдующее стихотворное объявленіе о цѣнѣ: „Всякъ кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ, тому „Ни то, ни се" дадутъ листокъ одинъ". Болѣе исправленій нѣтъ; напротивъ, второе изданіе перепечатано съ перваго строка въ строку. Объ издателѣ В. Г. Рубанъ (кол. сов.) смотри „Опытъ истор. слов." Новикова, стр. 191—2 и Словарь митрополита Евгенія, т. 2, стр. 151 — 3; о Петровѣ—въ Опытѣ Новикова, стр. 162—3, у митр. Евгенія, т. 2, стр. 117 — 9. По свидѣтельству Новикова (Опытъ стр. 17 — 18) и митрополита Евгенія (т. I, стр. 31 — 32) въ журналѣ „Ни то, ни се" помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ писемъ (развѣ полемическихъ? потому что собственно сатирическихъ статей здѣсь не встрѣчаемъ) Семенъ Башиловъ.

4) „Смѣсь, новое еженедѣльное изданіе", началась 1-го апрѣля 1769 года, Санктпетербургъ, въ 8-ю дол. лист. всѣхъ листовъ 40, цѣна 1 рубль. Второе изданіе подъ заглавіемъ: „Смѣсь или собраніе разныхъ философическихъ и критическихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ", напечатано было въ 1771 году, въ 8 долю лист., въ Спб. На заглавномъ листѣ сказано, что это изданіе „со многими прибавленіями"; въ самомъ же дѣлѣ ко второму изданію прибавленъ только одинъ листъ, заключающій въ себѣ переводъ „Письма Каина къ Мегалѣ, его супругѣ, соч. Костарда" и стихи: „Несчастный", и имѣющій свою особенную нумерацію страницъ; другихъ прибавленій нѣтъ. Напротивъ, второе изданіе перепечатано съ перваго страница въ страницу, съ опущеніемъ только „Предувѣдомленія", въ которомъ читаемъ: „Я, набравшись чужихъ мыслей и видя нынѣ много періодическихъ изданій, вздумалъ писать Смѣсь, о которой вольно всячески судить" и проч. Между переводами встрѣчаемъ здѣсь статьи изъ сочиненія „Portraits et caractères". Въ числѣ стихотвореній, помѣщен-

ныхъ въ „Смѣси", отмѣтимъ здѣсь: „Оду на побѣду, одержанную россійскимъ воинствомъ надъ турками подъ Хотиномъ 19 апрѣля" (листъ 7, стр. 49). Изданіе „Смѣси" приписываютъ Новикову, но едва ли справедливо.

5) „Трутень", еженедѣльное изданіе на 1769—1770 года, Спб., въ 8-ю д. л. „Трутень" на 1769 годъ былъ посвященъ шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину и заключаетъ въ себѣ 36 листовъ (цѣна 1 р. 25 к.), а „Трутень" на 1770 годъ, посвященный оберъ-прокурору сената Всеволоду Александровичу Всеволодскому, состоитъ изъ 17 листовъ, потому что журналъ продолжался только по май мѣсяцъ; стоялъ 75 коп. „Трутень" имѣлъ большой успѣхъ и покупался болѣе другихъ періодическихъ листовъ, почему вслѣдъ за первымъ вышло второе его изданіе; сверхъ того, многія статьи были въ послѣдствіи перепечатаны отсюда въ „Живописецъ". Между прочими сочиненіями въ „Трутнѣ" 1769 года находимъ: „Надпись въ рощѣ его превосходительства Льва Александровича Нарышкина" (листъ XIV, стр. 105), „Надгробную Ломоносову" (л. XX, стр. 160), „Стихи Александру Андреевичу Беклешову на смерть брата его подполковника Арсенія, убитаго при одержанной россійскимъ войскомъ надъ турками побѣдѣ у Хотина августа 29-го дня" (л. XXII, стр. 169), соч. Василія Майкова; его же стихи: „Примѣръ (Примьеръ) маіору Юрью Богдановичу г. Бибикову" (л. XXIII, стр. 171); а въ „Трутнѣ" 1770 года: „Стихи на смерть Ѳедора Александровича Эмина, россійской исторіи писателя, послѣдовавшую въ Санктпетербургѣ 18 апрѣля 1770 года, писанные къ его другу" (л. XVI, стр. 126) и извѣстіе о мраморномъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Ломоносова канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ. Объ издателѣ „Трутня" Н. И. Новиковѣ, смотри въ Словарѣ митр. Евгенія, т 2, стр. 103—6, въ „Словарѣ достопамятн. людей русск. земли" Д. Бантыша-Каменскаго (1836 г. М., ч. IV, стр. 26—29), въ сочиненіи Вейдемейера: „Дворъ и замѣчат. люди во второй половинѣ XVIII столѣт." (ч. 2, стр. 115—9), въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года № 19: „Новиковъ и Шварцъ", статья г. Лонгинова, изданная и отдѣльно въ 1858 г.; № 21: „Нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ къ статьѣ: „Новиковъ и Шварцъ", соч. г. Ешевскаго; въ томъ-же журналѣ 1858 г.

№№ 15 и 22 (статья Лонгинова); въ Сборникѣ, издаваем. студентами имп. спб-го университета, вып. 1-й, стр. 321—335: „Матеріалы для біографіи Н. И. Новикова“; въ „Библіогр. Запискахъ“ 1858 г. № 6: „Н. И. Новиковъ“, біографич. очеркъ, и 1859 г. № 3—статью Н. Рябова; въ „Московскомъ Городск. Листкѣ“ (1847, №№ 43—46) статью подъ заглавіемъ: „Н. И. Новиковъ“, составленную Н. Билевичемъ. И Бантышъ-Каменскій, и Вейдемейеръ годъ перваго изданія „Живописца“ указываютъ ошибочно; о другихъ же изданіяхъ Новикова вовсе умалчиваютъ. Г. Билевичъ ограничился указаніемъ на то вліяніе, какое имѣлъ Новиковъ въ литературно-общественномъ отношеніи на современное ему общество; но выполнилъ эту задачу неудовлетворительно. Въ его статьѣ слишкомъ много ошибокъ; такъ журналъ „И то и сё“ приписанъ Башилову; „Поденьщина“ переименована въ „Поденщика“; „Ежемѣсячныя Сочиненія“, окончившіяся 1764 годомъ, показаны изданіемъ, одновременнымъ „Трутню“; „Всякая Всячина“ названа жалкимъ изданіемъ, тогда какъ это былъ одинъ изъ лучшихъ журналовъ своего времени; о „Трутнѣ“ также несправедливо сказано, что онъ издавался отъ нечего дѣлать. „Парнасскій Щепетильникъ“, издававшійся Чулковымъ, приписанъ Новикову; объ „Адской Почтѣ“ сдѣлано замѣчаніе, что въ полемическихъ состязаніяхъ журналовъ она нападала на „Трутня“, тогда какъ, напротивъ, она защищаетъ его положенія; статья о городѣ Солунѣ, напечатанная въ „Щепетильникѣ“, отнесена къ „Трутню“ и проч. Въ любопытныхъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сборникѣ спб-хъ студентовъ, о „Кошелькѣ“, переданы весьма сомнительнаго достоинства разсказы Макарова. — Въ „Трутнѣ“ участвовали В. Майковъ, Аблесимовъ (см. „Сумароковъ“ Булича, стр. 235) и Мих. Поповъ, эпиграмму котораго находимъ въ „Трутнѣ“ 1769 года на стр. 27—29 (сличи: „Досуги“, ч. I, стр. 27). О Майковѣ смотри: Essai sür la littérature russe стр. 8, Словарь митрополита Евгенія“, т. 2, стр. 41—2 и „Опытъ историческаго словаря“, стр. 133—5; объ Аблесимовѣ—въ тѣхъ же изданіяхъ. О „Трутнѣ“ были сообщены краткія свѣдѣнія М. Макаровымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года (№ 8, смѣсь, стр. 26—32).

6) „Адская Почта“ или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ, ежемѣсячное изданіе 1769 года. Издалъ въ свѣтъ я, напечатано здѣсь“. Спб. въ 8-ю д. л. Журналъ этотъ начался съ іюля и продолжался до окончанія года; всѣхъ выпусковъ шесть: у Сопикова и Смирдина ошибочно показано: семь. Каждый мѣсяцъ „Почты“ продавался по 20 коп. и заключалъ въ себѣ нѣсколько писемъ бѣсовъ, а въ концѣ адскія вѣдомости, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаемъ любопытныя статьи касательно тогдашней политики (о Турціи, Франціи и Польшѣ). Вѣроятно, въ томъ-же 1769 году „Адская Почта“ или по крайней мѣрѣ первый ея выпускъ имѣлъ второе изданіе, въ чемъ убѣждаетъ насъ слѣдующая видѣнная нами на одномъ экземплярѣ „Почты“ за іюль мѣсяцъ прибавка: напечатано здѣсь *вторымъ тисненіемъ*. Кромѣ того, было еще одно изданіе этого журнала, безъ раздѣленія на мѣсяцы, подъ новымъ заглавіемъ: „Курьеръ изъ ада съ письмами, сочиненіе Ѳедора Эмина“—вышло въ Спб. 1788 года, въ 12-ю д. л. Но въ это послѣднее изданіе многихъ писемъ не вошло; другія сокращены (именно письма подъ №№ 39, 43, 51, 69, 83, 90, 91, 94, 100 и 103); самый слогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько измѣненъ, а статьямъ адскихъ вѣдомостей придана форма писемъ. Изъ статей „Адской Почты“ въ „Курьеръ“ не вошли: обращенія издателя к „Всякой Всячинѣ“ и читателямъ, всѣ полемическія статьи противъ другихъ журналовъ, цѣлый выпускъ за мѣсяцъ августъ, да изъ другихъ выпусковъ письма подъ №№ 1, 5, 40, 41, 52, 53, 55, 81, 88, 89, 95, 96, 100, 112; извѣстія „изъ-за рѣки Косита“ (въ іюльской и сентябрьской книжкахъ) и замѣтки объ адскихъ вѣдомостяхъ въ октябрьской и декабрьской книжкахъ. (Объ издателѣ этого журнала Эминѣ смотри „Опытъ истор. слов.“, стр. 253—8 и Словарь митрополита Евгенія, т. 2, стр. 214—225. По примѣру „Адской Почты“ Крыловъ выдавалъ въ 1789 г. „Почту Духовъ“; въ 1792 г. была издана въ Москвѣ: „Переписка двухъ адскихъ вельможъ Алгабека и Алгамека, находящихся по разнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ, содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя происшествія, повѣсти и проч., переведенныя съ арапоеврейскаго языка грекояпонскимъ переводчикомъ въ 1791000 году“. Г. Буличъ въ своемъ сочи

ненія. „Сумароковъ и современная ему критика" говоритъ о вліяніи на „Почту" Эмина сочиненія: „Lettres persanes" и о сходствѣ ея съ „Lettres Juives" (стр. 101 и 247).

7) „Поденьщина, или ежедневныя изданія", съ эпиграфомъ: Lebor omnia vincit. Improbus et duris urgens in rebus egestas. Virg. Трудами все преодолѣвается. Непріятенъ и къ труднымъ вещам понуждаетъ недостатокъ. Вирг.". Спб. 1769 г., въ 12-ю д. л., всѣхъ страницъ 134. Первыя 22 страницы были выпущены 1-го марта; потомъ, черезъ недѣлю, съ 8-го марта „Поденьщина" выходила ежедневно по 4 апрѣля включительно, выдавая каждый разъ по два листка. Въ предисловіи къ этому журналу читаемъ: „Пользуясь блаженствомъ „настоящаго времени, въ которое между безчисленными для „благополучныхъ россіянъ выгодами и изданіе каждому въ „печать трудовъ своихъ безпрепятственно дозволяется, предпріялъ я издавать гражданству сіи ежедневные листочки... „Въ нихъ описываны будутъ мои собственныя и заемныя „мысли" (стр. 3—4). Здѣсь помѣщены: разсужденія о магіи, живописи, архитектурѣ и музыкѣ, „переводъ изъ мнѣній графа Оксенштерна—О смѣхѣ", переводъ двухъ басень („Волкъ и Барашекъ" и „Двѣ Лисицы") и „Искусство украшать лицо изъ дѣлъ (твореній) Овидіевыхъ"; листокъ „Поденьщины", выпущенный 1-го апрѣля, наполненъ рѣченіями изъ разныхъ восточныхъ языковъ, которыя на слѣдующихъ листкахъ были сравнены съ русскими словами, но въ сближеніяхъ этихъ много произвольнаго, напримѣръ *счастіе* авторъ производитъ отъ *щи честь*, а *нищета* отъ выраженія: *нечего считать*. Въ Словарѣ митрополита Евгенія этотъ журналъ неправильно названъ „Поденьщикъ". Объ издателѣ В. Тузовѣ смотри „Опытъ истор. словаря", стр. 228, и Словарь митроп. Евгенія, т. 2, стр. 227.

8) „Полезное съ Пріятнымъ, полумѣсячное упражненіе" 1769 года, издавалось при императорскомъ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ. Спб. въ 8-ю д. л. Всѣхъ полумѣсяцевъ или книжекъ—12. У Сопикова этотъ журналъ обозначенъ неправильно.

Продажа журнальныхъ листовъ 1769—1774 годовъ производилась у переплетчика Веге.

9) „Парнасской Щепетильникъ“, ежемѣсячное изданіе 1770 г. Спб. въ 12-ю д. л., всѣхъ выпусковъ восемь. Журналъ этотъ издавался съ мая по декабрь включительно, по 25 коп. за выпускъ. У Сопикова, Плавильщикова, Смирдина и въ „Московск. Телеграфѣ“ (1827 г. ч. XVIII. стр. 83. и 1828 г. ч. XXIV. стр. 227) издателем „Щепетильника“ несправедливо названъ Новиковъ. Митрополитъ Евгеній издателемъ этого журнала называетъ Чулкова („Словарь свѣтск. писат.“, т. 2, стр. 243; сличи съ „Опытомъ словаря русс. писателей“ Новикова. стр. 243); справедливость этого показанія засвидѣтельствована въ самомъ „Щепетильникѣ“. Здѣсь напечатано письмо, адресованное къ издателю, въ которомъ неизвѣстный авторъ говоритъ: „земляки мои прошлаго года получали ваше еженедѣльное „И то и сё“ (стр. 271—3). Итакъ „Щепетильникъ“ имѣлъ одного редактора съ журналомъ: „И то и сё“. Вмѣстѣ съ сатирическими статьями на стихотворцевъ въ „Щепетильникѣ“ находимъ: переводы изъ Овидіевыхъ Превращеній и элегій; переводъ о децемвирахъ въ Римѣ (изъ книги: „Essai sur les grands événemens per les petites causes); разсужденія Агриппы фонъ-Нетсгейма о стихотворствѣ (изъ книги „О суетѣ наукъ“) и о картежной игрѣ; статьи объ упражненіяхъ древняго римскаго гражданства. о разности между любовью и дружбою; Мемнонъ или премудрость человѣческая (изъ Вольтера); экономическія примѣчанія о пользѣ огородныхъ кореньевъ, и мелкія стихотворенія. Кромѣ того, здѣсь находимъ слѣдующія статьи: 1) „Древнія русскія простонародныя загадки“ (стр. 46—8): всѣхъ 15, безъ отгадокъ; 2) „Описаніе города Солуня. называемаго именемъ Салоники (по лат. Thesselonika). Сочиненное тамо бывшимъ россійскимъ путешественникомъ Василіемъ Григоровичемъ, гражданиномъ кіевскимъ. во время странствованія его по свѣту чрезъ 25 лѣтъ, которое имъ описано и у многихъ въ манускриптѣ хранится“ (стр. 119—130). Путешествіе это относится къ 1725—6 годамъ. Здѣсь описаны: мѣстоположеніе, зданія. пристань, произведенія и проч. Къ „Описанію“ присоединены имена архипелажскихъ островов, на которыхъ живутъ христіане, и указаніе на разстоянія нѣкоторыхъ мѣстъ. О Григоровичѣ смотри „Опытъ истор. словаря“, стр. 53. Любопытенъ фактъ, передаваемый Григоровичемъ, что греки питали надежду съ помощью Петра

В. избавится отъ турецкаго ига. 3) „Надгробная надпись россійской исторіи писателю Никитѣ Иванову, умершему генваря 26 дня 1770 года въ Москвѣ“ (стр. 143—4). 4) „Открытіе соли въ Азіи случилось при ханѣ татарскомъ, который уронилъ кусокъ мяса на землю“ (стр. 152—3). 5) „Описаніе рощи, находящейся при приморской его превосходительства Льва Александровича Нарышкина мызѣ, именуемой Левендаль, въ одиннадцати верстахъ отъ Санктпетербурга по петергофской дорогѣ“, въ стихахъ, соч. В. Р. (Василія Рубана) (стр. 183—5). 6) „Побѣдительная пѣснь на торжественное двукратное пораженіе и разогнаніе многочисленныхъ оттоманскихъ силъ, собравшихся на сей сторонѣ Дуная, россійскими императорскими войсками, подъ предводительствомъ главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Александровича Румянцова, іюля 7 и 21 дней 1770 г.“. соч. Василія Рубана (стр. 186—196). 7) „Эпитафія оберъ-егермейстера и кавалера Семена Кирилловича Нарышкина сыну, конной гвардіи вахмистру Петру Семеновичу Нарышкину“, соч. студентъ Иванъ Посниковъ (стр. 288). 8) „Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ, и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской исторіи“ (о Финляндіи, княжествахъ сѣверскомъ и кіевскомъ, Смоленскѣ и запорожскихъ казакахъ), переводъ съ польскаго (стр. 290—319). 9) *а)* „О изображеніи монеты россійской временъ царя Ивана Васильевича“ (московской, новгородской, тверской и псковской) (стр. 319—321); в) „Государственные чины тогожъ времени“ (стр. 321—2); *с)* „О думномъ боярскомъ совѣтѣ, бывшемъ при дворѣ царя Ивана Васильевича“ (стр. 322), переведено съ латинскаго.

10) „Пустомеля“, ежемѣсячное сочиненіе на 1770 годъ. Санктпетербургъ, въ 16-ю д. л., весьма-рѣдко. Журналъ этотъ продолжался два мѣсяца: іюнь и іюль; первый выпускъ посвященъ Николаю Алексѣевичу Ладыженскому, а второй — Никитѣ Акинфовичу Демидову, о которомъ въ посвященіи сказано: „Есть люди богатствомъ васъ превышающіе, но они „душевными свойствами передъ вами толико бѣдны, колико „богаты стяжаніемъ. Они столько дѣлаютъ вреда общес[illegible] „колико дѣлаете вы пользы; тѣ за малое у подобныхъ

„людей похищають свободу, а вы великія раздаете суммы къ „ихъ искупленію. Не я это говорю, а повсемѣстно взывають „тѣ юноши, которые по причинѣ ихъ бѣдности лишены были „толико нужнаго человѣчеству и полезнаго обществу воспита-„нія, но по счастію содержатся и воспитываются вашимъ иждиве-„веніемъ“ (стр. 62—64). Имя издателя неизвѣстно. Г. Буличъ говоритъ: „есть извѣстіе, что издателемъ „Пустомели“ былъ Аблесимовъ“ („Сумароковъ“, стр. 272), но откуда это извѣстіе—не сказано [1]). Всѣхъ страницъ въ обоихъ выпускахъ 112; цѣна за экземпляръ была 25 к. Между прочимъ, въ этомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1) „Историческое приключеніе“, неоконченная повѣсть, въ которой встрѣчаются Добронравъ, Добросердъ, Миловида, Осторожна. Въ ней есть нѣкоторые намёки на тогдашніе модные нравы (стр. 25, 30, 31—2, 35); повѣсть эта написана, чтобъ доказать слѣдующую истину: „часто бываетъ, что люди впадаютъ въ пороки по одному добросердечію, но среди самыхъ преступленій праводушіе ихъ сіяетъ и великость духа оказывается“. 2) Загадки (сатирическаго содержанія). 3) „Завѣщаніе Юнджена китайскаго хана къ его сыну“ (1735 г.). 4) „Епиграмма г. Кондратовича къ г. издателю Трутня“, по поводу напечатаннаго въ „Трутнѣ“ 1769 года (стр. 48) объявленія о воеводѣ, продающемъ свою совѣсть. Эпиграмма написана тяжелыми стихами; на кого она была направлена—мы не знаемъ.

11) „Трудолюбивый Муравей, еженедѣльное изданіе 1771 года съ послѣдней половины“, издавалъ Василій Рубанъ, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л.; всѣхъ нумеровъ 26; продавался, вмѣстѣ съ другими журналами, у переплетчика Миллера, за листъ по 4 коп. Здѣсь напечатаны переводы — изъ Вольтера: „Жанотъ и Колинъ“, „О украшеніи города Кашемира, разговоръ въ царствѣ мертвыхъ“ (Периклъ, грекъ и россія-

---

[1]) В. П. Семенниковъ, на основаніи своихъ разысканій по даннымъ Архива Конференціи Академіи Наукъ, пришелъ къ заключенію, что издателемъ журнала „Пустомеля“ былъ никто иной какъ Н. И. Новиковъ. См. *В. П. Семенниковъ.* Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Разысканія объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ. СПБ. 1914 г., стр. 72—80. Й. К.

инъ); изъ Θеофрастовыхъ Характеровъ, изъ Лукана („Діогенъ и Александръ", разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, пер. Рубана); „Разговоръ разсудка и любви" о противорѣчіи ихъ между собою (съ французскаго), прощальное письмо Константіи къ Θеодосію (съ нѣмецкаго), эклога изъ сочиненій Сенстона, повѣсть о султанѣ Кудбединѣ и о прекрасной дѣвицѣ Журлулѣ (съ нѣмецкаго); о жертвоприношеніяхъ древнихъ язычниковъ, Балакиревы вѣдомости, извѣстіе о карлѣ безрукомъ (въ Лубнахъ) и др. Для насъ болѣе любопытны теперь слѣдующія статьи и стихотворенія: 1) „Мадригалъ на прибытіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Архипелага въ Санктпетербургъ въ 1771 году", соч. В. Майкова (№ 1, стр. 8); 2) „Похвальное слово Петру I, императору и самодержцу всероссійскому въ достоинствѣ члена парижской академіи наукъ, говоренное г. Фонтенелемъ 1725 года" (№ 2, стр. 9; № 3, стр. 17; № 4, стр. 25; № 5, стр. 33; № 6, стр. 41): краткія свѣдѣнія о заслугахъ Петра I. Переводъ съ французскаго; подлинникъ можно читать въ „Description de l'empire Russien" Страленберга, т. 1, стр. 335 (изд. въ Амстердамѣ MDCCLVII. 3) „Извѣстія польскихъ историковъ о Валахіи и Молдавіи, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ" (№ 7, стр. 49), переводъ съ польскаго. 4) „Елегія къ библіотекѣ преосвященнаго Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго, сочиненная имъ самимъ предъ кончиною своею", переводъ съ латинскаго (№ 7, стр. 54). 5) Два стихотворенія „на прибытіе преосвященнаго Гавріила Кременецкаго, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи въ предписанную епархію въ 1771 году", сочинены кіевской академіи студентомъ Михайловскимъ (№ 7, стр. 56). 6) „Описаніе мѣстоположенія и разстоянія городовъ полуострова Крыма" (№ 8, стр. 57). 7) „О крымской коммерціи", соч. Р. (Рубанъ?) Содержаніе: инородцы, торгующіе въ Крыму; отправленіе Петромъ Великимъ посла Емельяна Украинцова въ Царьградъ по вопросу о крымской коммерціи; покореніе Крыма (№ 8, стр. 59). 8) „О старинномъ русскомъ платьѣ" бояръ, дворянъ, подьячихъ, купцовъ и женщинъ (№ 13, стр. 97). 9) „Вседневное моленіе московскихъ жителей" о прекращеніи язвы (№ 14, стр. 104)—стихи. 10) „Письмо его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, на отбы-

тіе его изъ Санктпетербурга въ Москву, во время заразительной въ ней болѣзни, для истребленія оныя“ — стихи Майкова (№ 14, стр. 106). 11) „Стихи на день поминовенія православныхъ воиновъ и всѣхъ за вѣру и отечество на брани убіенныхъ, чинимаго ежегодно августа 29 числа въ православныхъ церквахъ во всей Россіи“ (№ 18, стр. 142). 12) „Надгробная надпись преосвященнымъ московскимъ: архіепископу Платону Малиновскому и митрополиту Тимофею Щербацкому, погребеннымъ въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ, изъ которыхъ первой 14 іюля 1754, а второй 18 апрѣля 1767 года преселилися на вѣчную жизнь“, соч. архимандрита Дмитрія Грозинскаго (№ 18, стр. 144). 13) „Надпись на благополучное возвращеніе его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова изъ Москвы въ Санктпетербургъ декабря 1771 года“, соч. В. Р. (Василій Рубанъ). Въ это время въ Москвѣ была чума (№ 20, стр. 160). 14) „Письма“ *Люборуссова* о происхожденіи нѣкоторыхъ словъ (№ 22, стр. 168; № 26, стр. 201). 15) „Рѣчь императора Петра Великаго къ россійскимъ генераламъ, произнесенная послѣ торжества за морскую побѣду и по принятіи имъ на себя адмиральскаго чина въ 1714 году“ (№ 25, стр. 199). Сличи съ стр. 372 — 4, т. IV „Дѣян. Петра В.“, соч. Голикова. 16) (Двѣ) „надписи на покореніе Крыма и другихъ татарскихъ ордъ II-й арміи главнымъ предводителемъ генераломъ и кавалеромъ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ россійской державѣ въ 1771 году“ (№ 25, стр. 200).

12) „Вечера“, еженедѣльное изданіе, 2 части: 1-я 1772 года (цѣна 1 р.), 2-я 1773 г., Санктпетербургъ, въ 8-ю д листа, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ сатира. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ, въ Москвѣ, въ типографіи компаніи типографической, 1788 г. (1-я часть) и 1789 (ч. 2-я), въ 12-ю д. листа. 1-ое изданіе выходило полулистами, которые назывались *вечерами*; такихъ вечеровъ въ 1-ой части было 26. Здѣсь находимъ статьи: 1) „О россійскихъ предкахъ“ (ч. 1, стр. 97 перваго изд. и 105 2-го изд.), то есть о происхожденіи русскаго народа, о разселеніи славянъ и призваніи варяговъ. 2) „Стихи графу Ѳедору Григорьевичу Орлову 1772 года февраля 3-го дня“ (ч. 1, стр. 48 1-го изд. и 53 2-го изд.). 3) „Стихи къ дачѣ его сіятельства князя Алек-

сандра Алексѣевича Вяземскаго" (ч. 2, стр. 70 2-го изд.). 4) „Стихи на дачу Александра Александровича Нарышкина, которая состоитъ изъ многихъ островковъ" (ч. 2, стр. 72 2-го изд.). 5) „Стихи на Крестовскій островъ Кирила Григорьевича Разумовскаго" (ч. 2, стр. 73 2-го изд.). 6) Переводы изъ Овидіевыхъ Превращеній, идилій Геснера и Юнговыхъ Ночей, поэмы Фетри: „Гробницы", стихотвореній Іоанна II. Еврарда („Поцѣлуи" — съ латинск.), одного мѣста изъ „Ромео и Юлія" и монолога изъ трагедіи Аддисона: „Катонъ"; изъ Вольтера: „Колинъ и Лиза"; изысканіе объ амазонкахъ и ихъ республикѣ; путешествіе въ города Глупость и Роскошь и мѣстечко Пустословіе; героида: „Електра къ Оресту"; „Несчастная португалка" (письмо въ стихахъ); „Подражаніе царству Зазпридовъ или геніевъ"; письмо (въ стихахъ) „Габріеллы де-Вержи къ графинѣ де-Рауль, сестрѣ Рауля де-Куси", въ которомъ говорится о любовницѣ, накормленной сердцемъ милаго, и др. Кромѣ того, въ „Вечерахъ" печатались многія эпиграммы, эпитафіи, эклоги, стансы, мадригалы, сонеты, анакреоническія оды, загадки, басни и переложенія псалмовъ. Въ этомъ изданіи принимала участіе жена Хераскова (урожденная Неронова Елизавета Васильевна); ей принадлежитъ стихотвореніе „Потопъ", напечатанное въ первой части „Вечеровъ" (на стр. 175. -Смотри: Москвит. 1844 г., № 1: „Записки И. И. Дмитріева", стр. 252). О Херасковой находимъ краткія извѣстія въ словаряхъ Новикова, стр. 235, и м. Евгенія, т. 2, стр. 235. Въ „Вечерахъ" встрѣчаемъ еще стихи князя Өедора Козловскаго (о которомъ смотри: „Опытъ ист. словаря" Новикова, стр. 102—6, и Словарь Евгенія, стр. 279) и переводъ г-жи Звѣнигородской.

13) „Живописецъ", еженедѣльное изданіе, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л., 1772 года, 2 части, каждая въ 26 листовъ; послѣдніе листы второй части были выпущены уже въ 1773 году, потому что въ нихъ находимъ статьи, вызванныя событіями этого года. Первая часть имѣла въ 1773 году второе изданіе въ Санктпетербургѣ, въ 8-ю д. л.; изданіе этого перепечатано съ перваго, съ опущеніемъ письма подъ № XXX (стр. 133 перваго изд.) и стиховъ подъ № XLVI и LI (стр. 185 и 208 перваго изд.). Въ 1775 году въ Санктпетербургѣ

явилось новое (третье) изданіе обѣихъ частей подъ заглавіемъ „Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и умноженное“, въ 12 д. листа; въ предисловіи издатель замѣтилъ: „я въ журналѣ моемъ многое перемѣнилъ, иное исправилъ, другое выключилъ и многое прибавилъ изъ прежде-выданныхъ моихъ сочиненій“. Изданіе четвертое вышло въ Москвѣ, печатано въ университет. типографіи у Н. Новикова, 1781 года, въ 8-ю д. л. Третье и четвертое изданія — лучшія; они совершенно сходны. Пятое вышло въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года, въ 12-ю д. л.; оно перепечатано съ третьяго или четвертаго изданія, но хуже ихъ, потому что въ немъ исключены нѣкоторыя мѣста изъ „Сатирическихъ вѣдомостей“. Въ третье, четвертое и пятое изданія вошли многія наиболѣе интересныя сатирическія статьи изъ Трудня“, именно: Письма къ племяннику, Лѣчебникъ, Смѣющійся Демокритъ, Сатирическія вѣдомости, Крестьянскія отписки и помѣщичій указъ, и разсказъ объ украденныхъ у судьи часахъ. Показанія Сопикова о двухъ первыхъ изданіяхъ — невѣрны. Наконецъ первая часть „Живописца“ вышла шестымъ изданіемъ въ Москвѣ, въ вольной типографіи Пономарева, 1829 года, въ 12-ю д. л. Изданіе это перепечатано съ перваго, съ весьма большими пропусками. Нѣсколько статей изъ „Живописца“ были потомъ перепечатаны въ „Московскомъ Собесѣдникѣ“, ежемѣсячномъ изданіи на 1806 годъ, именно: Письма отъ отца, матери и дяди къ Ѳалалею (ч. 1, стр. 175, 189, 197, 203), „Отрывокъ путешествія въ *** И. Т.“ (И. П. Тургенева?— ч. 2, стр. 163) и „Слѣдствія худаго воспитанія“ (ч. 2, стр. 456). Журналъ „Живописецъ“ былъ посвященъ Екатеринѣ Великой. Первоначально продавался онъ по 4 коп. за листъ. Въ первомъ, второмъ и шестомъ изданіяхъ „Живописца“ встрѣчаемъ слѣдующія сочиненія, невошедшія въ остальныя изданія: 1) „Письмо о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества, писанное покойнымъ профессоромъ Поповскимъ къ его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при случаѣ заведенія московскаго университета, въ 1756 году“ (ч. 1, листъ 8, стр. 57 перваго изд. и 53 втораго изд.; въ шестомъ изд. стр. 72). 2) „Переводъ съ письма господина Доминика Діодати, изъ Неаполя 1771 г. октября 7-го дня писаннаго къ россіянину, пославшему къ

нему въ подарокъ Наказъ ея императорскаго величества. данный коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія“ (ч. 1. л. 12, стр. 90 перваго изд. и 84 втораго изд.; въ шестомъ изд. стр. 116). 3) „Письмо къ ея сіятельству графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Брюсовой“ — стихи (ч. 1, л. 14, стр. 111 перв. изд. и 103 2-го изд.; въ шестомъ изд. стр. 143). 4) „Письмо къ его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Москвы поздравительное съ новымъ 1772 годомъ, и благодарительное за его ревность и усердіе, принятое къ отвращенію бывшей въ Москвѣ моровой язвы 1771 года“ (ч. 1, л. 16, стр. 127 1-го изд. и 118 2-го изд.). 5) „Переводъ съ письма его величества короля прусскаго, писаннаго къ ея императорскому величеству Екатеринѣ Великой изъ Потсдама отъ 26 ноября 1767 года“ — о Наказѣ (ч. 1, л. 22, стр. 170 1-го изд. и 157 2-го изд.; въ 6-мъ изд. стр. 148). 6) „Переводъ съ письма графа Сольмса къ его сіятельству графу Панину отъ 5 декабря 1767 года“ (ч. 1, л. 22, стр. 175 1-го изд. и 160 2-го изд.). 7) „Надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ въ Архипелагѣ августа 29 дня 1772 года“ (ч. 1, л. 23, стр. 177 1-го изд. и 161 2-го изд.). 8) „На день рожденія его императорскаго высочества 20 сентября 1772 года“ — стихи В. Р. (Вас. Рубанъ — ч. 1, л. 24, стр. 185 1-го изд.) 9) „Ея величеству государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ всероссійской на пріобрѣтеніе Бѣлыя Россіи 1772 года“, — соч. П. П. (ч. 1, л. 26, стр. 201 1-го изд. и 182 2-го изд.). 10) „На день коронованія ея императорскаго величества Екатерины II, императрицы и самодержицы всеросійскія 22 сентября 1772 г.“ — стихи В. Р. (Рубанъ — ч. 1, л 26, стр. 208 изд. 1-го). 11) „Рѣчь къ ея императорскому величеству, говоренная епископомъ Анатоліемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 года октября 7-го дня“ (1-го изданія: ч. 2, л. 1, стр. 211). 12) „Слово на выздоровленіе его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича 1771 г.“, сочиненіе фонъ-Визина (ч. 2, л. 3, стр. 226). Смотри въ „Полн. собран. сочин. фонъ-Визина“, издан. Смирдина, стр. 688—699. Въ предисловіи къ этому „Слову“ приведены слова цесаревича: „мнѣ мучительно, что народъ безпокоится моею болѣзнею“. 13) „Надпись къ рѣкѣ Волгѣ,

сочиненная въ Вѣнѣ на латинскомъ языкѣ г. Колларомъ, вивліотекаремъ книгохранительницы цесарской 1772“ (ч. 2, л. 4, стр. 240). 14) „Рѣчь къ ея императорскому величеству, говоренная преосвященнымъ Георгіемъ, епископомъ могилевскимъ, мстиславскимъ и оршанскимъ, марта 10 дня 1773 года въ Санктпетербургѣ, въ придворной церквѣ“ (ч. 2, л. 19, стр. 357). 15) „Стихи его сіятельству графу Петру Александровичу Румянцову на воздвиженіе въ честь побѣдъ его обелиска предъ императорскимъ домомъ въ Царскомъ селѣ“, соч. В. Р. (Рубанъ), и ему-же стихи на новый годъ, соч. В. Р. (ч. 2, л. 19, стр. 363). 16) „Письмо въ отвѣтъ къ господину генералъ-маіору и кавалеру Евдокиму Алексѣевичу Щербинину, находящемуся со властію губернатора въ слободской губерніи, о заведеніи типографіи гражданской при харьковскихъ училищахъ“ (можетъ быть, Новикова—ч. 2, л. 20, стр. 365). 17) „Надгробная надпись іеромонаху Симеону Полоцкому, именовавшемуся въ жизни Петровскимъ, сочиненная іеромонахомъ Заиконоспасскаго монастыря строителемъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, и на камнѣ надъ гробомъ его въ Заиконоспасскомъ монастырѣ вырѣзанная“ (ч. 2, л. 20, стр. 368). 18) „Переводъ съ письма его величества короля прусскаго къ генералъ-поручику Бибикову, командующему въ Польшѣ“ (ч. 2, л. 20, стр. 371). 19) „Стихи, сочиненные на случай, когда благородныя дѣвицы 4-го возраста, воспитывающіяся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по девятилѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явилися въ общество и гуляли въ саду лѣтняго ея императорскаго величества дворца 1773 года мая 20 дня“ (ч. 2, л. 24, стр. 397). 20) „Стихи госпожамъ дѣвицамъ 1-го возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ первый разъ въ саду лѣтняго ея императорскаго величества дома сего 1773 г. мая 20 числа (ч. 2, л. 24, стр. 402). 21) „Ода ея величеству Екатеринѣ Великой императрицѣ и самодержицѣ всероссійской“ (ч. 2, л. 25 и 26, стр 408). Сверхъ того, въ первыхъ двухъ изданіяхъ находимъ переводъ изъ „Утреннихъ размышленій“, соч. короля прусскаго; переводъ VIII-й сатиры Буало на человѣка (эта сатира помѣщена и въ 6-мъ изд.) и X-й сатиры на женщинъ; переводъ отрывка изъ второй части III-го тома Энциклопедическихъ Записокъ, въ которомъ гово-

рится объ императрицѣ Екатеринѣ II (ч. 2, л. 25 и 26, стр. 406—7); передѣлка поэмы: „Торгъ семи музъ“ и пѣсня, соч. архангелогородскимъ купцомъ Алекс. Ѳоминымъ. о которомъ смотри Словарь митр. Евгенія. т. 2. стр. 289—290. (Пѣсня эта напечатана и въ 6-мъ изд.).

14) Митрополитъ Евгеній въ „Словарѣ свѣтск. писат.“ (т. 2. стр. 151) говоритъ. что В. Рубанъ въ 1772—3 годахъ издавалъ еженедѣльникъ: „Старина и Новизна“, но такое показаніе несовсѣмъ-вѣрно. „Старина и Новизна“, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ“ издавалась В. Рубаномъ *почастно*, то есть частями. которыхъ вышло двѣ: первая въ 1772 г., а вторая въ 1773 г. въ С.-Петербургѣ, въ 8-ю д. л. Хотя это изданіе въ каталогахъ и называется журналомъ. однако оно не имѣло журнальнаго характера, а представляло альманахъ или сборникъ различныхъ статей для чтенія. Въ первой части „Старины и Новизны“ помѣщены слѣдующія статьи: 1) „Выпись изъ дневныхъ записокъ одного россійскаго путешественника изъ Балтійскаго въ Средиземное моря въ 1769 и 1770 году“—краткое обозначеніе переѣздовъ (стр. 18). 2) „Слово въ похвалу Санктпетербурга и его основателя государя императора Петра Великаго, говоренное предъ лицомъ сего монарха преосвященнымъ Гавріиломъ Бужинскимъ. епископомъ рязанскимъ и муромскимъ, бывшимъ тогда префектомъ и оберъ-іеромонахомъ флота. при поднесеніи его величеству первовырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга“ (стр. 49). Здѣсь кратко упоминается о стрѣлецкомъ бунтѣ, путешествіи Петра В., его побѣдахъ. учрежденіи флота и о важности основанія С.-Петербурга и его укрѣпленій. Слово это напечатано и въ собраніи поучительныхъ словъ Гавріила Бужинскаго. 3) „Письмо поздравительное со взятіемъ турецкаго города Бендеръ къ его сіятельству генералу-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Бѣлагорода. отъ 24-го сентября 1780 года“ (стр. 75). 4) „Увѣщаніе отъ святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнаго Гавріила, архіепископа с.-петербургскаго и ревельскаго, къ народу по причинѣ установленныхъ молитвъ о утоленіи тлетворнаго недуга въ Москвѣ 1771 года“ (стр. 78). 5) „Надгробная надпись преосвященному Амвросію, архіепи-

скопу московскому и калужскому, умершему 6-го сентября 1771 года въ Москвѣ и погребенному въ Донскомъ монастырѣ, октября 4-го числа“ (стр. 80)—стихи Рубана. 6) „Вычисленіе, сколько находится народу въ знатнѣйшихъ городахъ Европы и во всемъ свѣтѣ, учиненное примѣрно въ Варшавскомъ Адресъ-календарѣ 1772 года“ (стр. 107). Во второй части „Старины и Новизны“, посвященной генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, напечатаны: 1) „Историческія извѣстія о первыхъ славяно-греко-латинскихъ въ Россіи: кіевскомъ и московскомъ училищахъ“ (стр. 107). Въ этой любопытной статьѣ говорится: „О первоначальномъ основаніи кіевскихъ училищъ“; „О привилегіяхъ королевскихъ въ бытность Кіева подъ Польшею, и о грамотахъ государскихъ по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ“ (съ 1629 по 1766 г. включительно)—заимствовано изъ кіевскихъ земскихъ книгъ и урядной выписки; „Точная копія сочиненной въ 1726 г. отъ справщика Ѳедора Поликарпова вѣдомости о начатіи греко-латинской (Заиконоспасской) академіи въ Москвѣ“ (время основанія, учители, братья Лихуды, типографія, число учениковъ, вражда противъ Лихудовъ Ѳедора Шакловитаго и Сильвестра Медвѣдева, „или паче рещи лѣснаго медвѣдя“). Затѣмъ слѣдовало „Дополненіе, учиненное преосвящен. епископомъ смоленскимъ Гедеономъ Вишневскимъ“ объ академіи съ 1701 по 1728 г. Обѣщано было продолженіе статьи, но обѣщаніе это осталось безъ исполненія. 2) „Рѣчь преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, говоренная при бракосочетаніи ихъ высочествъ голстейнъ-готторпскаго герцога Карла Фридерика съ россійскою цесаревною Анною Петровною, дщеріо Петра Великаго 21-го мая 1725 года“ (стр. 130). 3) „Списокъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дьяковъ, стряпчихъ съ ключемъ, и другихъ государственныхъ чиновъ съ 1548 по 1707 годъ, взятый изъ книгохранительницы его сіятельства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера князя Петра Никитича Трубецкаго“ (стр. 113). 4) „Духовное завѣщаніе, учиненное покойнымъ генералъ-адмираломъ и кавалеромъ графомъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ въ 1728 году“ (стр. 156) — актъ весьма любопытный, въ которомъ упоминаются многія извѣстныя фамиліи: Голицыныхъ, Долгорукихъ, Головнина, Остермана, Сиверса и

друг. 5) „Чинъ облаченій и прочихъ принадлежностей по сану патріарховъ. архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ“ (стр. 173). 6) „Письмо генералъ-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова къ генералъ-поручику Евдокиму Алексѣевичу Щербинину о смерти его сына. гвардіи измайловскаго полку поручика, убитаго на сраженіи съ турками при Силистріи 18-го іюня 1773 года (стр. 177). 7) „Списокъ грамоты, какова послана съ Аѳанасьемъ Порусуковымъ въ 185 (1677) г. къ цареградскому патріарху о смерти царя Алексѣя Михайловича, и о восшествіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича“ (стр. 180). 8) „Рѣчь къ пресвѣтлѣйшему польскому королю Станиславу Августу, говоренная на латинскомъ языкѣ епископомъ бѣлорусскимъ грекороссійскаго исповѣданія Георгіемъ Конискимъ въ Варшавѣ іюля $^{27}/_{16}$ дня 1765 года“ (стр. 185)—любопытна по смѣлому тону и сказана въ защиту православія. 9) „Рѣчь государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. говоренная преосвященнымъ Георгіемъ Конискимъ, епископомъ бѣлорусскимъ, сентября 29 дня 1762 года въ Москвѣ“ (стр. 182)—произнесена по случаю коронованія императрицы и любопытна по отношенію къ событіямъ того времени. 10) „На обрученіе ихъ императорскихъ высочествъ государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и благовѣрныя государыни великія княжны Наталія Алексѣевны 16-го августа 1779 года“ (стр. 210). 11) „На день рожденія его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича 20 сентября 1773 года“ (стр. 211). 12) „На день коронованія ея императорскаго величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссійской. 22-го сентября 1773 года“ — стихи (стр. 212). 13) Двадцать одна надпись — къ портретамъ: Гавріила, архіепископа санктпетербургскаго, Иннокентія, архіепископа псковскаго. Платона, архіеписк. тверскаго, П. Д. Еропкина, князя В. В. Долгорукаго, княгини Е. Н. Вяземской; по случаю тезоименитствъ М. Г. Спиридова. Д. А. Чичерина, архіеписк. Платона; на рожденіе: фельдмаршала князя А. М. Голицына и княжны В. А. Вяземской; на возвращеніе графа Ѳ. Г. Орлова изъ Архипелага въ Санктпетербургъ 1772 г.; на пожалованіе чинами, орденами и званіями: графа Г. Г. Орлова, князя А. А. Вяземскаго, Л. А.

(стр. 145—164). Въ примѣчаніяхъ къ этой одѣ разсказаны два анекдота о графѣ П. А. Румянцовѣ. У Сопикова этотъ журналъ означенъ неправильно. О „Кошелькѣ“ напечаталъ свѣдѣніе Макаровъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года. № 1 (смѣсь. стр. 28—39), но въ вѣрности нѣкоторыхъ его указаній можно сомнѣваться.